

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 10 / 2020

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Выходит с 1998 г., издается ежемесячно

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Лебедева О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, чл.-корр. РАО,

заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Калиниченко И.А., Зиборов О.В., Клименко А.И.

Формирование ценностных оснований профессионального правосознания сотрудника полиции в процессе образовательной деятельности высших учебных заведений МВД России..... 3

Малахов В.П. Правовое сознание и сознание права: единство противоположностей 11

Мамонтов А.Г. Логика состязательности в правовом сознании..... 17

Дидикин А.Б. Правосознание и правовая реальность: опыт методологической рефлексии 22

Медушевская Н.Ф. Правовая культура в дискурсивной практике метамодерна..... 27

Чувальникова А.С. Ценность как концепт доктринального правосознания и общеправовой теории... 31

Мальковцева Е.В. Дискурс о правовых ценностях в аспекте современной типологии правосознания 37

Сигалов К.Е. Гражданское правосознание как феномен и как симулякр 41

Лановая Г.М. Деформация правосознания: проблемы интерпретации понятия 45

Ромашов Р.А. Маргинальное правосознание как фактор государственно-правовой системы переходного типа..... 50

Немыгина М.В. Трансформации профессионального правосознания юристов в России 55

Кулакова Ю.Ю. От первобытного мышления к архаическому правосознанию: эволюционные характеристики и особенности правовой преemptивности 59

Давидов Д.С. Значение сакрального в различных типах правосознания 64

Зыкова С.В., Дубинина Е.Н. Влияние религиозных ценностей на формирование правосознания 68

Гарашко А.Ю. Информационное правосознание как особый футуристический тип правосознания: теоретико-правовая характеристика 73

Правкина И.Н., Правкин И.В. Влияние информационно-телекоммуникационных технологий на правосознание современного общества..... 77

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtot@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 10.

Номер подписан в печать 10.09.2020.

Номер вышел в свет 24.09.2020.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Объединенный каталог.

Пресса России — 85492 (на полг.).

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга,

ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 10 / 2020

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. PI No. Ф077-30776 from December 25, 2007. Issued since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., LL.D., professor

Editorial Board:

Aronov D.V., Doctor of History, professor;

Babich I.L., Doctor of History;

Zhil'tsov N.A., PhD (Law),

PhD in Pedagogy, professor,

Honorary Worker of Justice of Russia;

Mel'nikov S.A., LL.D., professor;

Migushhenko O.N., LL.D., associate professor;

Nigmatullin R.V., LL.D., professor,

Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan;

Rasskazov L.P., LL.D.,

Doctor of History, professor;

Romashov R.A., LL.D., professor,

Honored Scientist of the Russian Federation;

Safonov V.E., LL.D., professor;

Tumanova A.S., LL.D.,

Doctor of History, professor;

Khabibulin A.G., LL.D., professor,

Honored Lawyer of the Russian Federation;

Cherdakov O.I., PhD in History,

LL.D., professor

Editorial Staff:

Lebedeva O.G., PhD (Law),

associate professor;

Zenin S.S., PhD (Law), associate professor;

Klimenko A.I., LL.D.,

associate professor;

Nedobezhkin S.V., PhD (Law),

associate professor;

Sigalov K.E., LL.D., associate professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding

member of the RAE, Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,

Bely'kh V.S.,

Renov E.N.,

Platonova O.F.,

Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Tel.: (495) 953-91-08.

Authors shall not pay for publication of their articles.

Kalinichenko I.A., Ziborov O.V., Klimenko A.I.

The Establishment of Value Bases for Policeman's Professional Legal Consciousness in the Course

of Educational Activities of Higher Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia 3

Malakhov V.P. Legal Consciousness and Consciousness of Law: The Unity of Opposites 11

Mamontov A.G. The Logic of Adversariality in Legal Consciousness 17

Didikin A.B. Legal Consciousness and Legal Reality: Experience of Methodological Reflection 22

Medushevskaya N.F. The Legal Culture in the Discursive Practice of Metamodernity 27

Chuvalnikova A.S. Value as a Concept of Doctrinal Legal Consciousness and the General Law Theory 31

Malykovtseva E.V. Discourse on Legal Values in the Context of the Modern Typology of Legal Consciousness 37

Sigalov K.E. Civil Legal Consciousness as a Phenomenon and Simulacrum 41

Lanovaya G.M. Deformation of Legal Consciousness: Concept Interpretation Issues 45

Romashov R.A. Marginal Legal Consciousness as a Factor of the State Legal System of the Transition Type 50

Nemytina M.V. Transformations of Professional Legal Consciousness of Lawyers in Russia 55

Kulakova Yu.Yu. From Primitive Thinking to Archaic Legal Consciousness: Evolutionary Characteristics and Peculiarities of Legal Continuity 59

Davidov D.S. The Meaning of Sacred in Various Types of Legal Consciousness 64

Zykova S.V., Dubinina E.N. The Influence of Religious Values on the Establishment of Legal Consciousness 68

Garashko A.Yu. Information Legal Consciousness as a Specific Futuristic Type of Legal Consciousness: Theoretical and Legal Characteristics 73

Pravkina I.N., Pravkin I.V. The Influence of Information and Telecommunication Technologies on Legal Consciousness of the Modern Society 77

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamiyanskaya Emb., Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88 (multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper No. 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 10.

Conventional printed sheet 10.

Passed for printing 10.09.2020.

Issue was published 24.09.2020.

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription:

United Catalogue. Russian Press — 85492

(for 6 months).

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya,

Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without prior written permission of authors or the Editorial Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publications of basic results of PhD and doctor theses.

Founder:
Jurist Publishing Group

Формирование ценностных оснований профессионального правосознания сотрудника полиции в процессе образовательной деятельности высших учебных заведений МВД России

Калиниченко Игорь Александрович,
начальник Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук
support@mosu-mvd.com

Зиборов Олег Валентинович,
первый заместитель начальника
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент
Oleg.ziborov@bk.ru

Клименко Алексей Иванович,
начальник кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент
klimenko_law@mail.ru

Статья посвящена проблеме формирования системы правовых ценностей в профессиональном правосознании сотрудника полиции при получении им высшего юридического образования. Задачи полицейской службы все более интеллектуализируются. Это предполагает совершенствование системы подготовки кадров высшей квалификации, предусматривающее формирование у обучающихся представлений о праве как о системе определенных конвенциональных ценностей.

В работе используется диалектический, системный и логический методы. В отношении понимания права применяется социоаксиологический подход.

Авторы приходят к выводу о том, что в современном политически организованном обществе система высшего образования МВД России способна готовить профессионалов с прочными и развитыми ценностными правовыми представлениями. И здесь особую роль играют теоретико-правовые дисциплины. Высокая проблематизация учебных занятий, замена директивных форм подачи материала дискурсивными позволяют выработать четкое понимание важности права как системы ценностей в профессиональном правосознании полицейского.

Ключевые слова: Университет, высшее образование, правосознание, профессиональное правосознание сотрудника полиции, правовые ценности, полиция, правовая коммуникация, правовое государство.

The Establishment of Value Bases for Policeman's Professional Legal Consciousness in the Course of Educational Activities of Higher Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Kalinichenko Igor A.
Head of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD in Pedagogy

Ziborov Oleg V.
First Deputy Head of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
LL.D., Associate Professor

Klimenko Alexey I.
Head of the Department of Theory of State and Law
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
LL.D., Associate Professor

The article studies the aspects of formation of the system of legal values as part of the professional legal awareness of police officers in the process of higher judicial education. The objectives of police work are getting more and more intellectualized. This creates the enhanced training system for highly qualified police officers, aimed at raising awareness among trainees about law as system of certain conventional values.

The paper employs dialectical, system and logical methods. A social and axiological approach, which includes the combination of social and axiological methods, is employed to study the law itself.

The authors come to the conclusion that in the modern politically organized society the system of higher education of the Russian Ministry of Internal Affairs is capable to meet the social demand for professionals with a high level of axiological and legal awareness. For that task, the theoretical law disciplines are playing the crucial part. The intensive training sessions and the employment of discursive learning techniques instead of directory ones will allow to establish the importance of law as the system of values in raising professional legal awareness of police officers.

Keywords: University, higher education, legal awareness, professional legal awareness of police officers, legal values, police, legal communication, lawful state.

К проблеме формирования ценностных основ профессионального правосознания в процессе образовательной деятельности

Обстоятельства стремительно развивающегося мира ведут к тому, что, несмотря на юридизацию большого объема общественных отношений, правовое регулирование далеко не всегда успевает за быстрыми изменениями, характерными для «текущей современности»¹, что, в свою очередь, приводит к весьма динамичному изменению требований к знаниям и навыкам правоприменителя и, в частности, сотрудника полиции. Ситуация осложняется еще и тем, что осознание текущих изменений «запаздывает», возникает феномен «отстающего понимания» происходящих в обществе изменений, что порождает необходимость не только реактивно рассматривать происходящее, но и пытаться «заглянуть» в будущее. Отвечать потребностям общества, которые динамично меняются, и предвосхищать эти потребности — это важнейшее требование к Университету будущего — современному университету.

Важным вопросом в этой связи предстает вопрос формирования правовых ценностей в правосознании обучающихся. В.П. Малахов, рассуждая об идеях как о смысловых единицах правосозна-

ния, отмечает, что идеология представляет собой определенную систему идеалов, которой путем внушения и убеждения придается значение ценностей и установок деятельности². Соответственно, вопрос о формировании ценностных оснований правосознания сотрудника полиции — вопрос, связанный, в частности, с идеологической функцией образования. Действительно, по утверждению Марка ван Хука, юридическое образование является важным фактором формирования правовой культуры и правовых, а также иных ценностей, лежащих в основе права³. Следует также согласиться с тем, что правовые ценности могут быть рассмотрены как «ментальная основа» правопорядка и само право может быть представлено как нормативное выражение определенных ценностей⁴. При этом, когда ставится вопрос о профессиональном правосознании и проблеме формирования его ценностных оснований, следует уточнить, что имеется в виду именно правосознание полицейс-

¹ См. Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008.

² Малахов В.П. *Теория правосознания. Опыт формирования*. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. С. 53.

³ Хук М. ван. *Право как коммуникация* / пер. с англ. М.В. Антонова, А.В. Полякова. СПб.: Университетский издательский консорциум, 2012. С. 84.

⁴ *Социогуманитарные смыслы и значения права: монография* / Л.И. Глухарева, П.Е. Земскова, В.Ф. Калина и др.; под ред. Л.И. Глухаревой. М.: РУСАЙНС, 2019. С. 67.

кого-юриста. Ввиду того значения, которое приобрели право и правовая идеология в современном обществе, следует признать именно этот вопрос крайне существенным. В условиях правового государства именно праву отводится «ведущая» роль в государственном управлении, а в идеологической сфере общества ведущей выступает правовая идеология. Соответственно, юристы-профессионалы становятся востребованными в первую очередь, и государственная служба здесь не исключение. Разумеется, актуализируется и вопрос формирования профессионального правосознания полицейского.

При этом ценностные основания правосознания выступают своего рода «компасом», который так необходим юристу для того, чтобы «найти» право в каждом конкретном случае, тогда, когда необходимые формализованные юридические стандарты либо отсутствуют (например, пробелы законодательства), либо противоречивы (например, правовые коллизии), либо предусматривают широкие дискреционные полномочия, в пространстве которых все-таки необходимо отыскать право. Значение ценностных основ правосознания в рамках реализации права, его толкования, оценки законодательства и т.д. велико, а все это составляет основу профессионализма современного юриста.

Современные социальные условия формирования профессионального правосознания сотрудника полиции

Сегодня, в условиях становления правового государства, к сотруднику полиции предъявляются новые требования. Это связано с уникальным форматом правового государства: в нем все существенные и, прежде всего, классовые противоречия вытесняются в сферу правового дискурса⁵. На примере классовых противоречий видно, что современное государство больше не «подавляет», а скорее «убеждает» (представители критического дискурсивного

анализа и в языке справедливо усматривают средство господства и подавления, говоря о «злоупотреблении коммуникативной властью» или «злоупотреблении языком»⁶, однако это уже не то силовое господство и не то силовое подавление, которые были характерны для прежних этапов развития государства), и зачастую оно защищает не напрямую господствующий класс, а право, которое предстает на ценностном уровне как своего рода конвенция, формируемая в процессе социально-правовой коммуникации — правового дискурса. То есть зачастую можно заметить, что государство становится на сторону трудящихся в том случае, если на их стороне право. Действительно, следует согласиться с мыслью о том, что, «исследуя связь между государством и классовой властью, следует обращать внимание на то, как отправляется государственная власть и как она согласуется (или не согласуется) с конкретными классовыми интересами в конкретных обществах, и наоборот»⁷. Насильственные архаичные формы классовой борьбы уходят в прошлое. Соответственно, меняется и роль полиции. Полиция трансформируется в современном государстве из главным образом силового органа, обеспечивающего государственное принуждение, в структуру, активно задействованную в правовой коммуникации, в работе с населением. Главным инструментом этой работы становится слово.

Данные обстоятельства находят отражение в законодательстве. Так, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» на полицию возлагается обязанность участия в пропаганде правовых знаний⁸ (и здесь полиция выступает как важный элемент идеологического аппарата государства). Все это обуславливает особые требования к самим

⁵ О релевантности классового подхода см.: Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. Д. Карасева. М.: Дело, 2019. С. 198–229.

⁶ Дейк Т. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. Переверзев, Е. Кожемякин. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. С. 36.

⁷ Джессоп Б. Указ. соч. С. 200.

⁸ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

полицейским — требования, которые не могут быть удовлетворены без формирования особого профессионального правосознания сотрудника полиции, соответствующего социальным потребностям и его новой роли в новом обществе.

Сегодня полицейский все больше из «силовика» трансформируется в «интеллекта». С этим связано и развитие ведомственной системы высшего образования, знаковым событием в развитии которой стало формирование в системе высших учебных заведений МВД России университетов.

Единство обучения и воспитания

Разумеется, когда речь идет о формировании ценностных основ правосознания сотрудника полиции в высшем учебном заведении МВД России, мы должны учитывать, что оно происходит как в рамках учебной, так и воспитательной деятельности. Говоря о воспитательной деятельности, следует подчеркнуть значимость воспитательной работы, традиционно являющейся сильной стороной учебных заведений МВД России. Однако если ставить вопрос об особом значении высших учебных учреждений, то следует, прежде всего, обращать внимание на учебный процесс. Тем более, в рамках целенаправленной воспитательной работы акцент делается не столько на правовое, сколько на моральное воспитание.

На учебных занятиях всегда определяются учебная и воспитательная цели, при этом достижение одной невозможно без достижения другой. Важным принципом образовательной деятельности, по крайней мере в юридической сфере, сегодня должен стать **принцип единства обучения и воспитания**.

С точки зрения социологического подхода к праву становится очевидным, что проблема формирования ценностных основ правосознания есть не только проблема правового воспитания, но также и, возможно даже более всего, проблема познания права. Без этого знания юрист девальвируется в законоведа, а его знания становятся знаниями формальными, временными,

и в современных условиях роботизации и информатизации⁹ такой «юрист»-законовед вполне может быть заменен машиной.

Восприятие и познание правовых ценностей и правовых принципов, таким образом, является приоритетной задачей как обучающе-познавательного, так и идеолого-воспитательного плана.

Разумеется, в вопросе формирования профессионального правосознания сотрудника полиции, его ценностных оснований участвует практически весь комплекс учебных дисциплин. Здесь важна роль и общегуманитарных дисциплин, которые закладывают основы интеллектуальной культуры полицейского. Именно поэтому значимость общегуманитарных дисциплин в университетах МВД России существенно повысилась.

Весомый вклад в формирование научного понимания права вносит история государства и права. Рассматривая государство и право в их становлении и историческом развитии, история государства и права позволяет юристу-профессионалу оценить социальную ценность права и его роль в обществе.

Ввиду того, что за нормами позитивного права стоят правовые ценности, нельзя отрицать значение отраслевых юридических дисциплин в их формировании. При рассмотрении различных юридических ситуаций, решении задач и т.д. профессиональное сознание обучающегося актуализируется, и оценка ситуации зачастую дается не только «техническая», сообразная существующим юридическим нормам и правовой практике, но и такая, которая предполагает ориентацию на базовые правовые ценности. Однако следует подчеркнуть, что далеко не все правовые ценности обретают юридическую форму и, напротив, могут возникать ситуации, когда юридизируются те ценности, которые не являются по своей природе правовыми. В рамках отраслевых юридических

⁹ См. подр.: Цифровизация правотворчества: поиск новых решений : монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, А.А. Головина ; под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М. : ИНФРА-М, 2019.

дисциплин такое тонкое различие сделать сложно. Так, применительно к конституционному праву можно привести следующее понимание конституционных ценностей: «...конституционные ценности — это закрепленные в Конституции РФ или выводимые в процессе толкования ее норм основополагающие общественно значимые идеалы...»¹⁰. Как мы видим, из такого понимания правовых ценностей следует, что текст юридического документа (пусть даже такого важного, как Конституция) первичен (и это нормальный отраслевой подход). Все ценности, обозначенные в Конституции, рассматриваются как правовые по самому факту их юридического закрепления. Тем не менее, если рассматривать действительное право как систему ценностей с точки зрения социоаксиологического подхода, любой нормативный юридический документ может сам стать объектом оценки с точки зрения его соответствия базовым правовым ценностям. Чтобы иметь возможность такой оценки, необходимо иметь теоретическое понимание правовых ценностей, их особой природы.

Следует отметить, что задачу формирования ценностных оснований профессионального правосознания сотрудников полиции непосредственно выполняют теоретико-правовые дисциплины. К ним относится главным образом теория государства и права, а также к ним можно с определенными оговорками отнести философию права и историю политических и правовых учений.

В рамках теории государства и права, в контексте множества подходов к правопониманию, следует учитывать и социоаксиологический подход, который рассматривает право как систему конвенциональных правовых ценностей, формирующихся и пересматривающихся в процессе перманентного правового дискурса.

¹⁰ Конституционно-правовая политика современной России: Идеи, приоритеты, ценности, направления: монография / П.П. Баранов, А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев и др. ; под ред. П.П. Баранова, А.И. Овчинникова. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2018. С. 83.

Что касается философии права, то она включает в себя правовую аксиологию и, несмотря на множественность подходов к ценностям вообще и к правовым ценностям в частности (мы исходим из материалистического подхода к ценностям)¹¹, ряд ее разделов посвящен проблеме ценностей самым прямым образом.

История политических и правовых учений, по сути, показывает нам, что ценности формируются в контексте интересов и потребностей определенных социальных акторов и выражаются в определенных идеологизированных концепциях, теориях, учениях. Действительно, «политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества имеют классовый характер, создают определенным классом, служат интересам этого класса»¹². Дисциплина как нельзя лучше демонстрирует материалистическую природу правовых ценностей, показывает идеологическую составляющую любой политико-правовой концепции.

Тем не менее необходимо обратить внимание на то, что именно в рамках теории государства и права, как общеправовой фундаментальной теории и философии права, вопрос формирования ценностных оснований правосознания предстает в равной степени в учебно-познавательном и воспитательном качестве. Именно эти дисциплины непосредственно направлены на формирование ценностной системы правосознания обучающегося, и не случайно им уделяется значительное внимание в университетском образовании.

Эффективность дискурсивных форм подачи теоретического материала

Следует отметить, что при формировании ценностных оснований правосознания полицейского необходимо,

¹¹ См. Философия права : курс лекций : учебное пособие : в 2 т. / С.Н. Бабурин, А.Г. Бережнов, Е.А. Воротилин и др. ; отв. ред. М.Н. Марченко. М. : Проспект, 2011. Т. 1. С. 307–308.

¹² История политических учений : учебник / П.Н. Галанза, М.П. Карева, С.Ф. Кечекьян и др. ; под ред. С.Ф. Кечекьяна, Г.И. Федькина. М. : Госюриздат, 1955. С. 8.

прежде всего, ориентироваться на дискурсивные формы подачи материала и соответствующие формы проведения учебных занятий, к чему весьма располагает как теория государства и права, так и философия права. Директивные формы подачи материала в плане формирования системы ценностей не так эффективны. Разница между человеком, который сам, в группе, лишь направляемый преподавателем, постиг ценность чего-либо и «заплатил» за это достижение значительной мерой своего интеллектуального усилия, и человеком, которому преподнесли готовое суждение или готовую ценность, весьма существенна. Субъективная значимость «пути» постижения ценности для обучающегося велика. Он сам формирует эту ценность в своем сознании, сам приходит к ней, и она прочно укореняется в профессиональном правосознании обучающегося. Это происходит путем вовлечения (включения) в смоделированный правовой дискурс.

Если в обществе публичный правовой дискурс есть среда воспроизводства конвенциональных правовых ценностей и смыслов — форма дискурсивной социальной (классовой) борьбы, столкновения интересов, то в учебной аудитории правовой дискурс — соприкосновение и борьба интеллектов, где даже минимальные риски снимаются подчеркнуто состязательным (в определенном смысле игровым) характером этого дискурса (здесь уместна аналогия с «удовольствием от безопасной игры», которая привлекает людей к театру, по мнению Л. Альтюссера)¹³. При этом в рамках учебных занятий благодаря своим знаниям, особой позиции, применению педагогических техник и психологических приемов преподаватель имеет ряд преимуществ, он может *моделировать* дискурс, он может его *контролировать* и *направлять*.

Дискурсивные формы подачи материала предполагают критическое осмысление всех наличных позиций.

При этом критика, будучи рассмотренной и осознанно отвергнутой на этом обучающем этапе, самым обучающимся становится в дальнейшем основным упрочнения восприятия правовых ценностей. Здесь мы наблюдаем эффект своего рода «прививки», и это, конечно, важный вопрос идеологической безопасности. При наличии контроля над дискурсом и определенных педагогических навыках важно «закалить» желаемую позицию обучающегося в критике, помочь ему осмыслить и переосмыслить критические доводы, выработать убедительные контрдоводы.

Разумеется, современный человек не живет только в стенах университета, существуют и иные источники получения информации помимо учебных занятий. И эта информация может иметь ценностно-правовое значение. Поэтому важно, чтобы именно учебная аудитория стала бы той средой, где этой информацией можно поделиться, осмыслить ее и переосмыслить в контексте обмена мнениями, в контексте академического дискурса, моделируемого, контролируемого и направляемого преподавателем.

Любой вопрос, оставшийся без ответа, любая ситуация, вызывающая сомнения с точки зрения правовой оценки, должны быть рано или поздно охвачены дискурсом. Преподаватель должен инициировать своего рода «дискурсивный захват» спорной проблематики, при этом сохраняя за собой монополию на авторитетную интерпретацию (то, что осталось от директивной формы подачи материала).

Итак, проблематизированное фрагментарное воспроизводство дискурса на занятиях в рамках теории государства и права и философии права в учебной аудитории позволяет сформировать прочные ценностные основания профессионального правосознания сотрудника полиции, а директивные формы и повторения оказываются слабо эффективными и должны использоваться как дополнительные, но не как основные.

Следует отметить, что благодаря использованию моделирования дискурса в процессе обучения у полицейских формируются не только ценностные основа-

¹³ Альтюссер Л. Об искусстве. М. : V-A-C press, Art-guide Editions, 2019. С. 43.

ния правосознания, но и навыки отстаивать свои убеждения, навыки убеждать, дискутировать и общаться. Они сами теперь могут выполнять функцию модераторов дискурса, возможность пропаганды правовых знаний у них возрастает, как и способность конструктивно коммуницировать с населением. Последнее представляется существенным ввиду того, что полицейский часто воспринимается как представитель государства в целом — представитель официальных властей; полицейский находится на «переднем крае» общения государства и гражданского общества, соответственно, от его коммуникативно-дискурсивных навыков во многом зависит конструктивность этого общения.

Выводы и обобщения

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие **выводы** и наиболее важные **обобщения**:

1. Современное общество, чертами которого является возрастающая динамика общественной жизни, информатизация и юридизация общественных отношений, а также то, что при этом за динамикой правовой жизни зачастую не поспевают юридические формы ее регулирования, предъявляет новые требования к полицейскому. Профессия полицейского претерпевает изменения, интеллектуализируется, и все больше предполагает работу с информацией и коммуникацию с населением. На сме-

ну полицейскому-«силовику» приходит полицейский-«интеллигент». Это вызывает необходимость формирования прочных ценностных оснований профессионального правосознания полицейского.

2. Система ведомственного образования реагирует на эту ситуацию формированием системы высших учебных заведений, ключевую роль в которых играют университеты. Одной из важных задач, решаемых данной системой, является формирование ценностных основ профессионального правосознания обучающихся (которая решается согласно принципу единства обучения и воспитания). Это существенно ввиду того, что полицейский, имеющий сформированную систему правовых ценностей, обладает способностью принимать решения в сложных ситуациях и выносить суждения на базе правовых ценностей тогда, когда формально-юридические основания принятия решений недостаточны или противоречивы.

3. Задачу формирования ценностных оснований профессионального правосознания сотрудника полиции непосредственно решают учебные дисциплины теоретико-правового блока. В процессе их преподавания необходимо увеличивать долю ценностно значимого материала, который подается в дискурсивной форме. Именно так правовые ценности лучше усваиваются и закрепляются.

Литература

1. Альгюссер Л. Об искусстве / Л. Альгюссер. Москва: V-A-C press, Artguide editions, 2019. 112 с.
2. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман. Санкт-Петербург : Питер, 2008. 240 с.
3. Дейк Т. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. ван Дейк ; перевод с английского Е. Переверзев, Е. Кожемякин. Москва : ЛИБРОКОМ, 2014. 344 с.
4. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / Б. Джессоп ; перевод с английского С. Моисеева ; под научной редакцией Д. Карасева. Москва : Дело, 2019. 504 с.
5. История политических учений : учебник / П.Н. Галанза, М.П. Карева, С.Ф. Кечекьян [и др.] ; под редакцией С.Ф. Кечекьяна, Г.И. Федькина. Москва : Госюриздат, 1955. 771 с.
6. Конституционно-правовая политика современной России: Идеи, приоритеты, ценности, направления : монография / П.П. Баранов, А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев [и др.] ; под редакцией П.П. Баранова, А.И. Овчинникова. Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2018. 248 с.

7. Малахов В.П. Теория правосознания. Опыт формирования : монография / В.П. Малахов. Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2020. 335 с.
8. Социогуманитарные смыслы и значения права : монография / Л.И. Глухарева, П.Е. Земскова, В.Ф. Калина [и др.] ; под редакцией Л.И. Глухаревой. Москва : РУСАЙНС, 2019. 254 с.
9. Философия права. В 2 томах. Т. 1 : курс лекций : учебное пособие / С.Н. Бабурин, А.Г. Бережнов, Е.А. Воротилин [и др.] ; ответственный редактор М.Н. Марченко. Москва : Проспект, 2011. 552 с.
10. Хук М. ван. Право как коммуникация / М. ван Хук ; перевод с английского М.В. Антонова, А.В. Полякова. Санкт-Петербург : Университетский издательский консорциум, 2012. 288 с.
11. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений : монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, А.А. Головина ; под общей редакцией Д.А. Пашенцева. Москва : ИНФРА-М, 2019. 234 с.

References

1. Althusser L. Ob iskusstve [On the Arts] / L. Althusser. Moskva : V-A-C press, Artguide editions — Moscow : V-A-C press, Artguide editions, 2019. 112 s.
2. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost [Fluctuating Modernity] / Z. Bauman. Sankt-Peterburg : Piter — Saint Petersburg : Peter, 2008. 240 s.
3. Dijk T. van. Diskurs i vlast. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazy'ke i kommunikatsii ; perevod s angliyskogo E. Pereverzev, E. Kozhemyakin [Discourse and Power ; translation from English by E. Pereverzev, E. Kozhemyakin] / T. van Dijk. Moskva : LIBROKOM — Moscow : LIBROCOM, 2014. 344 s.
4. Jessop B. Gosudarstvo: proshloe, nastoyashee i budushee ; perevod s angliyskogo S. Moiseeva ; pod nauchnoy redaktsiyey D. Karaseva [The State: Past, Present, Future ; translation from English by S. Moiseev ; scientific editor D. Karasev] / B. Jessop. Moskva : Delo — Moscow : Business, 2019. 504 s.
5. Istoriya politicheskikh ucheniy : uchebnik ; pod redaktsiyey S.F. Kechekyana, G.I. Fedkina [The History of Political Doctrines : textbook ; edited by S.F. Kechekyan, G.I. Fedkin] / P.N. Galanza, M.P. Kareva, S.F. Kechekyan [i dr.]. Moskva : Gosyurizdat — Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1955. 771 s.
6. Konstitutsionno-pravovaya politika sovremennoy Rossii: Idei, priority, tsennosti, napravleniya : monografiya ; pod redaktsiyey P.P. Baranova, A.I. Ovchinnikova [The Constitutional Law Policy of the Modern Russia: Ideas, Priorities, Values, Areas : monograph ; edited by P.P. Baranov, A.I. Ovchinnikov] / P.P. Baranov, A.I. Ovchinnikov, A.Yu. Mamy'chev [i dr.]. Moskva : RIOR : INFRA-M — Moscow : RIOR : INFRA-M, 2018. 248 s.
7. Malakhov V.P. Teoriya pravosoznaniya. Opy't formirovaniya : monografiya [A Legal Conscientiousness Theory. The Experience of Establishment : monograph] / V.P. Malakhov. Moskva : YUNITI-DANA : Zakon i pravo — Moscow : UNITI-DANA : Act and Law, 2020. 335 s.
8. Sotsiogumanitarny'e smy'sly i znacheniya prava : monografiya ; pod redaktsiyey L.I. Glukharevoy [Social and Humanitarian Meanings and Significance of Law : monograph ; edited by L.I. Glukhareva] / L.I. Glukhareva, P.E. Zemskova, V.F. Kalina [i dr.]. Moskva : RUSAYNS — Moscow : RUSCIENCE, 2019. 254 s.
9. Filosofiya prava. V 2 tomakh. T. 1 : kurs lektsiy : uchebnoe posobie ; otvetstvenny'y redaktor M.N. Marchenko [Philosophy of Law. In 2 volumes. Vol. 1 : course of lectures : textbook ; publishing editor M.N. Marchenko] / S.N. Baburin, A.G. Berezhnov, E.A. Vorotilin [i dr.]. Moskva : Prospekt — Moskva : Prospect, 2011. 552 s.
10. Hoecke M. van. Pravo kak kommunikatsiya ; perevod s angliyskogo M.V. Antonova, A.V. Polyakova [Law as Communication ; translation from English by M.V. Antonov, A.V. Polyakov] / M. van Hoecke. Sankt-Peterburg : Universitetskiy izdatelskiy konsortsiy — Saint Petersburg : University Publishing Consortium, 2012. 288 s.
11. Tsifrovizatsiya pravotvorchestva: poisk novy'kh resheniy : monografiya ; pod obschey redaktsiyey D.A. Pashentseva [Digitization of Law-Making: The Search for New Solutions : monograph ; under the general editorship of D.A. Pashentsev] / D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo, O.A. Ivanjuk, A.A. Golovina. Moskva : INFRA-M — Moscow : INFRA-M, 2019. 234 s.

Правовое сознание и сознание права: единство противоположностей

Малахов Валерий Петрович,
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
valery-malakhov@mail.ru

Различение правового сознания и сознания права для общеправовой теории имеет методологическое значение, поскольку позволяет придать правопониманию гораздо большую содержательность и многоплановость, для идеологической и правовой практики оно имеет мировоззренческое значение, потому что делает более определенными идейно-правовые позиции общества и государства, а правовой практике придает дополнительные ценностно-нормативные основания.

Ключевые слова: право, правовое сознание, правопонимание, правовая реальность, понимание, познание, правовое существо, правовое.

Legal Consciousness and Consciousness of Law: The Unity of Opposites

Malakhov Valeriy P.
Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation
LL.D., Professor

The distinction between legal consciousness and the consciousness of law is of methodological significance for General legal theory, since it allows us to give a much greater content and diversity to the legal understanding; for ideological and legal practice, it has a worldview value, because it makes the ideological and legal positions of society and the state more definite, and gives additional value-normative grounds to legal practice.

Keywords: law, legal consciousness, legal understanding, legal reality, understanding, cognition, legal essence, legal.

Слово «правосознание» является обозначением двух связанных, но тем не менее вполне самостоятельных понятий — правового сознания и сознания права. Существо проблемы выражается в следующем тезисе: право, как бы его ни понимали, всегда двойственно, и эта двойственность заложена не в действительности, а в самом общественном сознании, а именно в противоположности смысловых нагрузок, присущих, с одной стороны, сознанию права, а с другой — правовому сознанию. Тем самым следует признать противоречивым по своему существу употребляемое в общеправовой теории и

философии права понятие правосознания.

Казуистичность и искусственность (надуманность) такой постановки проблемы только кажущиеся. На самом деле это различие имеет принципиальное, методологическое и мировоззренческое значение.

Это различие, по нашему мнению, не попадает в предметное поле общеправовой теории, что делает ее не отчетливой в концептуальном плане и менее содержательной. Практически ни в одном теоретико-правовом исследовании нет места правосознанию, т.е. никакой существенной функциональной

нагрузки проблема правосознания на самом деле не имеет, все ограничено лишь отражением в специфических формах существующего права. Даже выход на понимание права не предусматривает иного, чем научное, или наукообразное, сознания права¹.

Далее изложение высказанной теоретической позиции будет строиться на сопоставлении характеристик правового сознания и сознания права².

Во-первых, правовое сознание — сознание (рефлексия) правового существа³, сознание правового (его присутствия) во всех элементах социальной действительности⁴, видение правовой жизни во всем. Правовое сознание придает всей социальной реальности правовой «окрас». Оно является достижением человеком определенного состояния, о чем писал, например, И.А. Ильин: «...жить — значит, для человека жить правосознанием, в его функциях и в его терминах»⁵.

Сознание права есть отражение существующего права. Оно, как способ отражения права, является субъектом, по сути, всех определений правосознания, например: «Правовое сознание личности — совокупность индивидуальных духовных качеств, обеспечивающих ориентацию субъекта в правовой реальности»⁶. Или: «Правосознание —

это не только отражение в индивидуальном сознании духа и характера уже действующих в обществе законов, оно активно, творчески корректирует и критикует действующие законы (и институты) с позиций индивидуальной справедливости»⁷.

Сознание права построено на выделении права из других сфер и элементов социальной реальности, достижении определенного знания о праве. Однако, как утверждал И.А. Ильин, «нормальное правосознание отнюдь не сводится к верному знанию положительного права. Оно вообще не сводится к одному „знанию“, но включает в себя все основные функции душевной жизни»⁸.

Во-вторых, правовое сознание характеризуется рефлексивностью, а сознание права — отражательностью. Но главное в том, что выявлять связь одного и другого с точки зрения первичности или вторичности друг по отношению к другу и к действительности бессмысленно, в каждом отдельном моменте возможно что-либо одно: «Либо мы ухватываем смысл, а кажимость от нас ускользает — либо смысл ускользает от нас, а кажимость остается»⁹.

В-третьих, правовое сознание нацелено на понимание права (ибо это самопонимание), а сознание права — на познание права.

Правовое сознание есть правопонимание, и содержанием его являются в основном принципы, ценности, основания, интенции. Сознание права не дает правопонимания, а конструирует его на уровне явлений. Понимание обычно сводится к, так сказать, углубленному до уровня сущностей научному познанию. Содержанием сознания права являются структурные элементы: нормы, правила, требования, права и т.п.

¹ См., напр.: История и методология юридической науки : учебник для студентов вузов / И.Ю. Алексеева и др. ; под ред. Ю.А. Денисова, И.Л. Честнова. СПб. : Юридический центр Пресс, ИВЭСЭП, 2014. С. 253–256.

² Близка этому позиция А.И. Овчинникова, различившего «мышление в праве» и «мышление о праве», см.: Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов н/Д : Изд-во Ростовского университета, 2002. С. 156.

³ Малахов В.П. Философия права : учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 189–202.

⁴ Малахов В.П. Теория правосознания. Опыт формирования. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2020. С. 65–71.

⁵ Ильин И.А. Осуществности правосознания // Ильин И.А. Собрание сочинений : в 10 т. ; сост., вступ. ст. и комм. Ю.Т. Лисицы. М. : Русская книга, 1994. Т. 4. С. 155.

⁶ Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. С. 623.

⁷ Философия права : учебник / под ред. О.Г. Данильяна. Харьков : Прапор, 2005. С. 262.

⁸ Ильин И.А. Указ. соч. С. 160.

⁹ Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. М. : РИПОЛ классик, 2020.

Подмена правового сознания сознанием права заводит вопрос о правопонимании в тупик, индикатор которого — нескончаемые дискуссии по данному вопросу.

В-четвертых, сознание права не тождественно праву, а правовое сознание и право друг другу тождественны. В методологическом плане последнее означает, что обращение к осмыслению природы и существа правового сознания есть тем самым путь к постижению феномена права.

Почему сегодня это тождество, признанное, к слову, еще марксистской социальной философией, настойчиво разрушается, почему сознание права становится достаточным, единственно правильным и научным? Потому что современное право стало главным образом политическим феноменом и в действительности своим в правовом сознании, в сущности, не нуждается. Правовое же сознание вне этого тождества неизбежно деградирует и становится иллюзорным¹⁰.

В-пятых, правовое сознание и сознание права по целому ряду существенных признаков контрастируют друг с другом.

Так, в свете уже сказанного правовое сознание имманентно праву (и наоборот), сознание же права привнесено в право, оно внешнее, поверхностное, сконцентрированное на уровне явлений, вырастает из практических последствий действия права. На сознании права построено юридическое право, для которого действительные отношения всегда недостаточны, неудовлетворительны и являются предметом оформления, изменения, конструирования (творчества) и т.п.

В связи с указанным правовое сознание является для права органичной системой, а сознание права представляет собой систему механического типа. Это означает как минимум, что в правовом сознании определяющим является механизм самоорганизации и само-

ограничения, сознанию же права этот механизм не свойственен, а наличие отдельных его элементов не существенно для права.

Как следствие, правовое сознание по своей природе гораздо более консервативное, чем сознание права, а потому оно адекватно выражает природу права¹¹. Сознание права отличается преобладанием динамичности.

Далее, одним из существенных свойств правового сознания является его, условно говоря, апологетичность (в этом оно мало чем отличается от религиозного сознания). Правовое сознание противление праву, сомнение в нем не содержит, оно всегда объяснение, оправдание права. Поэтому, на наш взгляд, разговоры, например, о деформациях профессионального правосознания, а также о правовом нигилизме как характеристике отечественного массового правосознания (а оно именно правовое сознание) скорее иносказательны, за ними скрыты лишь идеолого-политизированные установки и предрассудки. Неприятие, искажения и т.п. права — свидетельство борьбы, подавления правового сознания другими формами, прежде всего, политикой, моралью, прагматическими формами (экономическое, рациональное, наукообразное сознание и т.п.).

В противоположность апологетичности правового сознания сознание права оппозиционно (в широком смысле этого слова). В этом оно сближается с моральным и политическим сознанием.

Наконец, правовое сознание можно охарактеризовать как легитимирующее, тогда как сознание права сориентировано главным образом на актуализацию своей легализующей способности. По крайней мере, для него легализация и первична и, в общем-то, достаточна.

В-шестых, и правовому сознанию, и сознанию права атрибутивны механизмы долженствования, но при этом

¹⁰ Там же. С. 96.

¹¹ Малахов В.П. Общая теория права и государства : курс лекций. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2018. С. 32–33.

смыслы в должествование привносятся разные.

Так, правовое сознание в своей актуализации опирается на механизм идеального должествования. «Именно естественное правосознание как предмет знания о „самом“, „настоящем“, едином праве должно лежать в основании всякого суждения о „праве“ и всякого правового и судебного решения, а потому и в основании законов»¹². Это «самое», «настоящее», «подлинное» и есть то, что должно быть в идеале, пределом ожиданий и желаний, предметом всех правовых интенций¹³, вокруг которых и группируется весь нормативно-регулятивный строй права.

Для сознания права основным, если не достаточным, является механизм нормативного должествования, результатом актуализации которого является действующее в качестве совокупности норм, правил, требований (и при поддержке их субъекта) право.

Таковы антиномии, возникающие при сопоставлении характеристик правового сознания и сознания права.

В контексте поставленной проблемы возникает и вопрос о смысловой двойственности понятия правовой реальности. Этой смысловой неопределенности до известной степени можно избежать, разведя понятия правовой реальности и реальности права. Содержанием первого понятия является реальность как мыслимость. Это значит, что правовая реальность носит символический характер, это знак ее, но не сама она. Содержанием второго понятия является реальность как действенность. В первом смысле понятие правовой реальности представляется избыточным, поскольку ничего дополнительно ни по поводу права, ни по поводу правового сознания не объясняет: если всё — реальность, значит, нет ничего нереального. Такие, например, высказывания: «„Первореальностью“ права выступает

смысл права, заключающийся в определенном должествовании»¹⁴ или «Юридический миф — такая же правовая реальность, как норма, правосознание и правовые идеи»¹⁵ — являются яркими иллюстрациями понимания правовой реальности именно в первом смысле.

Наконец, следует сказать, что в понятиях правового сознания и сознания права заложен разный методологический смысл: проблемы правового сознания являются предметом философии права, проблемы сознания права — предметом юридической догмы.

Философский подход к правопониманию демонстрируется во многих учебниках и учебных пособиях по философии права (в ином формате, к сожалению, отечественные правоведы философию права не видят, как не видят ее и издательства). Но в них нет ничего иного, кроме обращенности на отражение права сознанием, само же правовое сознание связано только со своим содержанием (то, как и в чем в философии права право отражается средствами правосознания, и есть правосознание)¹⁶.

Выводами из сказанного могут быть следующие суждения.

1. Разрыв между сознанием права и правовым сознанием в современном мире увеличивается. Правовое сознание ассоциирует себя вовсе не с тем правом, которое является действующим и проистекает не от правового существа, а от государства. Сознание права противится правовому сознанию, вытесняет его, поскольку последнее перестает совмещаться с мобильностью

¹² Ильин И.А. Указ. соч. С. 157.

¹³ Малахов В.П. Теория правосознания. Опыт формирования. С. 141–238.

¹⁴ Максимов А.М. Юридическая догма и формально-юридический (догматический) метод в постсоветском правоведении // Проблемы постсоветской теории и философии права: перспективы свободного общества : сб. ст. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 25.

¹⁵ Исаев И.А. Закон и революция. Легальные основания революционного мифа. М. : РГ-Пресс, 2019. С. 6.

¹⁶ Философия права: концептуальные основы преподавания в юридических вузах : монография / под ред. Л.А. Деминой. М. : Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 52–69.

общественных процессов и с повышенной реактивностью общественного сознания права.

2. Право вследствие наличия принципиальных различий между понятиями правового сознания и сознания права само предстает как внутренне противоречивое, хотя и в определенной степени сбалансированное.

3. Важная практическая задача общества — привитие людям не сознания (и знания) права, а правового сознания,

т.е. естественного желания и стремления жить в праве и по праву, т.е. по законам, сообразным с природой права. «Дух или настрой ума, характеризующий практику общественной жизни, есть нечто чрезвычайно ценное и даже жизненно важное для людей, что необходимо культивировать и сохранять в любом обществе»¹⁷.

¹⁷ Харт Г.Л.А. Право, свобода и мораль. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. С. 96.

Литература

1. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права / В.А. Бачинин. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006. 1093 с.
2. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства / Ж. Бодрийяр. Москва : РИПОЛ классик, 2020. 347 с.
3. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собрание сочинений. В 10 томах. Т. 4 ; составитель, вступительная статья и комментарий Ю.Т. Лисицы. Москва : Русская книга, 1994. 620 с.
4. Исаев И.А. Закон и революция. Легальные основания революционного мифа / И.А. Исаев. Москва : РГ-Пресс, 2019. 208 с.
5. История и методология юридической науки : учебник для студентов вузов / И.Ю. Алексеева [и др.] ; под редакцией Ю.А. Денисова, И.Л. Честнова. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, ИВЭСЭП, 2014. 560 с.
6. Максимов А.М. Юридическая догма и формально-юридический (догматический) метод в постсоветском правоведении / А.М. Максимов // Проблемы постсоветской теории и философии права: перспективы свободного общества : сборник статей. Москва : Юрлитинформ, 2018. С. 149–201.
7. Малахов В.П. Общая теория права и государства : курс лекций / В.П. Малахов. Москва : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2018. 271 с.
8. Малахов В.П. Теория правосознания. Опыт формирования / В.П. Малахов. Москва : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2020. 335 с.
9. Малахов В.П. Философия права : учебное пособие для студентов вузов / В.П. Малахов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 336 с.
10. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме / А.И. Овчинников. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 2002. 285 с.
11. Философия права : учебник / под редакцией О.Г. Данильяна. Харьков : Прапор, 2005. 416 с.
12. Философия права: концептуальные основы преподавания в юридических вузах : монография / под редакцией Л.А. Деминой. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2016. 223 с.
13. Харт Г.Л.А. Право, свобода и мораль / Г.Л.А. Харт. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. 136 с.

References

1. Bachinin V.A. Entsiklopediya filosofii i sotsiologii prava [An Encyclopedia of Philosophy and Sociology of Law] / V.A. Bachinin. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2006. 1093 s.

2. Baudrillard J. Sovershennoe prestuplenie. Zagovor iskusstva [The Conspiracy of Art] / J. Baudrillard. Moskva : RIPOL klassik — Moscow : RIPOL classic, 2020. 347 s.
3. Ilyin I.A. O suschnosti pravosoznaniya [On the Essence of Legal Consciousness] // Ilyin I.A. Sobranie sochineniy. V 10 tomakh. T. 4 ; sostavitel, vstupitel'naya statya i kommentariy Yu.T. Lisitsy` [Collection of Works. In 10 volumes. Vol. 4 ; compiled, introductory article and commentary by Yu.T. Lisitsa]. Moskva : Russkaya kniga — Moscow : Russian Book, 1994. 620 s.
4. Isaev I.A. Zakon i revolyutsiya. Legalny`e osnovaniya revolyutsionnogo mifa [Law and Revolution. Legal Bases for a Revolutionary Myth] / I.A. Isaev. Moskva : RG-Press — Moscow : RG-Press, 2019. 208 s.
5. Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki : uchebnik dlya studentov vuzov ; pod redaktsiyey Yu.A. Denisova, I.L. Chestnova [The History and Methodology of the Legal Science : textbook for students of higher educational institutions ; edited by Yu.A. Denisov, I.L. Chestnov] / I.Yu. Alekseeva [i dr.]. Sankt-Peterburg : Yuridicheskii tsentr Press, IVESEP — Saint Petersburg : Legal Center Press, Saint Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law, 2014. 560 s.
6. Maksimov A.M. Yuridicheskaya dogma i formalno-yuridicheskii (dogmaticheskiy) metod v postsovetskom pravovedenii [The Legal Dogma and the Formal Law (Dogmatic) Method in Post-Soviet Legal Studies] / A.M. Maksimov // Problemy` postsovetskoj teorii i filosofii prava: perspektivy` svobodnogo obshchestva : sbornik statey [Issues of the Post-Soviet Theory and Philosophy of Law: Prospects of a Free Society : collection of articles]. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Urlitinform, 2018. S. 149–201.
7. Malakhov V.P. Obschaya teoriya prava i gosudarstva : kurs lektsiy [A General Theory of Law and State : course of lectures] / V.P. Malakhov. Moskva : YUNITI-DANA ; Zakon i pravo — Moscow : UNITI-DANA ; Act and Law, 2018. 271 s.
8. Malakhov V.P. Teoriya pravosoznaniya. Opy`t formirovaniya [The Legal Consciousness Theory. The Experience of Establishment] / V.P. Malakhov. Moskva : YUNITI-DANA ; Zakon i pravo — Moscow : UNITI-DANA : Act and Law, 2020. 335 s.
9. Malakhov V.P. Filosofiya prava : uchebnoe posobie dlya studentov vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. [Philosophy of Law : textbook for students of higher educational institutions. 2nd edition, revised and enlarged] / V.P. Malakhov. Moskva : YUNITI-DANA — Moscow : UNITI-DANA, 2007. 336 s.
10. Ovchinnikov A.I. Pravovoe my`shlenie v germeneyvticheskoy paradigme [Legal Thinking in a Hermeneutic Paradigm] / A.I. Ovchinnikov. Rostov-na-Donu : Izd-vo Rostovskogo universiteta — Rostov-on-Don : Publishing house of the Rostov University, 2002. 285 s.
11. Filosofiya prava : uchebnik ; pod redaktsiyey O.G. Danilyana [Philosophy of Law : textbook ; edited by O.G. Danilyan]. Kharkov : Prapor — Kharkov : Prapor, 2005. 416 s.
12. Filosofiya prava: kontseptualny`e osnovy` prepodavaniya v yuridicheskikh vuzakh : monografiya ; pod redaktsiyey L.A. Deminoy [Philosophy of Law: Conceptual Issues of Teaching in Legal Higher Educational Institutions : monograph ; edited by L.A. Demina]. Moskva : Norma: INFRA-M — Moscow : Norm: INFRA-M, 2016. 223 s.
13. Hart H.L.A. Pravo, svoboda i moral [Law, Liberty and Morality] / H.L.A. Hart. Moskva : Izd-vo In-ta Gaydara — Moscow : Publishing house of the Gaidar Institute, 2020. 136 s.

Логика состязательности в правовом сознании

Мамонтов Александр Григорьевич,
доцент кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
mamontov60@mail.ru

В статье предлагается логика состязательного понимания права, в соответствии с которым право рассматривается как один из социальных феноменов, основанных на состязании как разумной форме безопасного и справедливого взаимодействия в условиях конфликтности интересов.

Ключевые слова: состязательность, правосознание, логика состязательности, процессуальная состязательность, состязательное правопонимание, правовой интерес.

The Logic of Adversariality in Legal Consciousness

Mamontov Aleksandr G.
Associate Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD (Law), Associate Professor

The article reviews the logic of competitive understanding of law as a social phenomenon based on competition as a reasonable way of safe and fare interaction in conditions of conflict of interests.

Keywords: competitiveness, legal consciousness, logic of competitiveness, processual competitiveness, competitive understanding of law, legal interest.

Процесс понимания права — это не столько процесс накопления знаний о многообразных формах его проявления, сколько процесс постижения его логики. Понять право — значит обнаружить логику в процессе его возникновения и найти логичные объяснения его развитию и метаморфозам. В настоящей статье предлагается понимание права, основанное на логике состязания как базового механизма целого класса форм социального взаимодействия, в числе которых право занимает не последнее место. Право в данном случае рассматривается как результат развития и свойство человеческого сознания, а не результат функционирования сознания субъекта (государства, законодателя, отдельного человека и пр.). Логичное в объективном процессе есть с необходимостью вытекающее, следующее, логика в данном случае определяет последствия с безусловностью (что

особенно важно в правовом смысле) или высокой вероятностью. Обнаружение логики есть самостоятельный аргумент при характеристике любого процесса¹.

Состязание как феномен стало универсальной формой разумного выстраивания конфликтных общественных отношений. Понимание права как системы развитых форм состязательных отношений могло бы служить «опосредующим звеном, объединяющим и проясняющим» все многообразие правовых теорий, позволяющим «сложить разбросанные осколки знания в подлинную и связную картину»².

¹ Гарашко А.Ю., Клименко А.И., Лизикова И.И. и др. Логика правового регулирования общественных отношений // Статья в открытом архиве № 3. 03.04.2018.

² Палазян А.С. Проблема правопонимания: множественность, единство, единственность? // Право и образование. 2009. № 5. С. 57.

Ценность теоретико-правовой разработки понятий состязания и состязательности состоит в том, что они могут быть положены в основу подхода к пониманию права как форме проявления необходимой разумности, направленной на сохранение субъектности участников социального общения в условиях столкновения их интересов. Такой подход логично и непротиворечиво сочетал бы идейно-философские положения о человеке как источнике права и социологические начала правовых теорий, поскольку развитость общественных отношений по логике состязания знаменует расцвет общества, основанного на принципах разума и справедливости, раскрывает ценность личности и других автономных субъектов социального общения. Позитивная нормативная юриспруденция могла бы быть дополнена новыми (обновленными) представлениями о принципах позитивного правообразования, механизмах и принципах реализации права и др.

подавляющее большинство отечественных исследователей связывают правовую состязательность исключительно с процессуальным правом³. В контексте исследования различных видов судопроизводства оценивается ее специфика для процесса в целом и для отдельных его стадий. В отечественной юридической литературе теоретический анализ понятия состязательности чаще всего ограничивается его определением через формальные признаки: наличие двух равноправных сторон в правовом споре и независимый и

пассивный в поиске доказательств судья (арбитр), который на основании предоставленных сторонами доказательств выносит решение. М.С. Строгович определял состязательный процесс как такое «построение судебного разбирательства, в котором обвинение отделено от суда, решающего дело, и в котором обвинение и защита осуществляются сторонами, наделенными равными правами для отстаивания своих утверждений и оспаривания утверждений противной стороны...»⁴. Это определение состязательности, ставшее классическим для отечественных юристов, на самом деле устанавливает лишь формальную схему взаимоотношений суда и сторон, оставляя вне поля внимания содержательные вопросы состязания как такового⁵.

Процессуальная состязательность — самая очевидная форма правового состязания в отстаивании своего права. За счет своей аксиоматичной ценности для правосудия (суда) она заслоняет собой другие формы состязания, которые представляют собой базовый механизм правообразования и функционирования права.

Идея состязательного правопонимания возникла в результате поиска логической «увязки» в системном представлении о праве уже сформировавшихся теоретико- и философско-правовых концепций. Элементы состязательного понимания природы права можно найти почти у каждого из авторов, касавшихся этой темы⁶.

Состязание — феномен, главным и существенным признаком которого яв-

³ См., напр.: Давлетов А.А. Состязательность в современном уголовном процессе России // Бизнес, менеджмент и право. 2012. № 2 (26). С. 65–68; Ибрагимов А.К. Состязательность в российском судопроизводстве: особенности определения // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2. С. 75–78; Рябков Е.М. Объективная истина и состязательность в уголовном процессе: конфронтация или взаимодополнение // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 2 (23). С. 56–60; Сухорукова Ю.В. Состязательность как элемент формирования древнерусского права // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 96–99; и др.

⁴ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М. : Наука, 1968. Т. 1. С. 149.

⁵ На данную научную традицию мы указывали ранее. См.: Мамонтов А.Г. Состязательность как природа права // Вестник экономической безопасности. 2016. № 6. С. 92.

⁶ См., напр.: Малахов В.П. Основы философии права : учебное пособие. М. : Академический Проект : Культура, 2005; Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание : избранные труды. СПб. : Алеф-Пресс, 2014; Честнов И.Л. Постклассическая теория права : монография. СПб. : Алеф-Пресс, 2012; и др.

ляются правила, т.е. искусственно установленные условия победы в противоборстве. Состязание — объективный результат становления и функционирования правосознания (как индивидуального, так и общественного) в условиях конкурентной социальной среды. Его можно назвать первичной формой правообразования, поскольку оно является внутренним механизмом развертывания права. В.П. Малахов исходным правовым актом считает притязание, что тоже во многом верно, поскольку без этого акта невозможно запустить механизм состязательного правообразования⁷.

Таким образом, в общественном сознании «состязание» ассоциируется с социальным феноменом, характеризующимся следующими свойствами: во-первых, состязание становится необходимым в условиях столкновения интересов (конфликта, конкуренции); во-вторых, оно всегда предполагает две (или более) определенных стороны (тяжущихся); в-третьих, состязание основано на усилиях (физических, интеллектуальных, творческих и пр.); в-четвертых, состязание представляет собой процесс выяснения «превенства», превосходства, признание которого является ключевым условием реализации оспариваемого интереса. Эти общие свойства состязания обнаруживаются во всех без исключения его формах: игре, соревнованиях, суде, конкурсах и т.д.

Состязание стало возможным с достижением определенного уровня развития сознания. Оно возможно только в рамках рационального, целенаправленного, организованного, т.е. волевого, поведения. Состязание (как, впрочем, и право) невозможно без коммуникации. Для того чтобы состязание состоялось и развилось как социальный феномен, коммуникация должна приобрести вербальные формы, что вначале предполагает соответствующую языковую фор-

мализацию притязаний сторон⁸. Без достаточно развитых коммуникативных средств невозможна выработка правил, одинаково понимаемых множеством людей.

Состязание в правовой форме порождается опасностью социальной конкуренции, которая неизбежна и неустранима, поскольку является базовым источником социального развития. Состязание же, как форма разрешения спорных отношений, имеет две базовых цели: безопасность и справедливость. Условия, а впоследствии правила состязания становятся необходимыми, когда без них конкурентная борьба может причинить неприемлемый вред сторонам или за счет заведомых преимуществ, не связанных с существом отстаиваемых интересов одной из сторон, делает борьбу несправедливой, поскольку другая сторона лишается или существенно ограничивается в шансах на победу.

Ранние формы состязания не были сложными и не требовали развернутых и детальными правил. Они сводились к условиям, которые снижали порог опасности и неприемлемого вреда или выравнивали шансы на успех заведомо несопоставимых по силе противников. Эти универсальные цели характерны для всех форм состязания. Состязание ради состязания бессмысленно. В действительности мы можем обнаружить неисчерпаемое количество форм его проявления во всех без исключения сферах социальной жизни.

Распространение механизма состязания на конфликтные общественные отношения, порожденные противоречием частных и публичных интересов, приводит к возникновению права. Логикой правового сознания, таким образом, становится логика состязательной формы снятия противоречий в самом широком смысле, это и противоречия частного и публичного, или,

⁷ Малахов В.П. Указ. соч. С. 110–146.

⁸ Мазуров И.И. Природа и содержание правопритязаний : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 11.

как отмечает А.И. Клименко, классовые противоречия⁹. На основе логики состязательности в правовом сознании интегрируются представления о разумном, безопасном и справедливом содержании правовых ограничений.

⁹ Клименко А.И. Социо-аксиологический подход к праву и его значение для современной юридической науки // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 4 (87). С. 106.

В этом смысле становятся логичными правовые ограничения субъектов, представляющих публичные интересы и осуществляющих их защиту, т.е. государства и его представителей. Однако состязательное правовое сознание признает за частным субъектом право на наличие и отстаивание интересов, не совпадающих с публичными, условием реализации которых становится победа в правовом состязании.

Литература

1. Гарашко А.Ю. Логика правового регулирования общественных отношений / А.Ю. Гарашко, А.И. Клименко, И.И. Лизикова [и др.] // Статья в открытом архиве. № 3. 03.04.2018.
2. Давлетов А.А. Состязательность в современном уголовном процессе России / А.А. Давлетов // Бизнес, менеджмент и право. 2012. № 2 (26). С. 65–68.
3. Ибрагимов А.К. Состязательность в российском судопроизводстве: особенности определения / А.К. Ибрагимов // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2. С. 75–78.
4. Клименко А.И. Социо-аксиологический подход к праву и его значение для современной юридической науки / А.И. Клименко // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 4 (87). С. 102–107.
5. Мазуров И.И. Природа и содержание правоприязнаний : автореферат диссертации кандидата юридических наук / И.И. Мазуров. Москва : Московский ун-т МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. 31 с.
6. Малахов В.П. Основы философии права : учебное пособие / В.П. Малахов. Москва : Академический Проект : Культура, 2005. 238 с.
7. Мамонтов А.Г. Состязательность как природа права / А.Г. Мамонтов // Вестник экономической безопасности. 2016. № 6. С. 92–95.
8. Палазян А.С. Проблема правопонимания: множественность, единство, единственность? / А.С. Палазян // Право и образование. 2009. № 5. С. 49–58.
9. Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание : избранные труды / А.В. Поляков. Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2014. 575 с.
10. Рябков Е.М. Объективная истина и состязательность в уголовном процессе: конфронтация или взаимодополнение / Е.М. Рябков // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 2 (23). С. 56–60.
11. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 томах. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. Перераб. и доп. изд. / М.С. Строгович. Москва : Наука, 1968. 469 с.
12. Сухорукова Ю.В. Состязательность как элемент формирования древнерусского права / Ю.В. Сухорукова // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 96–99.
13. Честнов И.Л. Постклассическая теория права : монография / И.Л. Честнов. Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2012. 650 с.

References

1. Garashko A.Yu. Logika pravovogo regulirovaniya obschestvenny'kh otnosheniy [The Logic of the Legal Regulation of Social Relations] / A.Yu. Garashko, A.I. Klimenko,

- I.I. Lizikova [i dr.] // Statya v otkry'tom archive — Article in an open archive. № 3. April 3, 2018.
2. Davletov A.A. Sostyazatel'nost v sovremennom ugovolnom protsesse Rossii [Adversariality in the Modern Russian Criminal Procedure] / A.A. Davletov // *Biznes, menedzhment i pravo — Business, Management and Law*. 2012. № 2 (26). S. 65–68.
 3. Ibragimov A.K. Sostyazatel'nost v rossiyskom sudoproizvodstve: osobennosti opredeleniya [Adversariality in Russian Judicial Proceedings: Definition Peculiarities] / A.K. Ibragimov // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii — Bulletin of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013. № 2. S. 75–78.
 4. Klimenko A.I. Sotsio-aksiologicheskiiy podkhod k pravu i ego znachenie dlya sovremennoy yuridicheskoy nauki [A Socio-Axiological Approach to Law and Its Meaning for the Modern Legal Science] / A.I. Klimenko // *Yurist-Pravoved — Legal Expert*. 2018. № 4 (87). S. 102–107.
 5. Mazurov I.I. Priroda i sodержanie pravoprityazaniy : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [The Nature and Content of Legal Claims : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / I.I. Mazurov. Moskva : Moskovskiy un-t MVD Rossii imeni V.Ya. Kikoty — Moscow : Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 31 s.
 6. Malakhov V.P. Osnovy' filosofii prava : uchebnoe posobie [Fundamentals of Philosophy of Law : textbook] / V.P. Malakhov. Moskva : Akademicheskiiy Proekt : Kultura — Moscow : Academic Project : Culture, 2005. 238 s.
 7. Mamontov A.G. Sostyazatel'nost kak priroda prava [Adversariality as the Nature of Law] / A.G. Mamontov // *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti — Bulletin of Economic Security*. 2016. № 6. S. 92–95.
 8. Palazyan A.S. Problema pravoponimaniya: mnozhestvennost, edinstvo, edinstvennost? [The Issue of Legal Consciousness: Plurality, Unity, Singularity?] / A.S. Palazyan // *Pravo i obrazovanie — Law and Education*. 2009. № 5. S. 49–58.
 9. Polyakov A.V. Kommunikativnoe pravoponimanie : izbranny'e trudy' [Communicative Legal Consciousness : selected works] / A.V. Polyakov. Sankt-Peterburg : Alef-Press — Saint Petersburg : Alef-Press, 2014. 575 s.
 10. Ryabkov E.M. Obyektivnaya istina i sostyazatel'nost v ugovolnom protsesse: konfrontatsiya ili vzaimodopolnenie [Objective Truth and Adversariality in a Criminal Procedure: Confrontation or Complementarity] / E.M. Ryabkov // *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii — Bulletin of the Omsk Law Academy*. 2014. № 2 (23). S. 56–60.
 11. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovolnogo protsessa. V 2 tomakh. T. 1. Osnovny'e polozheniya nauki sovetskogo ugovolnogo protsessa. Pererab. i dop. izd. [A Course of the Soviet Criminal Procedure. In 2 volumes. Vol. 1. The Main Provisions of the Soviet Criminal Procedure Science. Revised and enlarged edition] / M.S. Strogovich. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1968. 469 s.
 12. Sukhorukova Yu.V. Sostyazatel'nost kak element formirovaniya drevnerusskogo prava [Adversariality as an Element of the Establishment of Ancient Rus Law] / Yu.V. Sukhorukova // *Probely' v rossiyskom zakonodatelstve — Gaps in Russian Laws*. 2015. № 1. S. 96–99.
 13. Chestnov I.L. Postklassicheskaya teoriya prava : monografiya [A Post-Classical Theory of Law : monograph] / I.L. Chestnov. Sankt-Peterburg : Alef-Press — Saint Petersburg : Alef-Press, 2012. 650 s.

Правосознание и правовая реальность: опыт методологической рефлексии

Дидикин Антон Борисович,
исполняющий обязанности заведующего
сектором философии права, истории и теории государства и права,
ведущий научный сотрудник Института государства и права
Российской академии наук,
доктор философских наук,
кандидат юридических наук
abdidikin@bk.ru

Статья посвящена анализу соотношения правосознания и правовой реальности в контексте применения идей и принципов аналитической философии права. На основе ключевых аргументов классиков аналитической традиции реконструируется возможность отображения правовых явлений в юридическом языке с позиции логической обоснованности и взаимосвязи нормативных предписаний. Автор обосновывает преимущества лингвистического анализа правовой реальности, позволяющего учитывать субъект-субъектный характер правовых отношений и юридическую интерпретацию действий субъектов права.

Ключевые слова: правосознание, правовая реальность, юридический язык, факты, действия, интерпретация, социальный контекст.

Legal Consciousness and Legal Reality: Experience of Methodological Reflection

Didikin Anton B.
Acting Head of the Department of Philosophy of Law, History
and Theory of State and Law
Leading Research Scientist of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences
Doctor of Philosophy, PhD (Law)

The paper is devoted to the analysis of the correlation of legal mind and legal reality in the context of applying the ideas and principles of analytical legal philosophy. Based on the key arguments of the classics of the analytical tradition, the author reconstructs the possibility of displaying legal phenomena in the legal language from the position of logical validity and interrelation of normative prescriptions. The author substantiates the advantages of linguistic analysis of legal reality, which allows taking into account the subject-subject nature of legal relations and legal interpretation of the actions of legal subjects.

Keywords: legal mind, legal reality, legal language, facts, actions, interpretation, social context.

В современной юриспруденции вопрос о соотношении правосознания и правовой реальности традиционно рассматривается в контексте использования методологии социальных наук. Правовая реальность выступает *проявлением* или одним из фрагментов социальной реальности, а правосознание — лишь способом отображения социальных процессов, детерминирующих правопорядок. Причиной такого восприятия феномена правосозна-

ния является классическое разделение в структуре научного познания и философской рефлексии *субъекта и объекта*, а также отношений между ними, которые в том или ином виде сводятся к осмыслению связей между материальными явлениями. Несмотря на то что такая модель понимания социальной природы права кажется наиболее рациональной научному сообществу, в ней совершенно упускается доминирующая роль субъекта в конструирова-

нии правовой реальности, формировании субъект-субъектных отношений и интерпретации нормативного содержания правопорядка. В публикациях последних лет предпринимаются попытки осмысления правовой реальности средствами постклассической теории права, которые в конечном итоге представляют собой лишь проекцию метода деконструкции правовых понятий, характерного для философии постмодернизма¹.

Осмысление правовой реальности нередко исследуется в качестве проблемы действительности права, то есть выработки критериев того, что в окружающей реальности относится к правовым и неправовым явлениям. Так, В.П. Малахов справедливо отмечает, что «в реальности существует не право, а только его объективация в той или иной форме человеческой реальности. Представление самого права как реальности является, в сущности, утверждением монополии авторитета (в первую очередь, государства) на его инструменты и следствия их действия»². Тем не менее такой способ методологической рефлексии характерен для континентальной философии права, в основе которого лежит диалектический анализ категорий бытия и существования, гегелевское определение права как наличного бытия свободной воли. Акцент на субъектной стороне правовой реальности и роли правосознания в ее формировании в современных условиях определяется новыми возможностями философской рефлексии по поводу сущности права. Такое переосмысление будет наиболее результативным при использовании методологии аналитической философии права³. Суть ана-

литического подхода к праву наиболее репрезентативно представлена в трудах отечественных ученых В.А. Суровцева, В.В. Оглезнева, С.Н. Касаткина, а также в работах автора настоящей статьи⁴.

Правосознание и правовая реальность как языковые феномены. Истоки аналитического подхода к праву могут быть обнаружены в философских работах И. Бентама, который утверждал, что «люди будут совершать катастрофические ошибки до тех пор, пока не поймут, как работает язык»⁵. Еще до появления спустя столетие первых трудов по аналитической философии Бентам призывает обратить внимание на характер употребления терминов в обыденном языке и языке науки, с помощью которого мы концептуализируем наши представления о праве и регулировании поведения. Тем самым, чтобы добиться однозначности и осмысленности при использовании понятий и категорий, нужно ориентироваться на «простые термины», характеризующие эмоции по поводу восприятия физических и физиологических объектов. Очевидно, что правовые понятия не могут обозначать эмпирически наблюдаемые явления по аналогии с такими терминами, как «боль» и «удовольствие»⁶.

такого деления лежит противопоставление сциентизма и антисциентизма с точки зрения целей научного познания, поэтому для аналитической философии характерны методы концептуального и логического анализа, поиск рациональной аргументации, а для континентальной философии — ориентация на символические формы отображения изучаемых явлений, исключение логики из философского дискурса.

¹ В научной литературе такую позицию последовательно отстаивает И.Л. Честнов. См.: Честнов И.Л. Юридическое мышление в постклассической перспективе // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 3. С. 11.

² Малахов В.П. Право в контексте философского сознания // Пространство и время. 2014. № 2 (16). С. 64.

³ Разграничение аналитической и континентальной традиций в философии в зарубежных исследованиях представлено достаточно широко. В основе

⁴ Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск : Изд-во ТГУ, 2012 ; Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Томск : Изд-во ТГУ, 2016 ; Касаткин С.Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара, 2014 ; Дидикин А.Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск : Изд-во ТГУ, 2016.

⁵ The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law / ed. by J. Coleman, S.J. Shapiro, K.E. Himma. Oxford : Oxford University Press, 2002. P. 643.

⁶ Bentham J. Of Laws in General / ed. by H.L.A. Hart. London : University of London, 1970. P. 113.

Им трудно подобрать какие-либо эквиваленты в виде материальных явлений. Именно поэтому с И. Бентамом связывают возникновение *метода «парафраза»*, позволяющего определять значение юридических терминов на основе их положения и роли в различных контекстах предложений. Поэтому без определения статуса субъекта в предложении «он имеет право» невозможно адекватно оценить значение термина «субъективное право», а в предложении «он является гражданином государства» весь объем прав и обязанностей характеризует поведение индивида при реализации своих гражданских прав. Выражения обыденного языка, по мнению И. Бентама, часто являются бессмысленными и некорректно сформулированными⁷. А ведь именно это и происходит, если содержание правовых понятий, в том числе понятие правосознания, определяется на основе других терминов (например, правосознание — форма общественного сознания). Нестабильное значение одного термина накладывается на искажение смысла при использовании другого термина.

Ключевой вопрос при применении аналитического подхода — это выработка критериев, позволяющих отличать юридические феномены (и в целом правовую реальность) от неюридических феноменов. Такая попытка в классическом варианте была представлена Г. Кельзенем, сформулировавшим тезис об отсутствии причинно-следственных связей в сфере правовых отношений, которые во многом «конструируются» уполномоченными субъектами при юридической квалификации фактов. Тем самым к правовой реальности и сфере правосознания невозможно применить методы естествознания. Г. Кельзен стремился максимально *дистанцировать* юридическое познание от влияния неюридических методов путем выстраивания логиче-

ской иерархии правовых норм и введения метафизических оснований такой правовой системы в нормативизме, но отсутствие его интереса к анализу языка и логики правовых норм не позволяло адекватно аргументировать тезис о специфике правовой реальности до его логической завершенности.

Позднее Г. Харт в ранний период его творчества продвинулся значительно дальше в этом вопросе, но сконцентрировал свое внимание на особенностях системы юридических правил, которые могут подлежать исследованию эмпирическим путем, но в конечном итоге столкнулся с рядом противоречий, характеризующих отображение правовой реальности в юридическом языке.

Во-первых, к юридическим терминам неприменимы в полной мере лингвистические методы и грамматические конструкции. Тем самым при рассмотрении социального контекста (но не социальной природы) применения правовых норм возникает вопрос о том, можно ли считать юридические правила разновидностью лингвистических правил? Действительно ли соблюдение правил грамматики будет определять эффективность правового дискурса?

Во-вторых, право как специфический регулятор поведения субъектов права несводим в полной мере к другим способам регулирования поведения в обществе. Отсюда лишь анализ оснований для осуществления юридически значимых действий позволяет понять контекст применения правовых норм⁸.

⁷ Данный аспект функционирования юридического языка символически иллюстрирует известное рассуждение Л. Витгенштейна, ставшее популярным в свете проблемы следования правилу у аналитических философов права: «Когда я поднимаю свою руку, поднимается моя рука. И возникает проблема: что же останется, если тот факт, что я поднимаю руку вверх, отделить от того, что поднимается вверх моя рука?» (см.: Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы : в 2 ч. / пер. с нем. М. : Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 246). Г. Харт переформулирует этот вопрос иначе: что отличает физическое движение человеческого тела от человеческого действия? Из этого вопроса становится понятным, что поведение субъекта конституирует содержание

⁷ Bentham J. Introduction to the Principles of Morals and Legislation / ed. by J.H. Burns, H.L.A Hart. Oxford : Oxford University Press, 2000. P. 98.

Такие основания в значительной степени — продукт интерпретации, даже в случае существования системы непротиворечивых и достаточно определенных источников права. Каждый юридический термин, следуя аргументации Л. Витгенштейна, при его использовании зависит от «контекста употребления» и тех конвенций словоупотребления, которые существуют в данный момент. Отсюда следует, что интерпретация правил не может основываться только на принципах логики и иметь абсолютно нейтральный характер.

В-третьих, с точки зрения методологической рефлексии действия выступают объектом правового регулирования. С эмпирической точки зрения каждое действие как физическое перемещение объектов в пространстве или обращение людей с вещами может быть «вписано» в юридический контекст. Но каким образом действия получают юридическое значение? Достаточно ли для этого простого подбора необходимых юридических понятий либо их толкования?

Правовая реальность как лингвистический феномен. Следует отметить, что «аскриптивность» юридического

правовых отношений, у которых отсутствует эмпирический аналог во внешнем мире, поскольку последствия действий субъекта права определяются их интерпретацией в контексте отображения в терминах юридического языка.

языка⁹ и принцип «вменения»¹⁰, выступающие условием юридической интерпретации фактов, позволяют сформулировать важный тезис о том, что за пределами языковых конструкций правовая реальность не существует. Выше было отмечено, что попытки анализировать неюридические факторы как факторы влияния на развитие права часто обозначают рассуждения не о праве, а о других неправовых явлениях. Если специфика юридических терминов как терминов научного языка состоит в том, что они не просто описывают эмпирические факты, но и побуждают к совершению действий, то методологически корректно не выходить за рамки этого рассуждения и анализировать, каким образом эмпирические факты могут приобретать юридическое значение и тем самым становиться частью правовой реальности.

⁹ «Аскриптивность» — свойство юридического языка, предполагающее существование особых выражений, не только описывающих факты, но и обозначающих юридически значимые действия субъектов права путем «приписывания» фактам юридического значения. Такое свойство юридического языка было обосновано в трудах Г.Л.А. Харта. См.: Харт Г.Л.А. *Философия и язык права*. М., 2017.

¹⁰ Понятие «вменение» является альтернативой принципу причинности в нормативизме Г. Кельзена. См.: Кельзен Г. *Причинность и вменение* / пер. с англ. А.Б. Дидикина // Дидикин А.Б. *Философское и правовое наследие Ганса Кельзена* : сб. ст. и мат-лов. Екатеринбург, 2018.

Литература

1. Витгенштейн Л. *Философские исследования* // Витгенштейн Л. *Философские работы*. В 2 частях / перевод с немецкого. Москва : Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 75–320.
2. Дидикин А.Б. *Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура* / А.Б. Дидикин. Томск : Изд-во ТГУ, 2016. 244 с.
3. Дидикин А.Б. *Философское и правовое наследие Ганса Кельзена* : сборник статей и материалов / А.Б. Дидикин. Екатеринбург, 2018. 84 с.
4. Касаткин С.Н. *Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта* : монография / С.Н. Касаткин. Самара : Прайм, 2014. 472 с.
5. Малахов В.П. *Право в контексте философского сознания* / В.П. Малахов // *Пространство и время*. 2014. № 2 (16). С. 63–66.
6. Оглезнев В.В. *Аналитическая философия, юридический язык и философия права* / В.В. Оглезнев, В.А. Суровцев. Томск : Изд-во ТГУ, 2016. 236 с.

7. Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права / В.В. Оглезнев. Томск : Изд-во ТГУ, 2012. 216 с.
8. Харт Г.Л.А. Философия и язык права / Г.Л.А. Харт ; составление, общее редактирование и вступительная статья В.В. Оглезнева, В.А. Суровцева. Москва : Канон+, 2017. 352 с.
9. Честнов И.Л. Юридическое мышление в постклассической перспективе / И.Л. Честнов // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 3. С. 9–14.
10. Bentham J. Introduction to the Principles of Morals and Legislation / J. Bentham ; ed. by J.H. Burns, H.L.A. Hart. Oxford : Oxford University Press, 2000. 248 p.
11. Bentham J. Of Laws in General / J. Bentham ; ed. by H.L.A. Hart. London : University of London, 1970. 324 p.
12. The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law / ed. by J. Coleman, S.J. Shapiro, K.E. Himma. Oxford : Oxford University Press, 2002. 1064 p.

References

1. Wittgenstein L. Filosofskie issledovaniya [Philosophical Investigations] // Wittgenstein L. Filosofskie raboty. V 2 chastyakh ; perevod s nemetskogo [Philosophical Works. In 2 parts ; translation from German]. Moskva : Gnozis — Moscow : Gnosis, 1994. Part 1. S. 75–320.
2. Didikin A.B. Analiticheskaya filosofiya prava: istoki, genezis i struktura [Analytical Philosophy of Law: The Sources, Genesis and Structure] / A.B. Didikin. Tomsk : Izd-vo TGU — Tomsk : Publishing house of the TSU, 2016. 244 s.
3. Didikin A.B. Filosofskoe i pravovoe nasledie Gansa Kelzena : sbornik statey i materialov [Philosophical and Legal Heritage of Hans Kelsen : collection of articles and files] / A.B. Didikin. Ekaterinburg — Ekaterinburg, 2018. 84 s.
4. Kasatkin S.N. Kak opredelyat sotsialny'e ponyatiya? Kontseptsiya askriptivizma i otmenyaemosti yuridicheskogo yazy'ka Gerberta Kharta : monografiya [How to Define Social Notions? Herbert Hart's Concept of Ascriptivism and Abatableness of the Legal Language : monograph] / S.N. Kasatkin. Samara : Praym — Samara : Prime, 2014. 472 s.
5. Malakhov V.P. Pravo v kontekste filosofskogo soznaniya [Law within the Framework of Philosophical Consciousness] / V.P. Malakhov // Prostranstvo i vremya — Space and Time. 2014. № 2 (16). S. 63–66.
6. Ogleznev V.V. Analiticheskaya filosofiya, yuridicheskii yazyk i filosofiya prava [Analytical Philosophy, Legal Language and Philosophy of Law] / V.V. Ogleznev, V.A. Surovtsev. Tomsk : Izd-vo TGU — Tomsk : Publishing house of the TSU, 2016. 236 s.
7. Ogleznev V.V. G.L.A. Khart i formirovanie analiticheskoy filosofii prava [H.L.A. Hart and the Establishment of Analytical Philosophy of Law] / V.V. Ogleznev. Tomsk : Izd-vo TGU — Tomsk : Publishing house of the TSU, 2012. 216 s.
8. Hart H.L.A. Filosofiya i yazyk prava ; sostavlenie, obschee redaktirovanie i vstupitelnaya statya V.V. Oglezneva, V.A. Surovtseva [Philosophy of Law ; compiled, general editing and introductory article by V.V. Ogleznev, V.A. Surovtsev] / H.L.A. Hart. Moskva : Kanon+ — Moscow : Canon+, 2017. 352 s.
9. Chestnov I.L. Yuridicheskoe myshlenie v postklassicheskoy perspective [Legal Thinking from the Post-Classical Perspective] / I.L. Chestnov // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy — Russian Legal Research Journal. 2019. Vol. 6. № 3. S. 9–14.
10. Bentham J. Introduction to the Principles of Morals and Legislation / J. Bentham ; ed. by J.H. Burns, H.L.A. Hart. Oxford : Oxford University Press, 2000. 248 s.
11. Bentham J. Of Laws in General / J. Bentham ; ed. by H.L.A. Hart. London : University of London, 1970. 324 s.
12. The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law / ed. by J. Coleman, S.J. Shapiro, K.E. Himma. Oxford : Oxford University Press, 2002. 1064 s.

Правовая культура в дискурсивной практике метамодерна

Медушевская Наталья Федоровна,
профессор кафедры философии Московского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент
Sapfo2@yandex.ru

В статье рассматривается новая культурная парадигма метамодерна, возникшая в эпоху посткапитализма и провозгласившая осцилляцию между модерном и постмодерном. Правовая культура в условиях метамодерна все больше акцентирует иррациональное в праве. Метамодерн ориентирует правовую культуру на новую чувственность, на субъекта, для которого существующее законодательство есть неправое. В силу утверждения идеологии постправды в правовой культуре стираются грани между законным и незаконным, дозволенным и недозволенным. Метамодернизм противоречив, но при этом он констатирует усталость от неопределенности права с целью повернуться лицом к глубине индивида с его правовыми чувствами и переживаниями.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, метамодерн, правовая культура, постправда.

The Legal Culture in the Discursive Practice of Metamodernity

Medushevskaya Natalya F.
Professor of the Department of Philosophy of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
LL.D., Associate Professor

The article considers a new cultural paradigm of metamodern, which arose in the era of post-capitalism and proclaimed the oscillation between modern and post-modern. Legal culture in the conditions of metamodern increasingly emphasizes the irrational in law. Metamodern focuses legal culture on a new sensuality, on a subject for which the existing legislation is wrong. Due to the establishment of the ideology of post-truth in the legal culture, the lines between legal and illegal, permitted and forbidden are blurred. Metamodernism is contradictory, but it states tiredness from the uncertainty of law in order to turn to face the depths of an individual with his legal feelings and emotions.

Keywords: modern, postmodern, metamodern, legal culture, post-truth.

Концепция метамодернизма не имеет теоретической платформы, она не концептуализирована, представляет собой некие вехи, свидетельствующие об изменении в культуре современного цивилизованного мира. Бессмысленно искать в ней фундаментальные основания, она скорее напоминает попытки найти новый путь в культурной логике, который пришел на смену эпохи постмодерна в связи с новым витком развития посткапитализма.

Ученые, увидевшие новые тенденции в современной культуре, не создали цельной социальной теории, они в первую очередь ориентировались на художественную культуру и трансформацию эстетических начал в современной жизни. Но было бы неоправданным сводить весь метамодернизм исключительно только к особенностям художественного созерцания мира. Духовность человека не исчерпывается искусством, правовая культура глу-

боко укоренена в сущности человека, неслучайно поэтому в современной юридической науке отыскиваются глубокие соприкосновения юриспруденции и естествознания, исследующего природные основы человеческой жизни и деятельности.

Для классической парадигмы юридического знания укоренено представление Т. Гоббса, согласно которому изменения в праве происходят от хаоса к «естественному состоянию» организованного общества с определенной политико-правовой системой. Но с утверждением неклассической рациональности в конце XIX — начале XX в. субъект уже не элиминировался из процесса познавательной деятельности. Так, Б.А. Кистяковский отмечал, что рациональные начала в праве, зафиксированные в правовых нормах, существуют наряду с иррациональным началом, выраженным и сконцентрированным

в юридических фактах, правоотношениях и субъективных правах индивида¹.

Эпоха модерна предлагает новое развитие юридической науки. Позитивистское и естественно-правовое понимание подвергаются ревизии, в результате возникают новые типы правопонимания. Так, Б.А. Кистяковский рассматривает право как социальное явление, исходя, прежде всего, из того, что совокупность правовых норм — это формально-юридическое воплощение права, далекое от его осуществления в реальной правовой жизни, отмечая, что «надо смотреть на то право, которое живет в народе и выражается в его поведении, в его поступках, в его сделках, а не на то право, которое установлено в параграфах кодексов»².

Анализируя право как социальное явление, Б.А. Кистяковский считает неправомерным его сведение к рациональному, в результате чего возникают логико-юридические понятия, в своей совокупности входящие в определенную правовую норму. Право в его жизненном проявлении может существовать в виде субъективного права, правовых отношений и юридических фактов. Обращая внимание на пронизанность правовой жизни душевными переживаниями, автор отмечает, что они связаны не столько с интеллектом индивида, сколько с его волей и их проникновением в глубины подсознательной жизни: «Но душевные переживания иррациональны, в этом их основное отличие от чисто интеллектуальных логических процессов, выливающих в понятия, суждения и построения. Все это и заставляет нас признать, что, хотя сами по себе правовые нормы и являются рациональными построениями, в основании их лежат иррациональные психические переживания и восприятие их необходимо связано с этими переживаниями»³.

В настоящее время цивилизация вступила в новую эру посткапитализма, что привело к трансформации культуры в целом. Окружающий нас мир меняется, в нем лидирующее место занимают материальные потребности, «текущая современность превратила нас в глобальное сообщество

потребителей»⁴. Магия вещей вытесняет магию мыслей, формируя культуру и ментальность потребления. Как отмечает Ж. Бодрийяр, «искренняя вера в потребление составляет новый элемент: новые поколения являются отныне наследниками — они наследуют не только блага, но и *естественное право* на изобилие»⁵.

Современный мир, развивая рекламу, глобальные сети, превращает материальные предметы в знаки. В нем большинство жителей планеты участвует уже не в реальном потреблении, а в виртуальном, символически-знаковом. Повсеместно происходит все большее углубление дифференциации населения, поэтому одна, незначительная часть жителей планеты постоянно наращивает темпы своего материального потребления, другая же, значительно превосходящая ее часть, приспосабливается к виртуальному использованию вещей, что способствует росту неравенства в мире, обострению социальных противоречий и восприятию мира как несправедливого. В.П. Малахов отмечает: «Юридическое право превращает справедливость в продукт потребления, освоения человеком, ничем от справедливости не отталкиваемым»⁶.

Оптимистические ожидания эпохи Просвещения в XIX в. обернулись разочарованием и обострением социальных противоречий, а обещанное счастье оказалось недостижимым, ничтожным, мифом и мистификацией. Неслучайно П.И. Новгородцев писал о невозможности райской жизни на Земле. Но цель уже была поставлена, общественное сознание и правовая культура жаждали благоденствия, и XX в. выдвинул новую идею и установку на достижение счастья через потребление. Ж. Бодрийяр отмечает, что «миф о счастье является именно тем мифом, который воспринимает и воплощает в современных обществах *миф Равенства*»⁷.

Модерн, сменившийся постмодерном, утверждает зыбкость и неопределенность, фантазийность и слияние субъекта с объ-

¹ Кистяковский Б.А. Рациональное и иррациональное в праве // Русская философия и социология права / Ю.А. Агафонов, Н.А. Зимонина, В.В. Шапин ; под ред. Е. Баранчиковой. Ростов н/Д : Феникс. 2005. С. 227–231.

² Там же. С. 213.

³ Там же. С. 231.

⁴ Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текущей современности. СПб. : Издательство И. Лимбаха, 2019. С. 91.

⁵ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М. : АСТ, 2020. С. 21.

⁶ Малахов В.П. Теория правосознания. Опыт формирования : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2020. С. 203.

⁷ Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 49.

ектом. «Иллюзия мира, — пишет Ж. Бодрийяр, — его таинственность также протекает из того, что для поэтического воображения, воображения кажимостей [apparences] мир появился [apparaît] сразу, он показался полностью и одновременно, тогда как для аналитического мышления он имеет происхождение и историю, а все то, что появляется сразу, без исторической последовательности, оказывается непостижимым»⁸. То иррациональное начало, которое возникло в эпоху модерна и проявилось в праве, приобрело иную окраску в постмодернистской методологии права в связи с усилением неопределенности и иррациональности правовой теории.

Иррациональное в праве эпохи модерна, его усиление и размытость, неопределенность и хаотичность в эпоху постмодерна приняло несколько иные очертания в метамодернизме. Нельзя не согласиться с мнением И.А. Исаева, который пишет, что «иррациональные элементы укоренены в самом существе и структуре права, идее права, норме и правоприменении»⁹. Три цикла иррационального бытия права, о которых пишет ученый, — это миф, мистика и магия, сменяются, а точнее, дополняются, поскольку невозможно разорвать непрерывность развития права и правовой культуры.

Трендом современного метамодернизма является понятие «структура чувства», введенное Ф. Джеймисоном. Благодаря этому понятию авторы метамодерна еще больше отходят от рационального в праве, обратившись к средствам внерационального постижения правовой действительности. В этом контексте право и правовое уже не сводятся к совокупности писанных законов, как это характерно для юридического позитивизма, оно становится эмоционально-экзистенциальным явлением, основанным на внутреннем опыте.

Важнейшие понятия правовой культуры — «справедливость» и «равенство» — в силу противоречивых полюсных движений в социальном мире становятся недостижимыми идеалами, поскольку в действительности неизменными и нарастающими остаются неравенство и несправедливость.

Метамодерн в связи с ориентацией на чувственность хочет тем самым открыть для себя конкретного, живого, реального, единичного индивида, а не абстрактного человека, конкретные социальные отношения, а не абстрактные общественные взаимодействия, которые регулируются позитивным законодательством, далеким от чувствующего субъекта.

Осцилляция между иронией и новой искренностью, между реальностью и виртуальностью приводит теоретиков метамодернизма к идеологии постправды. Д. Робертс «определяет политику постправды как „политическую культуру, при которой политика (общественное мнение и медийные нарративы) практически полностью оторвались от самой политики (сущности законодательной деятельности)“»¹⁰. Другие исследователи используют понятие «правдоподобие», которое Т. Вермюлен связывает с понятием «глубина» или «глубиноподобие», вызревающее изнутри собственного «Я». Политика постправды и есть воплощение победы правдоподобия над правдой, она вращается вокруг того, что человек чувствует нутром. Постправда становится той основой, которая формирует современную правовую культуру, когда общественная цель подменяется корпоративными интересами, продвигающими определенные законодательные акты и влияющими на правотворческую и правоприменительную деятельность. Наблюдается стирание граней между законным и незаконным, дозволенным и недозволенным, правом и неправом¹¹.

Концепция метамодерна не предлагает определенных путей решения, она только намечает те изменения, которые происходят в социально-экономической и культурной жизни. С одной стороны, принцип самоиронии, цинизм, идеология постправды применительно к правовой культуре не способны преодолеть хаос современного бытия, усилить социальную ответственность и решить проблему справедливости. С другой стороны, появление новой культурной доминанты метамодерна свидетельствует об усталости цивилизованного

⁸ Бодрийяр Ж. Современное преступление. Заговор искусства. М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 97.

⁹ Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве: монография. М.: Проспект, 2014. С. 4.

¹⁰ Цит. по: Аккер Р. ван ден. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 386.

¹¹ Ершов В.В. Право в контексте парадигмы метамодерна // Право и глобализация. Правосудие. 2019. Т. 1. № 2. С. 29.

мира от неопределенности, нестабильности, разрушения привычных ценностных ориентаций, усиления формализованно-

сти права с целью обращения к живому индивиду с его неповторимым внутренним миром и реальной правовой культурой.

Литература

1. Аккер Р. ван ден. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер ; под редакцией Р. ван ден Аккера [и др.] ; перевод с английского В.М. Липки. Москва : РИПОЛ классик, 2019. 494 с.
2. Бауман З. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности / З. Бауман, Л. Донскис. Санкт-Петербург : Изд-во И. Лимбаха, 2019. 368 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр ; перевод с французского Е.А. Самарской. Москва : АСТ, 2020. 320 с.
4. Бодрийяр Ж. Современное преступление. Заговор искусства / Ж. Бодрийяр ; перевод с французского А. Качалова. Москва : РИПОЛ классик, 2019. 347 с.
5. Ершов В.В. Право в контексте парадигмы метамодерна / В.В. Ершов // Право и глобализация. Правосудие. 2019. Т. 1. № 2. С. 15–33.
6. Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве : монография / И.А. Исаев. Москва : Проспект, 2014. 368 с.
7. Кистьяковский Б.А. Право как социальное явление / Б.А. Кистьяковский // Русская философия и социология права / Ю.А. Агафонов, Н.А. Зимонина, В.В. Шалин ; под редакцией Е. Баранчиковой. Ростов-на-Дону : Феникс, 2005. С. 206–220.
8. Кистьяковский Б.А. Рациональное и иррациональное в праве / Б.А. Кистьяковский // Русская философия и социология права / Ю.А. Агафонов, Н.А. Зимонина, В.В. Шалин ; под редакцией Е. Баранчиковой. Ростов-на-Дону : Феникс, 2005. С. 220–234.
9. Малахов В.П. Теория правосознания. Опыт формирования : монография / В.П. Малахов. Москва : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2020. 335 с.

References

1. Akker R. van den. Metamodernizm. Istorichnost, Affekt i Glubina posle postmodernizma ; pod redaktsiyey R. van den Akkera [i dr.] ; perevod s angliyskogo V.M. Lipki [Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism ; edited by R. van den Akker [et al.] ; translation from English by V.M. Lipka] / R. van den Akker. Moskva : RIPOL klassik — Moscow : RIPOL classic, 2019. 494 s.
2. Bauman Z. Moralnaya slepota: utrata chuvstvitelnosti v epokhu tekuchey sovremennosti [Moral Blindness: The Loss of Sensitivity in the Fluctuating Modernity] / Z. Bauman, L. Donskis. Sankt-Peterburg : Izd-vo I. Limbakha — Saint Petersburg : I. Limbakh's publishing house, 2019. 368 s.
3. Baudrillard J. Obschestvo potrebleniya perevod s frantsuzskogo E.A. Samarskoy [The Consumer Society ; translation from French by E.A. Samarskaya] / J. Baudrillard ; Moskva : AST — Moscow : AST, 2020. 320 s.
4. Baudrillard J. Sovershennoe prestuplenie. Zagovor iskusstva ; perevod s frantsuzskogo A. Kachalova [The Conspiracy of Art ; translation from French by A. Kachalov] / J. Baudrillard. Moskva : RIPOL klassik — Moscow : RIPOL classic, 2020. 347 s.
5. Ershov V.V. Pravo v kontekste paradigmy` metamoderna [Law within the Framework of the Metamodernity Paradigm] / V.V. Ershov // Pravo i globalizatsiya. Pravosudie — Law and Globalization. Justice. 2019. Vol. 1. № 2. S. 15–33.
6. Isaev I.A. Tenevaya storona zakona. Irratsionalnoe v prave : monografiya [The Shadow Side of Law. Irrational in Law : monograph] / I.A. Isaev. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2014. 368 s.
7. Kistyakovskiy B.A. Pravo kak sotsialnoe yavlenie [Law as a Social Phenomenon] / B.A. Kistyakovskiy // Russkaya filosofiya i sotsiologiya prava / Yu.A. Agafonov, N.A. Zimonina, V.V. Shalin ; pod redaktsiyey E. Baranchikovoy [Russian Philosophy and Sociology of Law ; edited by E. Baranchikova]. Rostov-na-Donu : Feniks — Rostov-on-Don : Phoenix, 2005. S. 206–220.
8. Kistyakovskiy B.A. Ratsionalnoe i irratsionalnoe v prave [The Rational and Irrational in Law] / B.A. Kistyakovskiy // Russkaya filosofiya i sotsiologiya prava / Yu.A. Agafonov, N.A. Zimonina, V.V. Shalin ; pod redaktsiyey E. Baranchikovoy [Russian Philosophy and Sociology of Law ; edited by E. Baranchikova]. Rostov-na-Donu : Feniks — Rostov-on-Don : Phoenix, 2005. S. 220–234.
9. Malakhov V.P. Teoriya pravosoznaniya. Opyt formirovaniya : monografiya [A Legal Consciousness Theory. The Experience of Establishment : monograph] / V.P. Malakhov. Moskva : YUNITI-DANA ; Zakon i pravo — Moscow : UNITI-DANA ; Act and Law, 2020. 335 s.

Ценность как концепт доктринального правосознания и общеправовой теории

Чувальникова Анна Сергеевна,
доцент кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
assolas88@gmail.com

Подход к феномену ценности как концепту доктринального правосознания и общеправовой теории и правосознания позволяет отойти от традиционного понимания ценностей как области (составной части, элемента, формы, содержания и т.п.) права и представить их в качестве одной из базовых характеристик правового субъекта. Просвечивание через концепт ценности всей совокупности правовых норм, отношений, целей и средств является актом их индивидуализации, глубинным механизмом осознания и принятия человеком условий и последствий общественной и индивидуальной правовой жизни. Ценности сообщают правам человека абсолютность.

Ключевые слова: ценность, правовая ценность, смысл, идея, концепт, символ, право, правовое существо, понимание, понятие.

Value as a Concept of Doctrinal Legal Consciousness and the General Law Theory

Chuválnikova Anna S.
Associate Professor of the Department of Theory of State
and Law of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD (Law)

The approach to the phenomenon of value as a concept of General legal theory and legal awareness allows us to move away from their traditional understanding as a field (component, element, form, content, etc.) of law and present values as one of the basic characteristics of a legal entity. Shining through the concept of value of the entire set of legal norms, relations, goals and means is an act of their individualization, a deep mechanism for understanding and accepting the conditions and consequences of social and individual legal life. Values give human rights absoluteness.

Keywords: value, legal value, meaning, idea, concept, symbol, law, legal essence, understanding, concept.

1. Особенности концепта как единицы мышления лучше всего определяются в сравнении с понятием.

Во-первых, если содержанием понятия являются значения (обозначения) признаков, свойств предмета мысли, то содержание концепта — смыслы (сочетания мыслей о предмете), накладываемые на содержание понятия. Смыслы в концепте несут дискретный и несистемный характер. Например, концепт «менталитет» охватывает разные, хотя и не противоречащие друг другу, но и не взаимосвязанные смыслы. Так, в применении к этносу, народу менталитет очень близок к коллективному бессознательному, а также к характерному

набору архетипов в сочетании с психологическими типажам. Если речь о менталитете на групповом уровне, то это скорее стиль, образ мышления в определенном смысловом каркасе (дискурсе). Если выделять формы менталитета — политический, правовой, — то здесь на первое место выходят определенные интеллектуальные интенции.

Во-вторых, если содержание понятия подчинено достижению определенности мысли о предмете, то содержание концепта делает существенной открытость, неопределенность понятия, задает ему вектор расширения содержания, определяет смысловую наполненность понятия. Значимость концепта —

в заложенном в нем смысловом потенциале.

В-третьих, если понятие — форма познания, то концепт — форма понимания¹, и поскольку познание и понимание — взаимосвязанные акты, постольку концепт представляет собой фоновый смысл, на котором разворачивается познание.

В-четвертых, понятие — рациональное, логико-формальное образование, акт установления значений. Концепт — ментальное результирующее образование и способ ментальных репрезентаций²; это акт схватывания смыслов.

В-пятых, будучи резервуаром целого ряда смыслов, концепты наделены свойством символов, что не присуще понятиям; понятия не символичны. Символ есть скрепа многообразия заложенных в концепте смыслов.

В-шестых, в отличие от понятия, в концепте всегда заложена идея, которую, собственно, концепт и призван объяснить. Концепт — форма превращения идеи в мышление о предмете, механизм опредмечивания идеи. Концепты, а не идеи формируют и определяют дискурсы. Концепты — интеллектуальные установки для продвижения по пути понимания предмета мышления, они полностью интеллектуализируют идеи, позволяя им обретать более определенную понятийную форму. Переложение же идеи на язык понятий сужает поля смыслов в концепте.

В-седьмых, различие понятий и концептов как единиц мышления хорошо получается на основе использования идеи, высказанной Дж. Финнисом, о фокусности и периферийности значений понятия права³. По нашему мнению, содержание понятий составляют фокусные значения; они и придают по-

нятиям определенность. Для концептов же характерна наполненность периферийными значениями, они придают концептам эвристичность.

2. Ценность, безусловно, по всем признакам принадлежит к классу концептов, а потому не имеет универсального, всеобъемлющего определения. Будучи концептом, мысль о ценности вбирает в себя самое разнородное содержание и множественность пониманий. По этой причине, на наш взгляд, в теории, в том числе и юридической, смешались понятия ценности, идеала, интереса, потребности, цели, значения, пользы, должного и т.д. Показательна в этом плане позиция В.С. Нерсесянца, в которой воспроизведены в рамках философии права все общие места теории ценностей: «Предметная область и основная тематика юридической аксиологии — это проблемы понимания и трактовки права как ценности (как цели, долженствования, императивного требования и т.д.)»⁴.

Все это привело к полному непониманию феномена ценности, заложенному в свое время зарубежной прагматической философией и поглотившему проблему ценностей в отечественной аксиологии⁵. В ней с прагматизмом прочно сплелись формализм и моралистика⁶. Пример аксиологического формализма — формулировка, предложенная С.И. Максимовым: «Ценность — это то, что является значимым, важным для человека и вызывает положительное отношение к себе»⁷. Иллюстрацией аксиологической моралистики может быть рассуждение И.Д. Осипова о том, что предписания определенных способов законного занятия руководящих

¹ Малахов В.П. Методологическое мышление в познании и понимании права : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2018.

² Понкин И.В., Редькина А.И. Методология науки: понятие «научный концепт» // Право и образование. 2019. № 3.

³ Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М., 2012.

⁴ Нерсесянц В.С. Философия права : учебник для вузов. М. : Норма: ИНФРА-М, 1997. С. 53.

⁵ Проблема ценности в философии : сб. ст. / глав. ред. А.Г. Харчева. М. ; Л. : Наука, 1966.

⁶ Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы : монография. М., 2013 ; Ивин А.А. Аксиология. М. : Юрайт, 2017.

⁷ Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сб. науч. тр. / под ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. Минск : Академия МВД, 2019. С. 140.

постов, а также дающие право на применение силы являются базовыми ценностями общества⁸.

Ценность должна предстать как смысловой срез идеалов, целей, интересов и т.д. Но при этом ценности, несмотря на свою концептуальность, должны иметь ограниченную смысловую нагрузку, иначе, объясняя все как ценность, мы перестаем что-либо объяснять.

Будучи универсальным свойством человеческого бытия, ценности могут быть насыщены разным содержанием. А поскольку ценности организуют «человеческое» существование человека, постольку они, обозначение содержания, как уже получившего форму ценности.

Смысл ценности заложен в ее символичности, которая существует вне контекста целесообразности, пользы, потребности и пр. Интерпретация ценностей как инструментальных мотивов является их профанированием. Называние мотивов действий ценностями связано со стремлением придавать действиям глубокий (не свойственный им) смысл, что является иллюзорным возвышением человека. На самом деле ценности — духовные ориентиры для жизни людей, смысловые вехи, по отношению к которым деятельность — что-то наподобие платоновских пещерных теней.

Ценности, а не идеалы, не отношения, не потребности и не общие интересы являются скрепами общества. Люди становятся необходимыми друг для друга как люди (в человеческом, а не ролевом смысле), поскольку в каждом воплощена та ценность, которая отождествляет другого со мной.

И последнее, но самое важное: в концепте ценности понимание предстает как индивидуальный акт.

⁸ Осипов И.Д. Философско-правовые основания российского конституционализма // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / сост. П.Д. Баренбойм, А.В. Захаров. М.: Летний сад, 2010. С. 95.

3. Верной представляется точка зрения, согласно которой «концепты составляют идейно-мировоззренческую основу права, конституирующую, развивающую и верифицирующую правовое регулирование общественных отношений»⁹. В этом качестве в общеправовой теории и предстают правовые ценности.

Господствующая и в настоящее время позиция в понимании правовых ценностей и в целом права как ценности в свое время высказана академиком В.С. Нерсесянцем: «Право... в своем аксиологическом измерении выступает не просто как неформализованный (формально-фактический) носитель моральных (или смешанных морально-правовых) ценностей, что характерно для естественно-правового подхода, а как строго определенная форма именно правовых ценностей, как специфическая форма правового должностования, отличная от всех других (моральных, религиозных и т.д.) форм должностования и ценностных форм»¹⁰. В контексте этой позиции в основном и идет развитие отечественной правовой аксиологии. Примером может стать суждение Е.В. Мальковцевой: «Правовые ценности... являются тем элементом механизма воспроизводства права, который в процессе преемственности обеспечивает направленность правового развития, определяет его содержание и не позволяет позитивному праву навязывать противоположные общественному правосознанию ориентиры»¹¹.

Какова общая идейно-мировоззренческая основа понимания концепта

⁹ Гаврилова Ю.А. Понятие смыслового поля права // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5 : Юриспруденция. 2008. № 10. С. 45.

¹⁰ Нерсесянц В.С. Указ. соч. С. 59.

¹¹ Мальковцева Е.В. Правовые ценности как базовое средство воспроизводства права // Право — явление цивилизации и культуры : доклады и выступления участников I Международной научной конференции (г. Москва, 30–31 марта 2018 г.) : сб. науч. ст. / отв. ред. М.В. Немытина. Вып. 1. М.: РУДН, 2019. С. 81.

правовой ценности, свойственная правовой аксиологии? Во-первых, право понимается как форма ценности, но не наоборот. Во-вторых, признается отделенность (выведенность) ценностей от права, что в первую очередь свидетельствует об отказе от тождественности права и правосознания; ценности определяют содержание права. В-третьих, проблемы ценностей сведены к ценностным суждениям о праве (ценностному выражению мысли о праве).

4. Авторская позиция в понимании концепта правовой ценности такова.

Правовые ценности — это правовые символы, сверхзначения. Только ценности как абсолюты придают праву определенность, устойчивость, имманентную обоснованность. Право не может быть абсолютным, абсолютны только ценности, связанные с правом. Ценности придают правам безусловность.

Взятые в своей содержательности, ценности привносят в право относительность, равно как они не устраняют относительности в праве, понимаемые как сущности норм. По отношению к ценностям нормы выступают в качестве несущественной формы. Поэтому диапазон ценностей, позволяющих так или иначе определяться в отношении нормы, весьма широк, а споры относительно того, действительно ли те или иные основания являются ценностями и какими они должны быть, бесперспективны и метафизичны.

Принципиально важной является следующая мысль: в своей концептуальности ценности — характеристики субъекта, а не предмета, объекта. Определечивание (отчуждение) ценностей не означает тем самым, что они носят предметный характер. Ценности — интенции, нацеленные на распредмечивание.

Понять ценность права (и всего, что его составляет) нельзя, обратившись к свойствам права, его функциям и пр. Ценность права заложена в самом человеке, в его отношении к праву, «в пафо-

се» (М.К. Мамардашвили). Право порождено ценностным отношением, а не ценностью, потому что решает проблемы человека.

Ценность — феномен, индивидуализирующий понимание действительного или идеального.

Глубокое прочувствование ценности права и всего в праве бытующего делает человека правовым существом. Но и наоборот: потому эти ценности чувствуются (а не только осознаются), что человек уже есть правовое существо, но лишь потенциально. Чтобы он стал актуальным правовым существом, нужен опыт прочувствования ценности.

То, что относят к фундаментальным правам (на жизнь, свободу, собственность и т.д.), на самом деле не права, а ценности, поскольку они векторы правового существа.

Таким образом, можно сделать следующие обобщения.

1. У концепта ценности свое назначение в юридической теории, а именно правовой концепт ценности — самостоятельная смысловая единица, определяющая доктринальность содержания правосознания. Концептом в праве становится идея, обретшая доктринальность.

2. Важно не столько определить право как систему ценностей, сколько выяснить, каковы следствия из этого. С этой точки зрения, определение права через ценности является неадекватным, переводит общеправовую теорию в плоскость идеологии.

3. В ценностном плане правовой язык является концептуальным, что значительно усложняет правовую практику, делает ее труднообозримой.

4. Все социальные отношения, люди, государства, общества, культуры и пр. носят неоднозначный, внутренне противоречивый, разнонаправленный характер. В своей действительности они далеки от идеализированных представлений о себе.

Ценностный подход позволяет примирить реальное с идеальным, сообщить

им способность к взаимопроникновению. Не разрешая противоречий, приверженность ценностному бытию в

праве сообщает им жизненность, в том числе позволяет преодолевать односторонность идеологии.

Литература

1. Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы : монография / Ю.Ю. Ветютнев. Москва : Юрлитинформ, 2013. 197 с.
2. Гаврилова Ю.А. Понятие смыслового поля права / Ю.А. Гаврилова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2008. № 10. С. 44–49.
3. Ивин А.А. Аксиология : учебник для академического бакалавриата / А.А. Ивин. Москва : Юрайт, 2017. 391 с.
4. Карасик В.И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Антология концептов. Т. 1 / под редакцией В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград, 2005. С. 13–15.
5. Малахов В.П. Методологическое мышление в познании и понимании права : монография / В.П. Малахов. Москва : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2018. 239 с.
6. Малахов В.П. Теория правосознания: опыт формирования : монография / В.П. Малахов. Москва : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2020. 335 с.
7. Мальковцева Е.В. Правовые ценности как базовое средство воспроизводства права / Е.В. Мальковцева // Право — явление цивилизации и культуры : доклады и выступления участников I Международной научной конференции (г. Москва, 30–31 марта 2018 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор М.В. Немытина. Москва : РУДН, 2019. Вып. 1. С. 77–84.
8. Нерсесянц В.С. Философия права : учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. Москва : Норма: ИНФРА-М, 1997. 647 с.
9. Осипов И.Д. Философско-правовые основания российского конституционализма / И.Д. Осипов // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / составители П.Д. Баренбойм, А.В. Захаров. Москва : Летний сад, 2010. 321 с.
10. Понкин И.В. Методология науки: понятие «научный концепт» / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Право и образование. 2019. № 3. С. 4–11.
11. Проблема ценности в философии : сборник статей / главный редактор А.Г. Харчева. Москва ; Ленинград : Наука, 1966. 261 с.
12. Финнис Дж. Естественное право и естественные права / Д. Финнис ; перевод с английского В.П. Гайдамова, А.В. Панихиной. Москва : ИРИСЭН : Мысль, 2012. 552 с.
13. Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сборник научных трудов / под редакцией В.И. Павлова, А.Л. Савенка. Минск : Академия МВД, 2019. 356 с.

References

1. Vetyutnev Yu.Yu. Aksiologiya pravovoy formy` : monografiya [Axiology of a Legal Form : monograph] / Yu.Yu. Vetyutnev. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2013. 197 s.
2. Gavrilova Yu.A. Ponyatie smy` slovogo polya prava [The Concept of the Semantic Field of Law] / Yu.A. Gavrilova // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2008. № 10. S. 44–49.

3. Ivin A.A. Aksiologiya : uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata [Axiology : textbook for academic bachelor studies] / A.A. Ivin. Moskva : Yurayt — Moscow : Urait, 2017. 391 s.
4. Karasik V.I. Bazovy'e kharakteristikilingvokulturny'kh kontseptov [Basic Characteristics of Linguocultural Concepts] / V.I. Karasik, G.G. Slyshkin // Antologiya kontseptov. T. 1 ; pod redaktsiei V.I. Karasika, I.A. Sternina [Anthology of Concepts. Vol. 1 ; edited by V.I. Karasik, I.A. Sternin]. Volgograd — Volgograd, 2005. S. 13–15.
5. Malakhov V.P. Metodologicheskoe my'shlenie v poznanii i ponimanii prava : monografiya [Methodological Thinking in the Cognition and Understanding of Law : monograph] / V.P. Malakhov. Moskva : YUNITI-DANA ; Zakon i pravo — Moscow : UNITI-DANA ; Act and Law, 2018. 239 s.
6. Malakhov V.P. Teoriya pravosoznaniya: opyt formirovaniya : monografiya [A Legal Consciousness Theory: The Experience of Establishment : monograph] / V.P. Malakhov. Moskva : YUNITI-DANA ; Zakon i pravo — Moscow : UNITI-DANA ; Act and Law, 2020. 335 s.
7. Malykovtseva E.V. Pravovy'e tsennosti kak bazovoe sredstvo vosproizvodstva prava [Legal Values as a Basic Means of Functioning of Law] / E.V. Malykovtseva // Pravo — yavlenie tsivilizatsii i kul'tury' : doklady i vy'stupleniya uchastnikov I Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Moskva, 30–31 marta 2018 g.) : sbornik nauchny'kh statey ; otvetstvenny'y redaktor M.V. Nemytina [Law as a Phenomenon of Civilization and Culture : reports and speeches of members of the I international scientific conference (Moscow, March 30 to 31, 2018) : collection of scientific articles ; publishing editor M.V. Nemytina]. Moskva : RUDN, 2019 — Moscow : PFUR, 2019. Issue 1. S. 77–84.
8. Nersesyants V.S. Filosofiya prava : uchebnik dlya vuzov [Philosophy of Law : textbook for higher educational institutions] / V.S. Nersesyants. Moskva : Norma: INFRA-M — Moscow : Norm: INFRA-M, 1997. 647 s.
9. Osipov I.D. Filosofsko-pravovy'e osnovaniya rossiyskogo konstitutsionalizma [Philosophical and Legal Bases of the Russian Constitutionalism] / I.D. Osipov // Filosofiya prava v nachale XXI stoletiya cherez prizmu konstitutsionalizma i konstitutsionnoy ekonomiki ; sostaviteli P.D. Barenboym, A.V. Zakharov [Philosophy of Law in the Early XXI Century through the Lens of Constitutionalism and Constitutional Economy ; compiled by P.D. Barenboym, A.V. Zakharov]. Moskva : Letniy sad — Moscow : Summer Garden, 2010. 321 s.
10. Ponkin I.V. Metodologiya nauki: ponyatie «nauchny'y kontsept» [Methodology of Science: The Notion of a Legal Concept] / I.V. Ponkin, A.I. Redkina // Pravo i obrazovanie — Law and Education. 2019. № 3. S. 4–11.
11. Problema tsennosti v filosofii : sbornik statey ; glavny'y redaktor A.G. Kharcheva [The Issue of Value in Philosophy : collection of articles ; editor in chief A.G. Kharcheva]. Moskva ; Leningrad : Nauka — Moscow ; Leningrad : Science, 1966. 261 s.
12. Finnis J. Estestvennoe pravo i estestvenny'e prava ; perevod s angliyskogo V.P. Gaydamova, A.V. Panikhinoy [Natural Law and Natural Rights ; translation from English by V.P. Gaydamov, A.V. Panikhina] / J. Finnis. Moskva : IRISEN : My'sl — Moscow : IRISEN : Thought, 2012. 552 s.
13. Chelovek i pravo: problema tsennostny'kh osnovaniy pravovogo regulirovaniya : sbornik nauchny'kh trudov ; pod redaktsiei V.I. Pavlova, A.L. Savenka [Man and Law: The Issue of Value Bases of the Legal Regulation : collection of scientific works ; edited by V.I. Pavlov, A.L. Savenok]. Minsk : Akademiya MVD — Minsk : Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2019. 356 s.

Дискурс о правовых ценностях в аспекте современной типологии правосознания

Малыковцева Екатерина Викторовна,
доцент кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
sidk77@yandex.ru

Теория правосознания является перспективным направлением научной правовой мысли. Автором предпринята попытка анализа возможностей современной типологии правосознания применительно к проблемам ценностного строя права. В основу положена типология правосознания, разработанная профессором, заслуженным работником высшей школы Российской Федерации В.П. Малаховым. Само определение типов правосознания, в отличие от классического в юридической науке понимания классификаций правосознания, позволяет под другим углом рассмотреть содержательные аспекты всех явлений и процессов, происходящих в социокультурной сфере.

Ключевые слова: правосознание, правовые ценности, право, типы правосознания, правосудие, гражданское общество.

Discourse on Legal Values in the Context of the Modern Typology of Legal Consciousness

Malykovtseva Ekaterina V.
Associate Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD (Law), Associate Professor

The theory of legal consciousness is a promising area of scientific legal thought. The author attempted to analyze the possibilities of the modern typology of legal consciousness in relation to the problems of the value system of law. The basis is the typology of legal consciousness, developed by Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation V.P. Malakhov. The very definition of types of legal consciousness, unlike the classical understanding in legal science of classifications of legal consciousness, allows us to consider from a different angle the substantive aspects of all phenomena and processes taking place in the socio-cultural sphere.

Keywords: legal consciousness, legal values, law, types of legal consciousness, justice, civil society.

Постклассическая реальность диктует новые методы, подходы к познанию и исследованию государственно-правовых явлений. Правовые процессы рассматриваются с позиции субъективного преломления. Правовая наука в качестве источника всех возможных перемен считает человека в его культурно-исторической обусловленности. Человек конструирует правовую реальность. В силу этого методологической базой исследования правовых процессов становится теория правосознания.

Обращение к теории правосознания не является новеллой современного науковедения. Уже на рубеже XIX–XX в. концептуально проблемы правосозна-

ния рассматривались И.А. Ильиным, П.И. Новгородцевым, Л.И. Петражицким и другими отечественными и зарубежными юристами и философами.

В современной правовой науке теория правосознания актуальна и научные дискуссии по данной проблематике существуют в рамках крупнейших правовых школ. Интерес в рамках данной статьи представляет проблема типологизации правосознания, разработанная профессором, доктором юридических наук В.П. Малаховым в рамках теории правосознания. С позиции выделения типов правосознания можно обосновать наличие в праве тех или иных правовых ценностей и в, частности, выйти на уро-

вень обоснования процесса их появления.

Процесс формирования правовых ценностей охватывает все слои общества. Правовое явление становится правовой ценностью именно в процессе придания значимости, признания оптимальности, удобства, эффективности использования в праве. Сами субъекты правового общения конструируют правовую действительность, вырабатывая оптимальные средства, модели правового взаимодействия. Интересной является проблема степени участия той или иной группы в данном процессе. Научный потенциал решения данной проблемы кроется в специфике различных типов правосознания. Каждый тип правосознания отражает тот уникальный арсенал свойств, благодаря которому можно рассматривать ценностный строй права отдельно взятой правовой системы.

Оптимальной для решения поставленной задачи является типология правосознания, проведенная на основе критерия принадлежности к определенным социально-классовым группам. Профессор В.П. Малахов выделяет четыре типа правосознания: гражданское, государственническое, правосудное и криминальное¹. Последний тип рассматриваться не будет, потому что изначально заложенные в нем интенции противоречат природе правовых ценностей.

В государственническом правосознании правовая реальность абсолютизирована, поэтому в большинстве своем противоречива, так как далека от действительности. Ставить вопрос об очевидности правовых ценностей для субъектов с государственническим правосознанием неактуально в отношении определенных правовых систем. Государство способно воспринимать правовые ценности при наличии действенных демократических институтов, а также места и значения судебных органов в структуре государственной власти. Немаловажную роль в данном процессе играет правоустанавливающий автори-

тет и сама законотворческая процедура. Для континентальной правовой семьи этот аргумент имеет решающее значение и в целом обеспечивает не только наличный характер правовых ценностей, но и придает характер правовой ценности самому закону. Отсутствие взаимодействия с институтами гражданского общества, ориентация на политические идеалы в ущерб интересам общества — прямое следствие, что действующее законодательство фактически не содержит механизмы воспроизведения правовых ценностей, необходимые для их полноценного существования, да и само не представляет ценности для общества.

Для англосаксонской правовой семьи правовой ценностью является сама правотворческая процедура. На каждой стадии процесса создания статутного права проявляется роль гражданского общества, поэтому и статут, наряду с прецедентом, является правовой ценностью. Классическим примером является дело *Lucas v. South Carolina Coastal Council* («Лукас против Берегового совета Южной Каролины»)². Мистер Лукас подал иск не на законодательство Южной Каролины, иск был направлен на компенсацию вреда, причиненного в результате принятия такого закона. То есть изначально правовой характер законоположений власти под сомнение не ставится. Речь идет о восстановлении нарушенного гражданского права. Согласно судье Скалиа, в деле *Lucas v. South Carolina Coastal Council*, 505 US1003 (1992), р. 1009, «Лукас не оспаривал юридической действительности Акта как законного проявления охраны государственного порядка Южной Каролины, но утверждал, что полное уничтожение этим Актом ценности его собственности наделяет его правом на компенсацию вне зависимости от того, действовал ли законодательный орган в целях правомерной охраны государственного порядка»³.

Субъекты с государственническим правосознанием могут в силу властных

¹ Малахов В.П. Теория правосознания. Опыт формирования. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020. С. 266.

² Уолдрон Дж. Верховенство права и мера собственности. М. : Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 15.

³ Там же. С. 19.

полномочий участвовать в процессе формирования правовых ценностей на различных уровнях. Во-первых, с помощью государства ценности приобретают характер правовых. Именно государство обеспечивает их действенность с помощью специально созданных механизмов защиты.

Во-вторых, государство устанавливает значимые для самого государства правовые институты и процедуры, внедряя их в правовую действительность. Впоследствии они способны стать правовыми ценностями. Но это длительный по времени процесс, в котором переплетаются множество факторов, в частности, создание условий для их функционирования, очевидная выгода их использования в правоотношениях.

В-третьих, государство может лишить значимую правовую модель статуса правовой ценности, тем самым внося определенный дисбаланс в правовое регулирование.

Правовая реальность с позиции активного обывателя — это пространство возможностей, она не абсолютизирована, ситуативна. Гражданское правосознание ориентировано на поиск оптимальных моделей взаимодействия с позиции частного интереса. Гражданское общество способно вырабатывать собственные правовые механизмы, обеспечивающие действенность его права. Несмотря на то что преимущественно речь идет о частноправовом регулировании, субъекты гражданско-правовой жизни способны к выработке и публично-правовых начал правового регулирования. На уровне доктринального правосознания эти модели внедряются в правовую действительность и становятся частью правовой жизни, претендуя на статус ценностных оснований права.

Следующим типом правосознания является правосудное. Правосудие есть реальность права. В механизмах правосудия правовые ценности становятся очевидными. Именно правосудие в большинстве своем определяет действенность и оптимальность тех или иных правовых средств. Именно в пра-

восудии становится видно, насколько оптимально сочетаются частные и публичные интересы. Правосудие способно определить, насколько эффективно государство обеспечивает механизм действенности той или иной правовой ценности, создавая оптимальные условия или, наоборот, препятствуя им. Последнее происходит либо в силу идеологических мотивов, либо вследствие некомпетентности правоустановительной практики.

Профессор В.П. Малахов проводит еще одну типологизацию правосознания, называя в качестве критерия различения уровень и характер отражения действующего права доктринальное, профессиональное и массово-обыденное правосознание. Сам критерий, взятый за основу различения, указывает на возможности изучения ценностной сферы.

Наиболее плодотворным для отражения правовых ценностей является доктринальное правосознание. Как верно отмечено в совместной статье В.П. Малахова, С.С. Маиляна и К.Е. Сигалова, «доктринальное правосознание содержит понимание права как системы принципов и ценностных оснований его действия»⁴. Существуют особенности доктринального правосознания, проявляющиеся на уровне правовых систем и специфики самого права отдельного общества. В каждой современной правовой семье доктрина занимает особое место. Отличия содержатся не только в значимости доктрины, придания ей статуса формального источника, но и в специфике становления данного типа правового материала, что проявляется на уровне субъектов, формирующих правовую доктрину. Если для континентального права в большей степени характерно университетское наследие, то в англосаксонском праве доктринальная традиция берет свое начало из правосудной практики.

⁴ Малахов В.П., Маилян С.С., Сигалов К.Е. Доктринальное правосознание: характерные черты и тенденции изменений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 24.

Конструирующий характер доктринального правосознания позволяет субъектам определять контуры правового воздействия в пределах значений, задаваемых обществом и государством. На этом уровне баланс частного и публичного находит выражение в наличной системе правовых ценностей.

Оптимальные модели правового взаимодействия, действенные правовые регуляторы и механизмы обнаруживаются на уровне массово-обыденного правосознания. Именно в данном правовом пространстве определяются эффективные модели правового взаимодействия, необходимые для частноправового регулирования. Апробируясь в правовой практике и затем получая признание со стороны государства, данные правовые инструменты приобретают характер правовых ценностей.

Профессиональное правосознание связано в первую очередь с выполнением тех задач, которые субъект реализует в процессе юридической деятельности. Поэтому оно в первую очередь обращено к уже существующим механизмам пра-

вореализации. В ситуации, где судья не только правоприменитель, но и правотворец, актуально рассматривать специфику доктринального или государственнического правосознания, а вернее двух этих типов.

Процесс формирования правовых ценностей отдельно взятой правовой системы — это сложное сочетание не только специфики национального менталитета, правовых традиций, но и правовой практики. Поэтому говорить об отдельно взятом типе правосознания как доминирующем — заранее лишать формальную характеристику данного процесса уникальных особенностей, содержащихся в каждом типе восприятия правовой действительности. Применительно к отдельно взятой правовой системе доминирование публичного или частного начала, специфика правотворческого процесса, характер и содержание правовой практики, исторические и культурные факторы предопределяют и все содержательные особенности правосознания, правовых ценностей и других правовых феноменов.

Литература

1. Малахов В.П. Доктринальное правосознание: характерные черты и тенденции изменений / В.П. Малахов, С.С. Маилян, К.Е. Сигалов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 21–27.
2. Малахов В.П. Теория правосознания. Опыт формирования / В.П. Малахов. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 361 с.
3. Уолдрон Дж. Верховенство права и мера собственности / Дж. Уолдрон. Москва : Изд-во Института Гайдара, 2020. 144 с.

References

1. Malakhov V.P. Doktrinalnoe pravosoznanie: kharakterny'e cherty` i tendentsii izmeneniy [Doctrinal Legal Consciousness: Characteristic Traits and Change Trends] / V.P. Malakhov, S.S. Mailyan, K.E. Sigalov // Yuridicheskaya nauka i praktika : Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii — Legal Science and Practice : Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. 2017. № 4 (40). S. 21–27.
2. Malakhov V.P. Teoriya pravosoznaniya. Opy`t formirovaniya [The Legal Consciousness Theory. The Experience of Establishment] / V.P. Malakhov. Moskva : YUNITI-DANA — Moscow : UNITI-DANA, 2020. 361 s.
3. Waldron J. Verkhovenstvo prava i mera sobstvennosti [The Rule of Law and the Measure of Property] / J. Waldron. Moskva : Izd-vo Instituta Gaydara — Moscow : Publishing house of the Gaidar Institute, 2020. 144 s.

Гражданское правосознание как феномен и как симулякр

Сигалов Константин Елизарович,
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
профессор кафедры истории права и государства
Юридического института Российского университета дружбы народов (РУДН),
доктор юридических наук, доцент
Sigalovconst@mail.ru

Статья посвящена анализу структуры гражданского правосознания, различных форм взаимосвязи с другими типами правосознания как по социально-групповому признаку, так и по уровню и характеру отражения, связи субъектов и объектов гражданского правосознания с гражданским обществом. Рассматриваются феноменальные и симуляционные основания гражданского правосознания, проблемы, возникающие в связи с противоречиями различных уровней гражданского правосознания в современном социуме.

Ключевые слова: право, гражданское правосознание, феномен, симулякр, гражданское общество, государство, активизм, сверхусилие, фасилитация, ингибция, иждивенчество.

Civil Legal Consciousness as a Phenomenon and Simulacrum

Sigalov Konstantin E.
Professor of the Department of Theory of State and Law of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Professor of the Department of History of Law and State of the Law Institute
of the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR)
LL.D., Associate Professor

The article is devoted to the analysis of the structure of civil legal consciousness, various forms of interaction with other types of legal consciousness both on a social-group basis, and on the level and nature of reflection, the relationship of subjects and objects of civil legal consciousness with civil society. The article deals with the phenomenal and simulation foundations of civil legal awareness, as well as the problems arising in connection with the contradictions of various levels of civil legal awareness in modern society.

Keywords: law, civil legal awareness, phenomenon, simulacrum, civil society, state, activism, super-power, facilitation, inhibition, dependency.

Правосознание является сложно структурированным феноменом социальной реальности. Многие параметры его существования не столь явственны и однозначны, они получают различную оценку как в научной литературе, так и на уровне так называемого здравого смысла.

В правосознании происходит осмысление реальности, рефлексия на все события, происходящие в природной и социальной среде. Чем более развито правосознание, чем мощнее «гносеологический механизм» познающего субъекта, тем полнее картина мира, точнее очертание смыслов, познаваемых явлений. «Правосознание достраивает реальное право тем, чего ему не хватает. Формируется сложное соответствие,

корреляция предполагаемого и наличного (но не должного и сущего). Но у правосознания и противоположная достраивающей функция — оппозиционная, критическая. Оно двойственно: и вторит право, и опровергает его»¹. В рамках правосознания вырабатываются концепты реального права, умозрительно планируется правоприменение и формируются правовые доктрины.

Понять смысл правосознания возможно лишь через уяснение соотношения его двух базовых типологий: по уровню и характеру отражения и по социально-групповому признаку.

¹ Малахов В.П. Теория правосознания. Опыт формирования : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2020. С. 21.

Гражданское правосознание представляет наиболее сложный и неоднородно структурированный тип правосознания. Разумеется, и другие типы правосознания, характеризующиеся по социально-групповому признаку, простыми не являются. При всех культурно-правовых различиях государственническое, правосудное и криминальное правосознание различных цивилизаций структурно выстроено примерно по одним алгоритмам, они более гомогенны, чем гражданское правосознание. Несмотря на то что государственническое правосознание одностороннее, а правосудное и криминальное двойственные, все три ориентированы на именно властные интенции: государственническое и правосудное — на различные ветви государственной власти, криминальное — на отправление власти в преступных сообществах, которая формализована еще более, чем государственная власть. Важно и то, что исторически и политически эти три типа правосознания существуют всегда и везде. Гражданское правосознание — именно тот тип правосознания, который возникает не сразу, не везде, который наиболее подвержен воздействию со стороны других типов правосознания и который сам оказывает активное влияние на другие типы правосознания. Более того, он отсутствует в некоторых правовых культурах или его место ничтожно.

Гражданское правосознание является порождением гражданского общества, оно вбирает в себя все его проблемы. Гражданское общество — это оптимальное сочетание индивидуального и общественного как общезначимых социальных феноменов, это личная свобода и жестко охраняемая частная собственность. Именно на этой основе в западноевропейском Средневековье создавался новый тип правосознания, когда совокупность пассионарных духовных качеств рядовых обывателей — жителей вольных городов обеспечила их полнотой прав и свобод. Это был и совершенно новый тип правопонимания: обладающее заработанной собственностью, отвоєванными правами и свободами «третье сословие» формировало новую правовую реальность, когда никто не мог

покуситься на достоинство человека и гражданина. Гражданское правосознание обретается сверхусилием, оно приуще лишь тем, кто готов быть активным актором в социальных процессах. Постепенно формировались базовые правовые очевидности: социальная и политическая значимость городского нобилитета становилась абсолютно сопоставимой с ролью дворянства в государстве и обществе. Новая правовая реальность формировала и основное направление действия права. Гражданское общество инициировало рецепцию римского права в Западной Европе, связь публичного и частного права стала органичной. Публичное и частное право имеют общее основание, обосновывают формальное равенство и справедливость участников правоотношений. «В нормативно-ценностном пространстве публичного права государство предстает как единый макросоциальный социальный субъект, наделенный жизненными интересами, волей к порядку, имеющий общезначимые для всех граждан цели и обладающей энергией для их достижения»². Постепенно общественное право закрепляется за гражданским обществом, юридическое право — за государством, право человека — за личностью. Подобная конфигурация в идеале не позволяет юридическому праву обосновывать свой приоритет. Это обусловлено не только силой политического сопротивления права гражданского общества и эффективностью гражданского правосознания. Новые социальные явления и процессы осмысливаются и осваиваются именно в общественном праве. За юридическим правом и государственническим правосознанием остается миссия доктринального оформления готового «юридического материала» и облечения его в удобную для государства форму.

Гражданское правосознание отделяет от других типов правосознания тонкая грань. Прежде всего, это касается государственнического правосознания, с которым у гражданского правосознания складываются отношения неравновесного партнерства. Как государство

² Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. С. 683.

изымает у гражданского общества наиболее эффективные институты (полиция, университеты, направления научного поиска), так и государственный правосознание паразитирует на гражданском правосознании. Именно в недрах последнего рождаются новые креативные правовые доктрины, ибо, как правило, они являются результатом научного поиска частных лиц. Именно гражданское правосознание инициирует новые направления поиска выхода из кризисных ситуаций³. Гражданское правосознание продуцирует реальное право, ориентированное на интересы людей, формирует реальные правоотношения. У государственнического правосознания совершенно другой функционал, оно отражает властную интенцию государства. Гражданское правосознание является антитезой государственническому правосознанию, так же, как гражданское общество является антитезой государству. В этом, с одной стороны, проявляется двойственность гражданского правосознания, с другой — его действенность и реализуемость в правовой практике. Феномен гражданского правосознания обусловлен активностью и творческим взаимодействием всех акторов социальных процессов. Наиболее активные субъекты гражданского правосознания за счет социальной фасилитации создают общий уровень, характерный для той или иной правовой культуры, имеющий существенные различия в зависимости от социально-экономической, политической и духовной ситуации, переживаемой конкретным социумом.

Не менее значимы формы взаимосвязи гражданского правосознания с правосудным и криминальным правосознанием. «Правосудное правосознание является своеобразной точкой соприкосновения, смычкой между государственническим и гражданским правосознанием»⁴. Право-

судное правосознание занимает разное место в различных правовых культурах, но его роль несомненна. «Суд функционирует как *нейтральное место*, в котором происходит настоящая *нейтрализация* ставок посредством их отрыва от действительности и дистанцирования, превращающих прямое столкновение интересов в диалог посредников»⁵. Как бы ни были настроены различные категории субъектов гражданского правосознания по отношению к суду, правосудное правосознание и правосудие как феномен вынужденно воспринимается, отчасти потому что без этого невозможно обойтись, отчасти потому что все люди судят о чем либо, что-либо и кого-либо.

Криминальное правосознание — это квазигражданское, несостоявшееся гражданское правосознание. В своей направленности вовне, противостоянии государственническому правосознанию его объекты перешли грань и противопоставили себя обществу. Тем не менее наличие не только взаимосвязь, но и взаимопротекание гражданского и криминального правосознания, особенно в кризисные периоды истории. Различные формы криминального правосознания по-разному паразитируют в различных правовых культурах, а в последнее время имеют и разные целеустановки, но смысл их в целом одинаков, криминальное правосознание является содержанием делинквентной субкультуры, которая «отличается резко негативным отношением к официальным властным структурам, правовым институтам, системе охраны правопорядка»⁶.

Гражданское правосознание многослойно и сегментировано. Все внутренние противостояния и конфликты, от оппозиционных проявлений до гражданских войн, обусловлены различиями в гражданском правосознании отдельных групп населения. Способы гражданского неповиновения носят совершенно разный характер — от форм совершения национального достоинства⁷ до экстре-

³ Например, в задачи западноевропейского средневекового государства не входили задачи борьбы с уголовной преступностью, эту борьбу начали частные лица; частной инициативой были заморские торговые экспедиции, приводившие в конечном счете к имперским экспансиям; частной инициативой было Народное ополчение в России во время Великой смуты; современные волонтерские движения в России также являются частными инициативами.

⁴ Малахов В.П. Указ. соч. С. 294.

⁵ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 93–94.

⁶ Бачинин В.А. Указ. соч. С. 251.

⁷ Так, Движения Соппротивления в Италии и Франции в годы Второй мировой войны спасли национальную репутацию этих стран.

мистских. Идеиные, духовные и интеллектуальные ценности отдельных субъектов и групп гражданского правосознания могут быть диаметрально противоположны, могут совершенно по-разному соотноситься с другими типами правосознания по социально-групповому признаку, отсюда и большие различия в определении объектов гражданского правосознания и чрезвычайно пестрая картина их социальной значимости.

В современном мире значительная часть значимых сегментов гражданского правосознания приобретает черты симулякров, искусственных понятий, подменяющих реальность фальшивками. Симулякры изначально измышлены, искусственны и провокационны. Причем это делается как осознанно (подделки, фальсификации, фейки, исследовательские приемы), так и неосознанно (заблуждения, мифы, легенды и т.п.). Жан Бодрийяр начинает свою книгу «Симулякры и симуляции» с эпиграфа, почерпнутого якобы у Экклезиаста: «Симулякр — это вовсе не то, что скрывает истину, это истина, скрывающая, что ее нет. Симулякр есть истина»⁸.

⁸ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015. С. 5. Можно принять сам посыл за версию, но дело в том, что этих слов у Экклезиаста нет. Таков, видимо, авторский замысел, заставляющий читателя вдумчиво относиться к тексту.

Современное состояние гражданского правосознания, особенно на Западе, характеризуется все большей активизацией ее самых нижних слоев. Парадокс состоит в том, что это сопрягается с ингибцией — феноменом «социальной лени», паразитарными настроениями и стремлением к социальному иждивенчеству. Подобного рода активизм имеет самые различные проявления: это и движения современных сквоттеров (окупо), на основании пробелов в национальном законодательстве захватывающих чужое жилье; это и движение «МееТоо» — женщин, через много лет «вспомнивших» о якобы «некогда бывших сексуальных домогательствах»; и движение «black lives matter», в крайне радикальных формах требующее особых привилегий афроамериканцам; и неконтролируемые волны мигрантов. Решение реальных социальных проблем облекается в паразитарные способы отношений с государством и обществом, стремление переложить эти проблемы на других, легализацию преступных действий.

В настоящее время гражданское правосознание, как и гражданское общество на Западе, расколото как по постановке стратегических задач, так и по тактике их разрешения. Будущее покажет, насколько пассионарная социальная энергетика Запада способна справиться с этими проблемами.

Литература

1. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права / В.А. Бачинин. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006. 1093 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. Москва : Постум, 2015. 240 с.
3. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё. Москва : Ин-т экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетея, 2007. 567 с.
4. Малахов В.П. Теория правосознания. Опыт формирования : монография / В.П. Малахов. Москва : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2020. 335 с.

References

1. Bachinin V.A. Entsiklopediya filosofii i sotsiologii prava [An Encyclopedia of Philosophy and Sociology of Law] / V.A. Bachinin. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2006. 1093 s.
2. Baudrillard J. Simulyakry` i simulyatsii [Simulacra and Simulation] / J. Baudrillard. Moskva : Postum — Moscow : Postum, 2015. 240 s.
3. Bourdieu P. Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki [Social Space: Fields and Practices] / P. Bourdieu. Moskva : In-t eksperimentalnoy sotsiologii ; Sankt-Peterburg : Aleteya — Moscow : Institute of Experimental Sociology ; Saint Petersburg : Aletheia, 2007. 567 s.
4. Malakhov V.P. Teoriya pravosoznaniya. Opyt formirovaniya : monografiya [A Legal Consciousness Theory. The Experience of Establishment : monograph] / V.P. Malakhov. Moskva : YUNITI-DANA ; Zakon i pravo — Moscow : UNITI-DANA ; Act and Law, 2020. 335 s.

Деформация правосознания: проблемы интерпретации понятия

Лановая Галина Михайловна,
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент
lanovaya-galina@mail.ru

Статья посвящена решению вопроса о точности определений деформации правосознания, получающих закрепление в современной научной литературе. Автор обосновывает, что наиболее часто встречающиеся дефиниции не вполне верно передают тот смысл, который в действительности вкладывается в понятие. Выясняются причины, по которым свойства деформации правосознания, существенные для ее понимания, не находят отражения в имеющихся определениях. Раскрывается содержание понятия, детерминируемое его связью с другими научными понятиями в том контексте, в котором оно употребляется.

Ключевые слова: правосознание, деформация правосознания, определение деформации правосознания, функционирование правосознания, противоправное поведение.

Deformation of Legal Consciousness: Concept Interpretation Issues

Lanovaya Galina M.
Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
LL.D., Associate Professor

The article is devoted to solving the question of the accuracy of the definitions of the deformation of legal consciousness, which are fixed in the modern scientific literature. The author argues that the most common do not accurately convey the meaning that is actually put into the concept. The reasons why the properties of the deformation of legal consciousness that are essential for its understanding are not reflected in the existing definitions are clarified. The content of the concept, determined by its connection with other scientific concepts in the context in which it is used, is revealed.

Keywords: legal consciousness, legal consciousness deformation, definition of legal consciousness deformation, legal consciousness functioning, illegal behavior.

Понятие «деформация правосознания» относится к числу часто употребляемых в работах, посвященных проблемам формирования и функционирования правового сознания, и это вполне объяснимо. В силу признания того, что эффективность правового регулирования во многом зависит от особенностей мировоззрения и мышления людей, актуальность приобретает вопрос о том, с какими негативными характеристиками правосознания может быть связан отказ от реализации закрепленных в нормах права требований и выбор в пользу неправомерного.

Несмотря на то что общепризнанная дефиниция понятия «деформация правосознания» отсутствует, тем не менее

последнее можно отнести к числу тех, в определении которых большинство ученых придерживается единого подхода¹. В то же время пояснения, которыми сопровождаются формулируемые определения, порождают сомнения относи-

¹ Ср. напр.: Воробьев С.М., Лешенко О.В. Деформация правосознания личности в условиях дискредитации власти в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 222; Зайцева Е.С. Правовой инфантилизм: проблемные вопросы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3. С. 98; Ковалев С.А. Деформация правосознания как фактор противоправного поведения личности // История государства и права. 2009. № 12. С. 36; Петров В.Р. Деформация правосознания граждан России. Проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 29; и др.

тельно точности последних. Более того, сами пояснения не всегда согласуются со смыслом, придаваемым понятию «деформация правосознания» тем контекстом, в котором оно используется.

Любое понятие наполняется содержанием в системе других понятий, и отнюдь не формулируемые учеными дефиниции определяют его значение. Поэтому, для того чтобы разобраться, в какой мере имеющиеся определения точны, а даваемые им пояснения адекватны, проанализируем контекст, в котором чаще всего используется интересное нас понятие.

Прежде всего, существующие определения указывают на то, что деформация правосознания является негативным изменением. Конкретизируя сформулированные определения, авторы также часто используют понятия «отклонение», «дефект»², подчеркивая тем самым, что подразумеваемое ими негативное изменение представляет собой аномалию.

В то же время анализ контекста, в котором употребляется интересное нас понятие, позволяет заключить, что в действительности проблема деформации правосознания предстает не проблемой аномального отклонения его параметров от нормы, а вопросом о несоответствии реального состояния правосознания идеальной модели. Иными словами, речь идет не о социологической по своей постановке проблеме разграничения нормального и патологического, а об аксиологической проблеме различения предпочтительного и нежелательного, соответствующего идеалу и не отвечающего ему. С учетом данного обстоятельства становится понятным и то, почему иногда «норма» и «идеал» отождествляются в их противополож-

ности деформации правосознания³, и то, почему последней прямо противопоставляются «положительное состояние правосознания» и «положительное правосознание»⁴.

Не лишним будет вспомнить о том, что в качестве деформации правосознания зачастую рассматривается именно то, что носит характер массового. Так, одним из видов (форм, типов) деформации правосознания называют правовой нигилизм⁵, при том что последний чаще всего рассматривается как явление массовое⁶.

В системе координат «норма — патология» норма всегда предстает массовым, обычным⁷. Если бы деформациями правосознания действительно признавались «патологии», «отклонения от нормы», то в качестве таковых ни при каких условиях не рассматривались бы характеристики, являющиеся типичными для общественного правосознания или правосознания той или иной социальной группы.

То, что интересующая нас проблема оказывается, в сущности, не социологической, а аксиологической, должно учитываться при решении вопроса о признаках, по которым следует отличать деформацию правосознания от того, что таковой не признается.

В научных определениях акцент, как правило, делается на неверном отражении правовой действительности, часто фиксируется связь между искаженным отражением правовой действительности

² Воробьев С.М., Лешенко О.В. Указ. соч. С. 219–223; Степаненко Р.Ф., Зайцева В.А. Особенности деформации правового сознания: теоретико-правовые аспекты // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 189–192; Кузнецов Р.А. Деформация профессионального правосознания юристов : автореф. дис ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 10.

³ Зайцева Е.С. Указ. соч. С. 99.

⁴ Петров В.Р. Указ. соч. С. 26–29; Ковалев С.А. Указ. соч. С. 36.

⁵ Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права. М. : Норма, 2014. С. 114; Петров В.Р. Указ. соч. С. 44; Тамберг А.А. Правосознание в трансформируемой России: сущность, эволюция, преемственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 20.

⁶ Петров В.Р. Указ. соч. С. 27, 78; Сенин И.Н., Хамзина Б.К. Российский правовой менталитет. Омск : Омский экономический институт, 2012. С. 63; Тамберг А.А. Указ. соч. С. 3, 21.

⁷ Малахов В.П. Теория правосознания. Опыт формирования. М. : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2020. С. 77.

и негативным отношением к ней. Из пояснений, которыми сопровождаются определения, также можно сделать вывод о том, что и неверное отражение правовой действительности, и негативное отношение к ней выступают принципиально значимыми отличительными чертами деформации. Однако ни первое, ни второе в действительности не являются необходимыми и достаточными признаками для того, чтобы отличить деформацию правосознания от того, что ею не признается. Представляется, что именно из этого исходит С.И. Захарцев, когда пишет о том, что деформация правосознания сотрудников правоохранительных органов не связана ни с недостаточностью правовых знаний, ни с отрицанием права, недоверием к нему⁸.

Ни в определениях деформации правосознания, ни в сопровождающих их пояснениях чаще всего не указывается на связь искаженного отражения правовой действительности и негативного отношения к ней с неправомерным поведением. В то же время, судя по контексту, в котором используется интересующее нас понятие, принципиально значимым признаком деформации оказывается то, что речь идет о таком отклонении характеристик правосознания от эталонной модели, которое негативно влияет на активность его носителя, влечет за собой совершение правонарушений или, по крайней мере, формирует предрасположенность к противоправному поведению⁹.

Изложенное свидетельствует о том, что показателем деформации в действительности является характеристика не только состояния правосознания, но и его функционирования. Именно это дает основание для противопоставления деформации правосознания не только «положительного правосознания», но и его адекватного функционирования: по этому пути, например, идут И.Н. Сенин

и Б.К. Хамзина, противопоставляя деформацию правосознания адекватной реализации им оценочной функции¹⁰.

Неадекватное функционирование правосознания само по себе не является деформацией, в данном случае более уместным будет говорить о дисфункции правосознания. Тем не менее связь содержательных особенностей правосознания с его дисфункциональностью давно приобрела значение необходимого отличительного признака деформации правосознания.

Объединение в одну проблему неадекватного функционирования правосознания и несоответствия его содержания определенной идеальной модели во многом объясняется тем, что в современной теории государства и права постулируется обусловленность функционирования правосознания его содержанием. Признанием такой обусловленности объясняется и то, почему обращение к проблеме деформации правосознания, в сущности, неизменно приводит к попыткам сконструировать такую модель содержания правосознания, при которой последнее в своем функционировании сознательно делает выбор в пользу неправомерного. Конструирование такой модели имеет сугубо практическую цель — создание научной основы для определения возможных путей и средств воздействия на содержание правосознания с целью обеспечения правомерности поведения его носителей.

В том случае, когда проблема деформации правосознания рассматривается в качестве социологической, конструирование названной модели оказывается лишенным смысла, так как отказ от правового выбора в пользу правомерного не всегда обуславливается искаженным отражением правовой действительности и/или негативным отношением к ней. Функционирование правосознания в социологическом смысле не определено исключительно его содержанием, обуславливается сложной системой фак-

⁸ Захарцев С.И. Указ. соч. С. 114.

⁹ Воробьев С.М., Лещенко О.В. Указ. соч. С. 219–220; Ковалев С.А. Указ. соч. С. 35–38.

¹⁰ Сенин И.Н., Хамзина Б.К. Указ. соч. С. 64.

торов, относящихся к характеристике как самого правосознания, так и среды, в которой оно функционирует.

В то же время конструирование такой модели оказывается не только разумным, но и целесообразным при условии, что проблема деформации правосознания ставится и решается как аксиологическая.

В аксиологическом плане значимость наличия у человека (социальной группы, общества в целом) определенного идеального «набора» представлений, взглядов, чувств и настроений, переживаний и эмоций, верно отражающих правовую действительность и выражающих позитивное отношение к действующему праву, законности и правопорядку, придает именно их включенность в систему факторов, обуславливающих такое функционирование правосознания, в рамках которого оказывается закономерным выбор в пользу правомерного.

При такой постановке вопроса не отрицается, что те характеристики правосознания, которые рассматриваются в качестве признаков деформации, получают негативную оценку именно в определенном контексте, в их включенности в механизм формирования противоправного поведения.

Итак, основываясь на анализе контекста, в котором в научной литературе используется интересующее нас поня-

тие, можно сделать вывод, что деформация правосознания — это такое его состояние, которое получает негативную оценку постольку, поскольку потенциально или реально способствует тому, чтобы его носитель сделал сознательный выбор в пользу неправомерного.

Несовпадение признаков, находящихся отражение в наиболее часто встречающихся определениях деформации правосознания, с теми характеристиками, значимость которых обуславливается контекстом, во многом является следствием попыток представить проблему деформации правосознания в качестве социологической, в то время как в действительности она решается как аксиологическая.

Не призывая к отказу от сложившихся в современной отечественной теории государства и права конструкций, тем не менее полагаем, что в ситуации, подобной той, с которой мы сталкиваемся в случае с интерпретацией понятия «деформация правосознания», важно принимать во внимание, что получившие широкое распространение определения являются консенсуальными и не совсем точно передают подлинный смысл понятия. Если не учитывать данный факт, то рано или поздно возникнет опасность искажения представления о тех закономерностях, на знании которых теория государства и права как наука основывает анализ актуальной для нее проблематики.

Литература

1. Воробьев С.М. Деформация правосознания личности в условиях дискредитации власти в Российской Федерации / С.М. Воробьев, О.В. Лещенко // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 217–225.
2. Зайцева Е.С. Правовой инфантилизм: проблемные вопросы / Е.С. Зайцева // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3. С. 98–100.
3. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / С.И. Захарцев. Москва : Норма, 2014. 208 с.
4. Ковалев С.А. Деформация правосознания как фактор противоправного поведения личности / С.А. Ковалев // История государства и права. 2009. № 12. С. 35–38.
5. Кузнецов Р.А. Деформация профессионального правосознания юристов : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Р.А. Кузнецов. Екатеринбург, 2005. 30 с.

6. Малахов В.П. Теория правосознания. Опыт формирования / В.П. Малахов. Москва : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2020. 335 с.
7. Петров В.Р. Деформация правосознания граждан России. Проблемы теории и практики : диссертация кандидата юридических наук / В.Р. Петров. Нижний Новгород, 2000. 222 с.
8. Сенин И.Н. Российский правовой менталитет / И.Н. Сенин, Б.К. Хамзина. Омск : Омский экономический институт, 2012. 124 с.
9. Степаненко Р.Ф. Особенности деформации правового сознания: теоретико-правовые аспекты / Р.Ф. Степаненко, В.А. Зайцева // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 189–192.
10. Тамберг А.А. Правосознание в трансформируемой России: сущность, эволюция, преемственность : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.А. Тамберг. Краснодар, 2008. 24 с.

References

1. Vorobyev S.M. Deformatsiya pravosoznaniya lichnosti v usloviyakh diskreditatsii vlasti v Rossiyskoy Federatsii [Deformation of Legal Consciousness of an Individual in the Conditions of Discreditation of the Government in the Russian Federation] / S.M. Vorobyev, O.V. Leschenko // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the Tomsk State University. 2019. № 442. S. 217–225.
2. Zaytseva E.S. Pravovoy infantilizm: problemny`e voprosy` [Legal Infantilism: Challenging Issues] / E.S. Zaytseva // Psikhopedagogika v pravookhranitelny`kh organakh — Psychological Pedagogics in Law Enforcement Authorities. 2015. № 3. S. 98–100.
3. Zakhartsev S.I. Nekotory`e problemy` teorii i filosofii prava [Some Issues of the Theory and Philosophy of Law] / S.I. Zakhartsev. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2014. 208 s.
4. Kovalev S.A. Deformatsiya pravosoznaniya kak faktor protivopravno go povedeniya lichnosti [Deformation of Legal Consciousness as a Factor of Delinquent Behavior of an Individual] / S.A. Kovalev // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2009. № 12. S. 35–38.
5. Kuznetsov R.A. Deformatsiya professionalnogo pravosoznaniya yuristov : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Deformation of Professional Legal Consciousness of Lawyers : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / R.A. Kuznetsov. Ekaterinburg — Ekaterinburg, 2005. 30 s.
6. Malakhov V.P. Teoriya pravosoznaniya. Opy`t formirovaniya [The Legal Consciousness Theory. The Experience of Establishment] / V.P. Malakhov. Moskva : YUNITI-DANA ; Zakon i pravo — Moscow : UNITI-DANA ; Act and Law, 2020. 335 s.
7. Petrov V.R. Deformatsiya pravosoznaniya grazhdan Rossii. Problemy` teorii i praktiki : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Deformation of Legal Consciousness of Russian Citizens: Issues of the Theory and Practice : thesis of PhD (Law)] / V.R. Petrov. Nizhniy Novgorod — Nizhny Novgorod, 2000. 222 s.
8. Senin I.N. Rossiyskiy pravovoy mentalitet [Russian Legal Mentality] / I.N. Senin, B.K. Khamzina. Omsk : Omskiy ekonomicheskiy institut — Omsk : Omsk Institute of Economics, 2012. 124 s.
9. Stepanenko R.F. Osobennosti deformatsii pravovogo soznaniya: teoretiko-pravovy`e aspekty` [Peculiarities of Deformation of Legal Consciousness: Theoretical Legal Aspects] / R.F. Stepanenko, V.A. Zaytseva // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii — Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2016. № 1. S. 189–192.
10. Tamberg A.A. Pravosoznanie v transformiruemoy Rossii: suschnost, evolyutsiya, preemstvennost : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Legal Consciousness in the Transforming Russia: The Essence, Evolution, Succession : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / A.A. Tamberg. Krasnodar — Krasnodar, 2008. 24 s.

Маргинальное правосознание как фактор государственно-правовой системы переходного типа*

Ромашов Роман Анатольевич,
профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности
Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов,
профессор кафедры теории права и гражданско-правовых дисциплин
Института экономики и права Петрозаводского государственного университета,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
romashov_tgp@mail.ru

Понимание правосознания как комплекса чувств, оценок, мотиваций, выражающих субъективное отношение к сложившейся на современном этапе общественного развития государственно-правовой системе, позволяет дифференцировать правосознание в условиях традиционного и переходного типов. Для традиционных, складывающихся в рамках трех и более человеческих поколений систем является характерным правосознание, в котором правовая психология и правовая идеология носят логически непротиворечивый характер. В условиях переходных систем правосознание приобретает внутренне противоречивый характер, что обуславливает его маргинализацию практически на всех уровнях социальной структуры общества. Рассматриваются особенности маргинального правосознания представителей государственных элит, среднего класса, представителей люмпенизированных групп.

Ключевые слова: правосознание, правовое знание, правовая психология, правовая идеология, государственно-правовая система, маргинальность, маргинальное правосознание.

Marginal Legal Consciousness as a Factor of the State Legal System of the Transition Type

Romashov Roman A.
Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement
of the St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences
Professor of the Department of Theory of Law and Civil and Legal Disciplines
of the Institute of Economics and Law of the Petrozavodsk State University
Honored Scientist of the Russian Federation
LL.D., Professor

Understanding of legal consciousness as a complex of feelings, assessments, motivations expressing a subjective attitude to the state-legal system that has developed at the present stage of social development allows us to differentiate legal consciousness in the conditions of traditional and transitional types. For traditional systems that take shape within three or more human generations, a sense of justice is characteristic in which legal psychology and legal ideology are logically consistent. Under the conditions of transitional systems, legal consciousness acquires an internally contradictory character, which determines its marginalization at almost all levels of the social structure of society. The features of marginal justice are considered for representatives of state elites, the middle class, and representatives of lumpenized groups.

Keywords: legal consciousness, legal knowledge, legal psychology, legal ideology, state-legal system, marginality, marginal legal awareness.

В современной теории права категория правосознание понимается как комплекс представлений и чувств, взглядов и эмоций, оценочных критериев и ценностных установок, выражающих субъектив-

ное отношение к реальному и идеальному праву.

Являясь системным элементом правовой реальности, правосознание в совокупности с юридическими формами

* Статья выполнена в рамках гранта РФФИ категория А (фундаментальные исследования) «Государственно-правовые системы современного мира» № 20-011-00794 А.

легального позитивного права и правовым поведением образует национальную правовую культуру (национальный правовой менталитет), характеризующую, подобно языку национального общения, систему социальных коммуникаций (организационных, управленческих, регулятивно-охранительных), складывающуюся на определенном историческом этапе государственно-правового развития.

В качестве структурных элементов правосознания традиционно выделяются правовая психология и правовая идеология.

Правовая идеология определяется как *«как целостный, обладающий внутренним единством, искусственно создаваемый... механизм воздействия системы идей на общественное, групповое и индивидуальное правосознание с целью легитимации (делегитимации) позитивного права, юридической практики, обеспечения единства правовой системы и ее воспроизводства путем перевода правовых идей в нормативные установки сознания и формирования соответствующих моделей поведения»*¹.

В отличие от правовой психологии, формируемой на индивидуальном уровне и выступающей в качестве уникальной и неповторимой личностной характеристики «правового человека», правовая идеология представляет инструмент внешнего воздействия, применение которого осуществляется при помощи специальных технологий и носит манипулятивный характер. Основной задачей правовой идеологии является выработка у большинства субъектов правоотношений общих представлений о позитивном праве как об оптимальном и действенном средстве регулятивно-охранительного воздействия.

Формирование правосознания происходит в процессе развития государственно-правовой системы и непосред-

ственным образом зависит от целевой направленности и содержания политико-правового генеза.

Дифференциация государственно-правовых систем на традиционные и переходные предполагает понимание социально-культурной традиции как сложившейся и устоявшейся на протяжении трех и более человеческих поколений тенденции получения, накопления, передачи и позитивного восприятия социально-исторического опыта, являющегося основой таких явлений, как национальная политико-правовая культура и национальная политико-правовая ментальность.

Традиционные государственно-правовые системы характеризуются относительным постоянством в определении основных ценностных приоритетов и принципов государственного и правового строительства. Опыт, полученный предшествующими поколениями, для последующих имеет значение как в плане сохранения «исторической памяти», так и в качестве действенного инструмента сохранения и ретрансляции в будущее позитивного опыта, а также предотвращения в дальнейшем ошибок и просчетов, подобных тем, которые были совершены на более ранних стадиях развития².

Государственно-правовые системы переходного типа характеризуются ярко выраженной дихотомией поколения «отцов», сохраняющих ментальность прошлого и пытающихся, основываясь на этой ментальности, воспитывать «в духе верности прошлым идеалам» поколение «детей», для которых прошлое представляет собой «закрытый проект», не способный транслироваться в будущее³.

Применительно к политогенезу Российского государства можно выде-

¹ Михайлов А.М. Понятие правовой идеологии и его место в системе теоретико-правового знания // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. : Юридические науки. 2017. Т. 21. № 3. С. 365.

² Разуваев Н.В. Понятие и признаки традиционного государства // Управленческое консультирование. 2008. № 3. С. 51–71.

³ Разенькова В.С. Понятие и суть переходного периода государства // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. : Юридические науки. 2014. Т. 27 (66). № 1. С. 65–68.

лить две формы политико-правового устройства, характеризующиеся наличием национальной традиции. Речь идет о государственно-правовых системах Российской империи и Советской России (РСФСР, СССР). Соответственно, можно говорить как минимум о трех переходных периодах российской государственности. Это период Смутного времени (1598–1613 гг.), предшествовавший становлению централизованного национального Российского государства имперского типа, ассоциируемого с правлением династии Романовых, период победы и становления советской власти (1917–1924 гг.) и, наконец, период формирования и укрепления современного Российского государства (1990–2000 гг.).

Каждый из выделенных традиционных периодов представляет собой самостоятельный этап — цикл российской государственно-правовой истории (два завершенных цикла (имперский и советский) и один делящийся — постсоветский), общим условием возникновения которых являлось разрушение предшествующей организационно-управленческой системы. В рамках перечисленных этапов происходит не только трансформация государственно-правовых институтов, но и изменяется социальная структура государственно-организованного общества, а это, в свою очередь, означает изменение правосознания представителей властвующей элиты, «среднего класса», «низших/люмпенизированных» групп населения.

Маргинальное правосознание представляет собой форму правосознания, образуемую совокупностью чувственно-эмоциональных восприятий, оценочных подходов, мотивационных оснований, посредством которых субъект воспринимает действующее позитивное право и вырабатывает собственное отношение к нему⁴.

⁴ Сакаева З.Л. Феномен маргинального правосознания и его позитивное осмысление // Вестник Омского университета. Сер. : Право. 2018. № 1 (54). С. 48–51.

Основным признаком, характеризующим субъективное правосознание в качестве маргинального, является коллизийность правовой психологии и правовой идеологии. Идеология, представляя собой средство внешнего, интерсубъектного воздействия на индивидуальную (корпоративную) психику, всегда оперирует понятиями должного (идеального), в то время как психология в большинстве случаев обращена к сущему (рациональному).

Переход от традиционного общества к переходному изменяет установленный государственно-правовой порядок, институционально-функциональная дисфункциональность приобретает всеобъемлющие черты, а свойственные традиционному обществу стабильность и гомеостатичность уступают место хаотическим состояниям. В результате этих процессов дезинтеграция одерживает верх над интеграцией. Возникает конфликт интересов между набирающими силу государственными структурами и правовыми институтами и «старым» государственно-правовым порядком. Этот конфликт в переходный период достигает своей кульминации, выражением чего становится аномия⁵.

В ситуации аномии маргинализм приобретает всепроникающий характер, а субъекты маргинального правосознания имеют место во всех социальных группах населения. Причем, что интересно, наименьшие изменения в плане маргинализации претерпевает правосознание традиционных маргиналов: представителей люмпенизированных и криминальных групп, лиц, освободившихся из мест заключения, и т.п. Для людей, воспринимающих в качестве нормы пребывание на «социальном дне», переход общества к состоянию аномии если и влечет какие-то изменения, то весьма незначительные. Иное дело бывшие социальные элиты и «средний класс».

⁵ Напсо М.Д. Аномия как социальный феномен // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2017. № 3 (47). С. 65–66.

Маргинальное правосознание элиты переходного периода формируется в процессе вытеснения из властных структур представителей традиционного властного сословия и замещения их «новыми правителями», как правило, являющимися выходцами из «среднего класса», обладающими лидерскими качествами, рациональностью и «здоровым цинизмом», в совокупности своей обеспечивающими, с одной стороны, возможность «не цепляться за разрушающееся прошлое», а с другой стороны, стремление «найти себя в образующемся новом мире», неопределенность которого, безусловно, таит в себе опасность неизвестности, однако вместе с тем предоставляет возможности, которых ни при каких обстоятельствах не мог дать «старый мир». Восхождение на вершины государственной власти горожанина К. Минаина и мелкопоместного дворянина Д. Пожарского, юриста В. Ульянова-Ленина, партийного функционера Б. Ельцина, профессора А. Собчака имеет общим то, что все они в условиях традиционной государственно-правовой системы были обречены оставаться не то, что на «вторых и третьих ролях», а быть никому не известной «политической массовкой», не оставляющей никакого следа в истории. Именно маргинальное правосознание позволило всем этим людям вовремя уловить «ветер перемен» и, используя его, «воспарить» на недосягаемые ранее высоты.

Маргинальное правосознание большинства представителей «среднего класса» в переходных условиях соответствует принципу, который более двух с половиной тысяч лет назад сформулировал великий китайский мыслитель Конфуций: «Не дай Вам Бог жить в эпоху перемен». Люди, ассоциирующие себя с государством и выступающие в качестве его иждивенцев, не задумываются над тем, что само по себе государство не является сверхъестественным созданием («семьей народов», «любящей, заботливой матерью», «строгим, но справедливым отцом»), однако когда начинается

кризис государственно-правовой машины, то они ожидают от государства помощи в решении собственных проблем, не понимая того, что «всесильное» еще вчера государство сегодня представляет «кучку растерянных испуганных людей», функциональные полномочия которых мгновенно утрачивают сакральность и, будучи не подкрепленными ни страхом, ни материально-финансовой заинтересованностью, перестают быть эффективными и действенными. Разрушение и насилие становятся нормой жизни, а такие древнейшие криминальные профессии, как разбой (бандитизм), мошенничество, проституция, начинают восприниматься бывшими инженерами, врачами, спортсменами, военными, учеными как нормальные, а в ряде случаев предпочтительные средства обеспечения «человеческого» существования.

Подводя итог сказанному, следует сделать обобщающий вывод: маргинальное правосознание представляет фактор, выступающий одновременно предпосылкой аномии, следствием которой является кризис традиционной государственно-правовой системы и ее последующее разрушение, а также структурно-функциональный элемент переходной системы, возникающей «на стыке старого и нового миров», представляющей для немногих, «кто был никем», возможность «стать всем», а для всех остальных — «проклятым временем негодяев», в рамках которого маргинальность и маргинальное правосознание трансформируются из девиации в социальную норму, целью использования которой на субъективном уровне является элементарное выживание в агрессивной социальной среде. И продолжается такое выживание вплоть до формирования очередной традиционной государственно-правовой системы, которая на уровне политико-правовой идеологии всякий раз позиционирует себя в качестве вечной (бесконечной). Ведь истории свойственно повторяться.

Литература

1. Михайлов А.М. Понятие правовой идеологии и его место в системе теоретико-правового знания / А.М. Михайлов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 3. С. 355–379.
2. Напсо М.Д. Аномия как социальный феномен / М.Д. Напсо // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 3 (47). С. 65–70.
3. Разенькова В.С. Понятие и суть переходного периода государства / В.С. Разенькова // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2014. Т. 27. № 1 (66). С. 65–68.
4. Разуваев Н.В. Понятие и признаки традиционного государства / Н.В. Разуваев // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2008. № 3 (31). С. 51–71.
5. Ромашов Р.А. Политогенез. Храм — Πόλις — Государство — State : монография / Р.А. Ромашов. Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. 348 с.
6. Сакаева З.Л. Феномен маргинального правосознания и его позитивное осмысление / З.Л. Сакаева // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 1 (54). С. 48–51.
7. Степаненко Р.Ф. Общая теория маргинальности: проблемы правового подхода / Р.Ф. Степаненко, Л.Д. Чулюкин // Вестник экономики, права и социологии. 2010. № 2. С. 96–103.

References

1. Mikhaylov A.M. Ponyatie pravovoy ideologii i ego mesto v sisteme teoretiko-pravovogo znaniya [The Legal Ideology Concept and Its Place in the System of Theoretical Legal Knowledge] / A.M. Mikhaylov // Vestnik Rossiyskogo universiteta družby` narodov. Seriya : Yuridicheskie nauki — Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2017. Vol. 21. № 3. S. 355–379.
2. Napso M.D. Anomiya kak sotsialny`y fenomen [Anomy as a Social Phenomenon] / M.D. Napso // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo — Bulletin of the Lobachevsky University. Series: Social Sciences. 2017. № 3 (47). S. 65–70.
3. Razenkova V.S. Ponyatie i sut perekhodnogo perioda gosudarstva [The Concept and Essence of the Transitional Period of the State] / V.S. Razenkova // Ucheny`e zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo — Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Tavrida National University. Series: Legal Sciences. 2014. Vol. 27. № 1 (66). S. 65–68.
4. Razuvaev N.V. Ponyatie i priznaki traditsionnogo gosudarstva [The Concept and Attributes of a Traditional State] / N.V. Razuvaev // Upravlencheskoe konsultirovanie. Aktualny`e problemy` gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya — Management Consulting. Relevant Issues of Public and Municipal Administration. 2008. № 3 (31). S. 51–71.
5. Romashov R.A. Politogenez. Khran — Πόλις — Gosudarstvo — State : monografiya [Politogenesis. Temple — Polis — Government — State : monograph] / R.A. Romashov. Sankt-Peterburg : Aleteiya — Saint Petersburg : Aletheia, 2019. 348 s.
6. Sakaeva Z.L. Fenomen marginalnogo pravosoznaniya i ego pozitivnoe osmy`slenie [The Phenomenon and Positive Understanding of Marginal Legal Consciousness] / Z.L. Sakaeva // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya : Pravo — Bulletin of the Omsk University. Series: Law. 2018. № 1 (54). S. 48–51.
7. Stepanenko R.F. Obschaya teoriya marginalnosti: problemy` pravovogo podkhoda [General Marginality Theory: Issues of the Legal Approach] / R.F. Stepanenko, L.D. Chulyukin // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii — Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2010. № 2. S. 96–103.

Трансформации профессионального правосознания юристов в России

Немытина Марина Викторовна,
заведующая кафедрой истории права и государства
Юридического института Российского университета дружбы народов (РУДН),
доктор юридических наук, профессор
nemytina_mv@pfur.ru

В статье анализируются проблемы трансформации профессионального юридического правосознания в России, взгляды ученых, отражающие сущность права и его предназначение в обществе, концепции правопонимания в российской юридической науке на пересечении XIX–XX вв. и на рубеже XX–XXI вв. Фиксируется внимание на проблемах соотношения в отечественном правоведении этатистского позитивизма с иными концепциями понимания права.

Ключевые слова: право, юридическая наука, профессиональное сознание юристов, правопонимание, концепции понимания права, профессиональное юридическое сообщество в России, постсоветская Россия.

Transformations of Professional Legal Consciousness of Lawyers in Russia

Nemytina Marina V.
Head of the Department of History of Law and State
of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR)
LL.D., Professor

The article analyzes problems of transformation of professional legal consciousness in Russia, points of view concerning the nature of law and its destination in society, conceptions of understanding of law that existed in Russian legal science from the end XIXth to the beginning of the XXth and from the end XXth to the beginning of the XXIth centuries. The evaluation of correlation between etatistic positivism and other legal conceptions in the Russian legal science is emphasized.

Keywords: law, legal science, professional legal consciousness, understanding of law, conceptions of understanding of law, professional legal community in Russia, post-soviet Russia.

Эволюционируя на протяжении XIX в. в общем русле европейского права, европейских философских и правовых идей, российское правоведение испытало на себе влияние естественно-правовых доктрин, утверждавших принцип формального равенства, принадлежащие человеку в силу его рождения права, равный для всех статус во взаимоотношениях с законом и судом. В России получила развитие историческая школа права с обоснованием истоков правового развития в судьбе народа и преемственности культуры.

Обозначая основные тенденции, протистекавшие в отечественном правоведении, Г.В. Мальцев справедливо утверждал: «Юридический позитивизм определил профиль российского правового развития»¹. В то же время на рубеже XX–XXI вв. было очевидно стремление правоведов сменить этатистский

вектор развития отечественной юридической науки, а вместе с ней и общества в целом. Импульсы этой тенденции придали социологические концепции С.А. Муромцева и Н.М. Коркунова, идеи возрожденного естественного права В.М. Гессена и П.И. Новгородцева, психологическая школа Л.И. Петражицкого². Однако кризис государственных институтов, внешние угрозы, рост политической активности и протестные выступления в российском обществе начала XX в. обеспечили торжество в нем этатического позитивизма над иными правовыми воззрениями (социологическими, антропологическими, психологическими). На фоне изживших себя политических и правовых форм, в результате военного поражения в русско-японской войне, в преддверии Первой мировой войны под воздействием приобретающих крайнюю степень радикализма выступлений противников самодержавного режи-

¹ Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. С. 18.

² Там же. С. 18–21.

ма «создалась благоприятная ситуация для своеобразного реванша этатического позитивизма с его правопониманием, замешанным на идеях государственного авторитаризма и государственного принуждения». Тогда и появилась, как отметил Г.В. Мальцев, теория права Г.Ф. Шершеневича, которая была «ностальгически позитивистской и вызывающе этатической»³. Она утверждала, что право немислимо без государства, оно держится не иначе как на авторитете государства, и только государственная власть способна породить нормы права во всем их многообразии и взаимодействии⁴.

Несмотря на существенный разрыв во времени и иной социокультурный контекст, в российском правоведении складывается повторяющаяся ситуация, и на новом витке развития нашего общества на рубеже XX–XXI вв. проистекают процессы, аналогичные тем, что имели место 100 лет назад, связанные с отражением в сознании юристов представлений о меняющейся правовой реальности и трансформациями профессионального правосознания. Складывается впечатление, что российское правоведение, если под ним понимать не только систему взглядов на право, но и сообщество генерирующих правовые идеи юристов, повторяет уже пройденный им столетием раньше путь, с той лишь разницей, что в наше динамичное время в глобальном информационном пространстве ментальные процессы уплотняются и спрессовываются, и смена научной парадигмы, освоение новых научных подходов занимают значительно меньше времени. Парадоксально, но факт, что за период существования постсоветского общества протяженностью в три десятка лет простая и предельно понятная формула, фиксирующая, что «право — это нормативная регулятивная система общества», оказалась пока что не усвоенной профессиональной корпорацией юристов России.

М.К. Мамардашвили, объясняя ментальные процессы человека в его связи с обществом, высказал мысль о том, что «у нас нет исторической мощи стать, сбыться, выполнить нечто до конца»⁵. Культу-

ру, «в которой мы живем, — эту культуру трудно назвать историческим образованием, то есть чем-то, имевшим последовательность событий, которые совершались. Ведь чаще всего наша история, или то, что называется историей, полна несовершившихся событий (...) мы вечно решаем одну и ту же проблему»⁶.

Глубинные социальные противоречия, связанные с переходом российского общества от одних форм существования к другим, частные смены социальных, политических и правовых институтов обуславливают специфику ментальных процессов в обществе, в том числе в профессиональном сообществе юристов, в котором не успевают складываться новые образы права и правовой реальности, формирующиеся новые представления о праве наслаиваются на старые. Правосознание юристов не успевает за динамикой социальной жизни, запаздывает, отстает и потому теряет ориентиры развития. Половинчатый и незавершенный характер наших реформ, отсутствие четкого и последовательного плана их реализации, стремление правящих кругов самосохраниться, лимитировав меру и степень уступок, а потому поддерживать устаревшие экономические, социальные и политические формы и ограничиться только теми преобразованиями, которые на данный момент не дадут России «сойти на нет» в качестве державы, с которой считаются в мире, — все это порождает новые противоречия, еще большие противостояния в обществе, даже катастрофы, превращающие большую страну в площадку для гигантских социальных экспериментов.

Очевидно, это и имел в виду М.К. Мамардашвили, говоря об отсутствии «исторической мощи» выполнить все до конца в одном поколении, чтобы не создавать социальных вызовов и угроз для своих потомков. Объясняя проблему незавершенности в действиях, делах и поступках, философ ссылается на отсутствие социального опыта, поскольку только он и ведет к пониманию: «...человек способен понять то, что он способен сделать сам»⁷. В этом смысле заимствование чужого, не пережитого, опыта, скажем, европейского опыта демократии, прав и свобод

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 21–22.

⁵ Мамардашвили М. Беседы о мышлении. СПб. : Азбука-Аттикус, 2019. С. 69.

⁶ Там же. С. 68.

⁷ Там же. С. 97.

человека, институтов гражданского общества, традиций европейской правовой мысли не будет плодотворно и конструктивно для общества, для которого все это не было собственной историей, бытием⁸. Если абстрактно рассматривать опыт общества в целом, то демократия должна в нем вырваться и взрасти на подготовленной почве, а дальше поддерживаться усилиями многих людей. Если вести речь об опыте конкретного человека, то «гражданином может стать только тот, кто имеет требование и ожидание быть гражданином». Одно дело длительное время «жить с демократическими сложными институтами — а взять и устроить эти институты нельзя, так же как нельзя захотеть и вдруг вступить в традицию»⁹.

Жизнеспособность научных идей вообще и, в частности, идей о праве в значительной степени определяется их соответствием социальному запросу. Идеи должны быть своевременны, востребованы здесь и сейчас. Развитие общества в рамках новой социокультурной программы, обозначившейся в ходе радикальных реформ, предполагает изменение правосознания. Возникает запрос на новые идеи, которые тут же вступают в конфронтацию со старыми, при этом неизвестно, какие из них возобладают. Поскольку общество неоднородно, в нем присутствуют слишком разные, подчас полярно противоположные запросы на право, имеет смысл обратить внимание на профессиональное правосознание и профессиональное правопонимание сообщества юристов — тех, кто профессионально владеет и пользуется правом, творит законодательные и иные нормативные правовые массивы. Встает вопрос: какие трансформации могут происходить в правосознании представителей корпорации юристов в условиях изменения вектора общественного развития, смены правопорядка?

В 90-е годы XX в. в условиях перехода российского общества в новое состояние либертарная концепция В.С. Нерсесянца дала импульс развитию юридической науки и практики, создала идеологическую основу для выхода российского общества из рамок социалистической законно-

сти, перехода его к постсоветскому правопорядку с иными правовыми формами и институтами. Не только научная юридическая общественность, но и юристы-практики (судьи, адвокаты) живо восприняли идеи В.С. Нерсесянца о различении права и закона, отграничении права от властного произвола государства, о том, что «право — это всеобщая и необходимая форма свободы людей»¹⁰. Разработанные автором еще в условиях советского общества идеи о том, что закон может быть неправовым, если он не обеспечивает равную меру свободы индивидам, создавали не только научно-юридическую, но и идеологическую основу трансформационных процессов в обществе. Профессиональным юридическим сообществом была воспринята именно та составляющая системы воззрений В.С. Нерсесянца, в которой акцент делался на различении права и закона. В 90-е годы XX в. содержавшееся в концепции глубинное обоснование свободы общества и индивида соотносилось юристами, прежде всего, со свободой собственности и рыночных отношений, предпринимательской инициативой и возможностью человека обладать ресурсами жизнедеятельности. Однако постсоветский период породил новые формы произвола власти, несправедливости в социальных отношениях, в сочетании с произволом новых держателей собственности в отношении подавляющей массы населения страны.

В этом отношении важно различать позицию самого ученого, академика В.С. Нерсесянца, и то, как его воззрения были восприняты профессиональным сообществом. «Сам автор, — отмечает В.В. Лапаева, — новизну своего подхода связывал с выявлением сущностного признака и принципа права — формального равенства в свободе, раскрываемого через триединство равной меры, свободы и справедливости»¹¹.

Следует отметить, что сформулированные уже в постсоветский период взгляды В.С. Нерсесянца о цивилиз-

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 98.

¹⁰ Нерсесянц В.С. *Философия права* : учебник для вузов. М. : Норма: ИНФРА-М, 1997. С. 34.

¹¹ Лапаева В.В. Соотношение права и справедливости в либертарно-юридической теории В.С. Нерсесянца // *Труды Института государства и права РАН*. 2018. Т. 13. № 4. С. 15.

ме как новом строе, не имевшем ничего общего с ранним капитализмом, возвращение к которому после социалистического периода истории нарушило логику общественного развития в нашей стране, до настоящего времени не стали широко востребованными и не получили реализации. Юридическому сообществу их еще предстоит освоить.

Представляется, что основное достижение современного российского правоведения — это серьезный прорыв от этатистского позитивизма, в русле которого право воспринималось как волеизъявление государства, к многообразию подходов, позволяющих увидеть разные грани права и попытаться дать обоснование его природы и сущности в различных методологических ракурсах. Однако это новое, как нам самим представляется, видение права во многом повторяет идеи дореволюционного отечественного правоведения.

На сегодняшний день для российского правоведения актуальны концепции социологического позитивизма с их обоснованием регулятивных правовых сис-

тем внутри общества через многообразие складывающихся в обществе интересов, требующих институционального и нормативного оформления. Тенденция признания правотворческой активности иных (кроме государства) публичных корпораций (конфессиональных, партийных, этнических, профессиональных и др.) на доктринальном уровне отражена в трудах Г.В. Мальцева¹².

Взгляд на тенденции правового развития в отечественном прошлом и настоящем, выявленная повторяемость событий в российской правовой культуре, юридической науке позволяют утверждать, что концепции понимания права, воззрения авторов на природу и сущность правовых явлений генерируются не ради того, чтобы наука воспроизводила саму себя, самогенерировалась, а для того, чтобы создавать импульсы влияния на общество. Очевидно, в этом состоит предназначение научного юридического сообщества.

¹² Мальцев Г.В. Социальные основания права. М. : Норма, 2007.

Литература

1. Лапаева В.В. Соотношение права и справедливости в либертарно-юридической теории В.С. Нерсисянца / В.В. Лапаева // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 4. С. 9–36.
2. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы / Г.В. Мальцев. Москва : Прометей, 1999. 419 с.
3. Мальцев Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. Москва : Норма, 2007. 800 с.
4. Мамардашвили М. Беседы о мышлении / М. Мамардашвили. Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2019. 576 с.
5. Нерсисянц В.С. Философия права : учебник для вузов / В.С. Нерсисянц. Москва : Норма: ИНФРА-М, 1997. 652 с.

References

1. Lapaeva V.V. Sootnoshenie prava i spravedlivosti v libertarno-yuridicheskoy teorii V.S. Nersesyantsa [The Correlation Between Law and Justice in the Libertarian Juristic Theory by V.S. Nersesyants] / V.V. Lapaeva // Trudy Institutu gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk — Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13. № 4. S. 9–36.
2. Maltsev G.V. Ponimanie prava. Podkhody i problemy' [Understanding of Law. Approaches and Issues] / G.V. Maltsev. Moskva : Prometey — Moscow : Prometheus, 1999. 419 s.
3. Maltsev G.V. Sotsialny'e osnovaniya prava [Social Bases of Law] / G.V. Maltsev. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2007. 800 s.
4. Mamardashvili M. Besedy' o my'shlenii [Dialogues about Thinking] / M. Mamardashvili. Sankt-Peterburg : Azbuka-Attikus — Saint Petersburg : Azbuka-Attikus, 2019. 576 s.
5. Nersesyants V.S. Filosofiya prava : uchebnik dlya vuzov [Philosophy of Law : textbook for higher educational institutions] / V.S. Nersesyants. Moskva : Norma: INFRA-M — Moscow : Norm: INFRA-M, 1997. 652 s.

От первобытного мышления к архаическому правосознанию: эволюционные характеристики и особенности правовой преемственности

Кулакова Юлия Юрьевна,
заместитель начальника кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства
внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
Kulakova_crede@mail.ru

В статье анализируются особенности первобытного и архаического мышления, причины появления мистического, процессы изменения способов мышления, особенности сознания, в частности, правосознания.

Ключевые слова: первобытное мышление, мифологическое мышление, миф, мифологическое сознание, архаическое сознание, аллегория, правосознание.

From Primitive Thinking to Archaic Legal Consciousness: Evolutionary Characteristics and Peculiarities of Legal Continuity

Kulakova Yulia Yu.
Deputy Head of the Department of Theory of State and Law
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD (Law), Associate Professor

The article analyzes the features of primitive and archaic thinking, the reasons for the appearance of the mystical, the processes of changing ways of thinking, the features of consciousness, in particular, legal awareness.

Keywords: primitive thinking, mythological thinking, myth, mythological consciousness, the archaic consciousness, allegory, awareness of the law.

Первобытный способ мышления человека является отправной точкой в исследовании данного вопроса. Он свойственен доисторическим эпохам жизни человека. Первобытность включает в себя палеолит, мезолит и неолит. Палеолит был школой мужественности и организованности. Мезолит — находчивости и личной инициативы. Неолит — новый каменный век, который, однако, характеризует не камни, а новые идеи. Для первобытного способа мышления характерна «односторонность» и «частичность»¹. «Дологичность», предложенная Леви-Брюлем, а также высказанная как альтернатива этому «иррациональность»

К.Г. Юнга не совсем точно передают особенность первобытного способа, поскольку и варварские эпохи, особенно на первых этапах, не были периодом «рационального» мышления.

«Односторонность» характеризуется тем, что связь между противоположностями мышлением не устанавливается. Первобытному человеку было не под силу наблюдать и фиксировать изменения во времени. Как говорят австралийские аборигены, это время, когда времени еще не было. Мышление первобытного человека не могло провести различия между своим внутренним миром и внешним. Связь явлений внешнего мира друг с другом также не была предметом для первобытного мышления. Поэтому вопрос о целостности предмета не стоял.

¹ Оруджев З.М. Способ мышления эпохи: Философия прошлого. М.: Едиториал УССР, 2009.

«Частичность» такого способа мышления заключается в том, что для получения истинного результата можно игнорировать необходимые элементы. Даже если они и обнаруживались, все равно считались не имеющими значения. Их игнорировали. Отсутствие промежуточных звеньев не мешало соединять далеко находящиеся друг от друга явления непосредственным образом. Поэтому одна вещь легко превращалась в другую. Отсюда, что угодно может стать источником или причиной, поскольку действительное происхождение неизвестно. Игнорирование промежуточных звеньев между явлениями приводит к мистике. Источником первобытных богов и мифов является непосредственное толкование явлений внутреннего и внешнего мира. Принципом «рассудка, является абстрактное тождество, а принципом мистического... — конкретное единство тех определений, которые рассудок признает истинными лишь в их разделенности и противопоставленности»².

В качестве универсальной причинности выступало представление о потустороннем мире. Для первобытного человека реальность вторична. Первичны грезы и сновидения — мир божественных видений, священное магическое пространство, где обитают боги. Для пребывания в этом мире и общения с духами были разработаны разнообразные техники и найдены психотропные вещества. Первобытные народы проявляли исключительную тщательность в изучении флоры и фауны в поисках веществ, изменяющих сознание, — психоделиков, не пропустив практически ни одного известного в то время источника. Так, в Сибири повсеместно использовали мухоморы. Геродот описывал «скифские бани» — шалаши, накрытые шкурами в которых вдыхали дым от конопли.

Еще одной характеристикой первобытного мышления является то, что оно еще не знает и не различает «необходимое» и «случайное». А ощущение себя частью природы размывает границу между «живым» и «неживым». Жизнь и смерть,

как день и ночь, — лишь переход из одного состояния в другое.

Характерной чертой времени является сакрализация — придание священного характера практически всему: проявлениям природы, например Солнцу; тотемам; объектам охоты; психоделике; частям собственного тела, например фаллосу; а также результатам труда, если они принесли значительную пользу и стали достижениями в своем роде. Заодно обожествлялись сами изобретатели и мастера своего дела — гончары, кузнецы, виноделы. И, конечно, не остались в стороне социальные структуры с их традициями. Именно сакрализация сделала последние чрезвычайно сильными и устойчивыми. «Частичность» первобытного способа мышления разрывает цепочку поиска причин, что делает невозможным адекватное рассуждение.

Мифологическое мышление появляется в первобытную эпоху как способ образного выражения трепета и восхищения природой.

VIII—VI³ вв. до н.э. определяют как начало периода архаики. Мышление этого периода неоднородно. Каждое крупное изменение хозяйственной деятельности и социальной организации приводило к его трансформациям. В этот период закладываются основы систематического мышления, появляется философия, появляются религии, обращенные к конкретной личности, разрабатываются морально-этические конструкции, понятия добра и зла, определяются источники и идентифицируются их носители.

Господствующее ранее мифологическое мышление теряет свои лидирующие позиции. Даже Древняя Греция, подарившая миру легенды о героях Эллады, начинает рефлексировать над мифом. Причиной тому стала трансформация форм практической деятельности. Новые, рациональные способы освоения окружающего мира привели к уменьшению эмоциональных составляющих сознания. Хаос ощущений вытесняет единый познаваемый порядок. Если ранее создаваемые образы разнообразных полуживотных,

² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. / вступ. ст. Е. Ситковского. М. : Мысль, 1974. Т. 1.

³ Карл Ясперс считал, что это особый период в истории человечества, который длился 600 лет, с 800 по 200 г. до н.э.

полулюдей, чудовищ и страшилищ, наводивших первобытный ужас, подтверждающих спутанность, дисгармоничность мышления, то, пришедший на смену олимпизму, в котором четко определены стихии природы и силы (иерархичные и структурированные), свидетельствует о переходе к более высокому уровню восприятия действительности. Упорядочивание — торжество цивилизации над дикостью.

Первым, кто начал выходить за рамки мифологического сознания, был Гомер. И хотя он трансформировал миф в эпос, а его произведения богаты художественно-эстетическими образами, еще отсутствует необходимая рефлексия над мифом. Новый подход к мифу демонстрирует интерес к нравственному началу. Действия Богов теперь подвергаются оценке с позиции человеческой морали и правил поведения. Гомеровская эпоха проходила процессы демократизации общественной и политической жизни, что обусловило поворот к этической проблематике. Поляризация морального сознания своим следствием имела становление ценностного отношения к миру. Актуализация этической проблематики позволила сознанию увидеть ценностные ориентиры, например, социальную справедливость, или «богатство», которое в Древней Греции было ценностью с точки зрения общеполитической устойчивости, определяющей условия цивилизованно-комфортной и культурной жизни. Таким образом, появление базы ценностей дало возможность более четко определить приоритеты и правила поведения человека, тем самым упорядочивая существующие отношения.

В произведениях Гомера еще не различаются миры сакральные и профанные, физические и психические. То, что результатом человеческого познания являются две картины мира, одну из которых дает разум, другую — чувства, человечество обязано Пармениду и его последователям. Однако Гомер предложил искать истоки всего существующего не в Хаосе, как было принято ранее, а в Океане — родителе всех богов, что свидетельствует о появлении рациональности.

Упорядоченность социальной жизни была нарушена Великой греческой колонизацией. Видимо, поэтому Гесиод возвраща-

ется к фигуре Хаоса. Лишенная структуры размытая социальность — так представляется картина мира Гесиода. Автор известен как рапсод — профессиональный исполнитель эпических песен. Его дидактические поэмы — ответ на вызовы времени. Набирает обороты частная инициатива. Появляются собственники, для которых родовые авторитеты уже не имеют значения. Родовая община идет к упадку. Доклассовые идеалы общины, так активно продвигаемые Гомером, перестают трогать души, объединять. Они еще не ушли в прошлое, но люди уже задумываются о своих, новых ценностях и правилах, соответствующих интенсивно развивающимся товарно-денежным отношениям и жизни города. Старые идеалы не исчезают, они трансформируются сознанием в систему поучений и наставлений, в мораль. Гомер творил на пороге классового общества. Гесиод — уже внутри его границ. Настало время классовой дифференциации, обострившей противоречия между имущими и неимущими. Время героики закончилось, началось время нравоучений. Активное развитие торговли, использование счетных операций привело людей к пониманию линейных отношений, что в конечном итоге сказалось на переосмыслении оснований социальной жизни. Гесиод предпринял попытку рационально систематизировать творения мифического мышления. В результате Зевс стал символом справедливости.

Ионийские философы (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен) перенесли проблему поиска имманентной основы бытия из области веры в сферу интеллекта, в конечном итоге получив «учение о Боге как имманентной сущности всякого становления»⁴.

Когда в сознании субъекта разделились объект и образ объекта, тогда появилась возможность вывести миф в отдельную область познавательного интереса. Были предприняты попытки систематизации мифов, привязывая их к реальным событиям общественной жизни. Однако они не имели большого успеха, поскольку мифы находились за пределами рационального объяснения. Несмотря на это,

⁴ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. С. 107.

они признавались, поскольку считалось, что фантазия не может быть только ложью, она содержит и долю истины.

Со временем миф стал рассматриваться как форма культуры. Отдавая себе отчет, что буквальное толкование мифа далеко от его рационального понимания, греки предложили принимать содержание иносказательно, наделяя миф собственной логикой и выводя его на позиции высокого философского знания. Основной задачей стало правильное истолкование мифов. Эту заботу взяла на себя аллегорическая школа.

Действительно, в эпоху эллинизма научно-философское мышление оперировало и мифологическими образами. Мифологическое мышление становится логичным, хотя и не различает еще необходимого и случайного. Но если первобытное мышление просто игнорирует необходимое и случайное, то древние греки случайное фиксировали. Отсутствие знания о необходимой связи или причины для эллина и есть случайность. Она заканчивается тогда, когда становится известным, как обстоит дело в действительности. Таким образом, случайность существует «только в моей голове».

Появление способности выстраивать логические цепочки и определять причинность должно было поставить под угрозу существования богов, поскольку, как отмечалось ранее, именно «частичность» мышления открывала ворота мистики. И если раньше эллины в скульптурах видели воплощение богов, то теперь всего лишь их изображение. Тем ни менее религия замещает мифологию. Хотя религиозное мышление пытается «откреститься» от архаического, называя его язычеством, оно есть порождение именно этой эпохи. Вековые усилия мыслителей создали систему знаний (философию, политику, логику и др.), ох-

ватывающую все стороны человеческой жизни. Несмотря на это, религиозное сознание сохранило структуру, дающую возможность существовать формуле «я верую, потому что абсурдно». Если первобытное мышление не имело способности связать случившееся (прошлое) с настоящим, проложив необходимые промежуточные звенья, то религиозное сознание такой возможностью уже располагает. Однако не только не реализует ее, но активно борется с любым проявлением сомнения и называет греховностью пользование разумом. Пройдет несколько веков, прежде чем религия решится хотя бы частично опереться на него. Религиозное сознание — форма отражения мира иллюзий, вытекающих из человеческих желаний. Иллюзию нельзя ни доказать, ни опровергнуть, назвать истинной или ложной, соответствующей или не соответствующей реальности.

Формой отражения социальной реальности стало право. Оно еще тождественно правосознанию. Только с развитием и усложнением общественных отношений право станет самостоятельным, отделенным от правосознания. Возникновение права Древней Греции и в большей степени Древнего Рима приходится на те же временные рамки, что и начало периода архаики — VIII—VI вв. до н.э. Переход к научному восприятию мира, философскому объяснению его организации добавил светскости и рациональности, сфокусировал взгляд на причинности и связях, что в конечном итоге привело к разрыву религиозно-мифологического мирозерцания и правосознания. То, от чего отказалась религия, право использовало в полном объеме: не вера, но логика.

Архаическое сознание господствовало очень долго. Только в конце XVII в. было оттеснено на задворки, хотя и не исчезло.

Литература

1. Боас Ф. Ум первобытного человека / Ф. Боас. Москва : Красанд, 2011. 200 с.
2. Вен П. Греки и мифология: Вера или неверие? : опять о конструирующем воображении / П. Вен. Москва : Искусство, 2003. 224 с.
3. Гарашко А.Ю. Сакральность как характеристика природы права / А.Ю. Гарашко // Актуальные проблемы юридической теории и практики : сборник научных статей / ответственные редакторы К.Е. Сигалов, Г.М Лановая, А.Ю. Гарашко. Москва : Граница, 2020. Вып. 5. С. 20—28.

4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 томах. Т. 1. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель ; вступительная статья Е. Ситковского. Москва : Мысль, 1974. 451 с.
5. Иванов А.Г. Развитие представлений о мифе и мифологическом сознании в античной философии / А.Г. Иванов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 10 (66). С. 101–108.
6. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление: у истоков человеческого интеллекта / Ф. Кликс. Москва : Прогресс. 1983. 302 с.
7. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление : коллективные представления в сознании первобытных людей и их мистический характер / Л. Леви-Брюль. Москва : Красанд, 2012. 337 с.
8. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев. Москва : Мысль, 1993. 962 с.
9. Малахов В.П. Теория правосознания. Опыт формирования : монография / В.П. Малахов. Москва : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2020. 335 с.
10. Оруджев З.М. Способ мышления эпохи: Философия прошлого / З.М. Оруджев. Москва : Едиториал УССР, 2009. 399 с.
11. Федоров П.П. Архаическое мышление: вчера, сегодня, завтра / П.П. Федоров. Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. 173 с.
12. Щеглов А.В. Религиоведение : курс лекций / А.В. Щеглов, В.В. Горохова. Москва : МосУ МВД России, 2013. 79 с.

References

1. Boas F. Um pervoby'tnogo cheloveka [The Mind of Primitive Man] / F. Boas. Moskva : Krasand — Moscow : Krasand, 2011. 200 s.
2. Veyne P. Greki i mifologiya: Vera ili neverie?: opyat o konstruiruyuschem voobrazhenii [Did the Greeks Believe in Their Myths? An Essay on the Constitutive Imagination] / P. Veyne. Moskva : Iskustvo — Moscow : Art, 2003. 224 s.
3. Garashko A.Yu. Sakralnost' kak kharakteristika prirody` prava [Sacrality as an Attribute of the Nature of Law] / A.Yu. Garashko // Aktualny'e problemy` yuridicheskoy teorii i praktiki : sbornik nauchny'kh statey ; otvetstvenny'e redaktory` K.E. Sigalov, G.M Lanovaya, A.Yu. Garashko [Relevant Issues of the Legal Theory and Practice : collection of scientific articles ; publishing editors K.E. Sigalov, G.M Lanovaya, A.Yu. Garashko]. Moskva : Granitsa — Moscow : Border, 2020. Issue 5. S. 20–28.
4. Hegel G.W.F. Entsiklopediya filosofskikh nauk. V 3 tomakh. T. 1. Nauka logiki ; vstupil'naya statya E. Sitkovskogo [Encyclopedia of the Philosophical Sciences. In 3 volumes. Vol. 1. The Science of Logic ; introductory article by E. Sitkovskiy] / G.W.F. Hegel. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1974. 451 s.
5. Ivanov A.G. Razvitie predstavleniy o mife i mifologicheskom soznanii v antichnoy filosofii [The Development of Image of a Myth and Mythological Consciousness in the Ancient Philosophy] / A.G. Ivanov // Vestnik Tambovskogo universiteta — Bulletin of the Tambov University. Series: Humanitarian Sciences. 2008. № 10 (66). S. 101–108.
6. Kliks F. Probuzhdayusheesya my'shlenie: u istokov chelovecheskogo intellekta [Awakening Thinking] / F. Kliks. Moskva : Progress — Moscow : Progress. 1983. 302 s.
7. Lévy-Bruhl L. Pervoby'tnoe my'shlenie: kolektivny'e predstavleniya v soznanii pervoby'tny'kh lyudey i ikh misticheskoy kharakter [Primitive Thinking: Collective Representations in the Minds of Primitive People and their Mystical Character] / L. Lévy-Bruhl. Moskva : Krasand — Moscow : Krasand, 2012. 337 s.
8. Losev A.F. Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii [Sketches of Ancient Symbolism and Mythology] / A.F. Losev. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1993. 962 s.
9. Malakhov V.P. Teoriya pravosoznaniya. Opy't formirovaniya : monografiya [The Legal Consciousness Theory. The Experience of Establishment : monograph] / V.P. Malakhov. Moskva : YUNITI-DANA ; Zakon i pravo — Moscow : UNITI-DANA ; Act and Law, 2020. 335 s.
10. Orudzhev Z.M. Spособ my'shleniya epokhi: Filosofiya proshlogo [The Way of Thinking of the Epoch: Philosophy of the Past] / Z.M. Orudzhev. Moskva : Editorial URSS — Moscow : Editorial URSS, 2009. 399 s.
11. Fedorov P.P. Arkhaicheskoe my'shlenie: vchera, segodnya, zavtra [Archaic Thinking: Yesterday, Today, Tomorrow] / P.P. Fedorov. Moskva : LIBROKOM — Moscow : LIBROKOM, 2009. 173 s.
12. Scheglov A.V. Religiovedenie : kurs lektsiy [Religious Studies : course of lectures] / A.V. Scheglov, V.V. Gorokhova. Moskva : MosU MVD Rossii — Moscow : Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 79 s.

Значение сакрального в различных типах правосознания

Давидов Давид Семенович,
старший преподаватель кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
David007-86@mail.ru

В статье в контексте одной из предложенных в науке типологий правосознания проводится последовательный анализ динамики и особенностей выражения сакральности как одной из имманентных праву черт в различных типах правосознания. Примененная автором методология носит комплексный характер и включает как всеобщий диалектический метод познания, так и общенаучные методы: анализ, синтез, индукцию, дедукцию, исторический, функциональный и иные методы.

Ключевые слова: правосознание, государственнический тип правосознания, гражданский тип правосознания, криминальный тип правосознания, правосудный тип правосознания, сакральность, монономы.

The Meaning of Sacred in Various Types of Legal Consciousness

Davidov David S.
Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD (Law)

In this article, in the context of one of the proposed science typologies of justice, carried out a consistent analysis of the dynamics and peculiarities of the expression of the sacred as an immanent law of hell, in various types of legal consciousness. The methodology applied by the author is complex and includes both a General dialectical method of cognition and General scientific methods: analysis, synthesis, induction, deduction, historical, functional and other methods.

Keywords: consciousness of law, state type of legal consciousness, civil type of legal consciousness, criminal type of legal consciousness, justice type of legal consciousness, sacredness, mononorms.

Право — комплексный социальный регулятор, в настоящее время представляющий собой один из важнейших способов упорядочивания общественных отношений. Характер и степень эффективности реализации правовых норм напрямую зависят от отношения к ним представителей общественности, легитимности и уважения таких норм населением. Приобретение же общественной поддержки объективно связано с признанием людьми норм права как «своих», их социальной детерминированностью и ограниченностью существующему укладу, обусловленностью традициями и обычаями, формированием права в целом как духовного феномена.

Соответствие таким требованиям вытекает из самой природы права как фе-

номена, возникшего в своих первичных формах на заре человечества. Появившись вместе с первыми людьми в виде системы мононом, право было неразлично от иных в дальнейшем сформировавшихся социальных регуляторов и сфер жизни: морали, религии и т.д. Синкретичные монономы закономерно обладали общей природой, а значит, множеством совместных черт, что в настоящее время позволяет осуществлять соотношение и определять закономерности взаимодействия основных форм общественного сознания друг с другом. Очевидной, например, является взаимообусловленность права и морали, экономики и политики, так же как и когеренция иных сфер жизнедеятельности. Не составляет исключение связанность права и религии.

Одним из общих свойств, демонстрирующих особую связь права и религии, является сакральность. Сакральность представляет собой одну из характеристик природы права как исключительно значимого явления, обладающего безусловной ценностью и требующего особого «почтительного» отношения.

Принятие данного свойства способно стать залогом его продуктивного применения в перманентно неудовлетворительном вопросе легитимации современного права государства, использования в качестве инструмента повышения правовой культуры общества и предотвращения роста правового нигилизма. Это в том числе обуславливает необходимость формулировки и дальнейшего анализа основных форм выражения сакральной природы права в различных типах современного правосознания.

В юридической теории существует значительное число типологий и классификаций правового сознания. Вместе с тем одним из исследователей правосознания профессором В.П. Малаховым предложена своя авторская типология, которая представляется нам достаточно обширной и в то же время обоснованной. Так, В.П. Малахов предлагает дифференцировать правосознание на следующие типы: государственническое, гражданское, криминальное и правосудное.

Не представляя возможным дать исчерпывающее определение каждому типу, В.П. Малахов предпочитает выражать их сущность через совокупность основных черт.

Так, говоря о государственническом правосознании, ученый отмечает, что его объектом выступают все правоотношения, в той или иной степени связанные с властным государственным интересом; «типичным правопониманием, с которым спаяно государственническое правосознание, является, конечно, юридическое правопонимание; в государственническом правосознании природа права отождествляется с его нормативной и силовой природой; характерным для государственнического правосознания является понимание правовой реальности как некоего состояния, сконструированного нормированием и

наделенного свойством объективности»¹ и т.д.

В свою очередь, следует отметить, что сакральность в государственническом правосознании носит преимущественно искусственный характер, является привлеченным качеством, используемым для манипуляций в целях формирования положительного образа государственной власти, укрепления ее авторитета, снижения социального напряжения в отношении реализации насилия, легализованного органами государственной власти в форме мер принуждения, пресечения и юридической ответственности.

Сакрализации в данном случае подвергаются понятия закона, главы государства, конституции, государственных символов и др. Приобретая отдельные черты священного, эти понятия становятся авторитетными и неприкосновенными, а население испытывает к обозначаемым данными понятиями реальным явлениям не только рационально обоснованное уважение, но и отчасти подсознательно сформированный пиетет.

Криминальное правосознание, согласно разделяемой нами концепции В.П. Малахова, свойственно для субъектов, связанных с пенитенциарной системой и представляющих преступное сообщество. Оно во многом противоположно государственническому правосознанию, построено на отрицании норм юридического государственного права и опирается на ценности, противоположные общепринятым ценностям в обществе («кодекс чести» мафии, вендетта и прочее).

Криминальное правосознание в целом нейтрально к сакральным религиозным началам. Однако в ряде случаев религия способна перевоспитать правонарушителей, повлиять на их поступки и сознание, вернуть на путь правомерного и социально одобряемого поведения. И здесь следует говорить о значении сакрального для формирования легитим-

¹ Малахов В.П. Характерные черты государственнического правосознания // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Юридические науки. 2019. № 3 (35). С. 8–17.

ности, прежде всего, к государственному праву.

Но вместе с тем существует целый пласт преступного мира, формирующийся и функционирующий на основе приверженности к отдельным (часто некорректно интерпретируемым) религиозным ценностям. Субъекты такого правосознания фанатично относятся к началам, разделяемой ими конфессии, видят цель своего существования в защите ее канонов и повсеместном продвижении ее идеологических принципов. Гипертрофированное религиозно-криминальное правосознание, в том числе подпитываемое руководителями различных тоталитарных сект, приводит к появлению террористических сообществ и совершению правонарушений на конфессиональной основе. В этой связи следует отметить неоднозначное, во многом противоречивое воздействие свойства сакрального на криминальное правосознание, его значимость в вопросе легитимности для такой особой формы права, как криминальное или теневое право.

Гражданскому правосознанию присуще социологическое правоупонимание, основывающееся на осознании права как неотъемлемой части социальной действительности; формирующиеся на основе такого сознания правоотношения характеризуются горизонтальными диспозитивными началами, интенцией на удовлетворение частного гражданского интереса. Субъекты гражданского правосознания — представители развитого и активно функционирующего гражданского общества, выступающего в качестве оппонента и существующего на синергетической основе конкурента государственного аппарата. Соотношение гражданского и государственнического правосознания во многом строится на принципах, аналогичных принципам соотношения государственного права и группового права (и такой его разновидности, как право гражданского общества) или соотношения гражданского общества и государства.

Одним их важнейших институтов гражданского общества выступает церковь. В связи с этим, а также из-за имманентности данному типу правосознания

духовности, приверженности фундаментальным ценностям и культурным основам цивилизации сакральность играет значимую роль в комплексе признаков рассматриваемого феномена. Оперирование и отсылка к духовным принципам — эффективный механизм воздействия на носителей гражданского правосознания, способный легитимировать практически любое государственно-властное принуждение либо осуществление обязанности в рамках группового права.

Между тем гражданское правосознание не нуждается, подобно государственническому, в искусственном «насаждении» легитимности, так как органичность обществу, а значит безусловное принятие им, — важнейшая черта гражданского права в частности и группового права в целом. Толерантность к нему — естественная и детерминирована особенностями типа правосознания и формы права.

Правосудное правосознание является дуалистичным, так как одновременно содержит в себе черты, свойственные и гражданскому, и государственническому правосознанию; его носителями выступают в основном представители судебной власти, призванные реализовывать нормы государственного права, но при этом способны принимать решения, опираясь на свое внутренне убеждение, руководствуясь законом и совестью.

Особое значение такое правосознание приобретает в странах, образующих англо-американскую правовую систему, в которых судьи имеют право за неимением соответствующей нормы статута принимать собственное процессуальное решение, формируя судебный прецедент, — один из наиболее духовно и сакрально детерминированных источников права.

Кроме содержательных основ, сакральность значима и для внешнего выражения правосудного правосознания. Так, очевидно воздействие на общественное мнение многочисленных символов и образов правосудия, выраженных в особом обращении к судье («ваша честь»), его правовом статусе, оформлении зала судебного заседания, судебной мантии, парике из овечьей шкуры и молотке — древнейшем символе судебной

власти и правосудия. Процедура разрешения дела по существу должна ассоциироваться в представлении рядовых участников и наблюдателей с актом судьбоносного решения, свершением правосудия, подобным по своей значимости божественному суду. Элемент состязательности, в котором за подсудимого борются две противоположные стороны, также отсылает к загробному воздаянию.

Так, двойственность правосудного правосознания влечет для него особую удвоенную значимость сакрального начала, способствующего сближению общества и основных положений государственного права либо повышению значимости для социума норм права гражданского общества, что в конечном итоге служит легитимации данных форм права.

Таким образом, необходимо сделать ряд выводов.

Во-первых, сакральность в той или иной степени присуща любому типу правосознания, однако в каждом из них она выражается своим уникальным образом и играет свою особую роль.

Во-вторых, главное значение сакрального в современном праве заключается в том, что это универсальный инструмент легитимности, эффективный в контексте любого типа правосознания, способный сформировать у общества позитивное восприятие норм права, терпимое отношение к применению государством некоторых форм легализованного насилия, что, в свою очередь, приведет к формированию устойчивого общественного правопорядка.

Литература

1. Давидов Д.С. Роль религии в формировании политико-правовой мысли Израиля / Д.С. Давидов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 340–344.
2. Давидов Д.С. Становление и эволюция правовой системы в государстве Израиль / Д.С. Давидов // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей сборник научных трудов. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД РФ, 2011. Вып. 17. С. 28–36.
3. Малахов В.П. Характерные черты государственнического правосознания / В.П. Малахов // Вестник Московского городского педагогического университета. 2019. № 3 (35). С. 8–17.
4. Сигалов К.Е. Религиозное бытие права / К.Е. Сигалов // Юридический мир. 2008. № 7. С. 71–75.

References

1. Davidov D.S. Rol religii v formirovanii politiko-pravovoy my'sli Izrailya [The Role of Religion in the Establishment of the Political Legal Thought of Israel] / D.S. Davidov // Yuridicheskaya nauka i praktika : Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii — Legal Science and Practice : Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. 2011. № 1 (14). S. 340–344.
2. Davidov D.S. Stanovlenie i evolyutsiya pravovoy sistemy` v gosudarstve Izrail [The Establishment and Evolution of the Legal System in the State of Israel] / D.S. Davidov // Problemy` yuridicheskoy nauki v issledovaniyakh doktorantov, adyunktov i soiskateley : sbornik nauchny`kh trudov [Issues of the Legal Science in Researches by Doctoral Students, Junior Scientific Assistants and Degree-Seeking Students : collection of scientific works]. Nizhny Novgorod : Nizhegorodskaya akademiya MVD RF — Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2011. Issue 17. S. 28–36.
3. Malakhov V.P. Kharakterny`e cherty` gosudarstvennicheskogo pravosoznaniya [Characteristic Traits of State Legal Consciousness] / V.P. Malakhov // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta — Bulletin of the Moscow City University. 2019. № 3 (35). S. 8–17.
4. Sigalov K.E. Religioznoe by`tie prava [Religious Existence of Law] / K.E. Sigalov // Yuridicheskiy mir — Legal World. 2008. № 7. S. 71–75.

Влияние религиозных ценностей на формирование правосознания

Зыкова Светлана Владимировна,
доцент кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
svetisl@yandex.ru

Дубинина Елена Николаевна,
доцент кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
dl8585@list.ru

Статья посвящена проблемам формирования правосознания. Авторами рассматриваются вопросы, связанные с религиозными истоками права, особенностями взаимосвязи и взаимовлияния религиозного и правового сознания, проблемами предотвращения формирования правового нигилизма, так как анализ духовно-культурных оснований правовой жизни способствует выявлению факторов эффективного развития правовой системы.

Ключевые слова: общество, право, сознание, правовое сознание, религия, религиозное сознание, корни права, ценности, правовые нормы, правовая культура, правовая психология.

The Influence of Religious Values on the Establishment of Legal Consciousness

Zykova Svetlana V.
Associate Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD (Law)

Dubinina Elena N.
Associate Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD (Law)

The article is devoted to the problems of formation of legal awareness. The authors consider issues related to the religious origins of law, the features of the relationship and mutual influence of religious and legal consciousness, the problems of preventing the formation of legal nihilism, since the analysis of the spiritual and cultural foundations of legal life helps to identify factors for the effective development of the legal system

Keywords: society, law, consciousness, legal awareness, religion, religious consciousness, roots of law, values, legal norms, legal culture, legal psychology.

Современное общество является сложноорганизованной структурой, подчиненной системным принципам построения. Для такой совокупности людей, выступающей организованной силой «как единое целое» при решении сложных социальных проблем, становится важным найти законы гармонизации общественных отно-

шений, которые оптимальным образом обеспечивают реализацию прав и свобод индивидов, их результативное взаимодействие¹, а также повышение эффективности права. В этих условиях

¹ Дубинина Е.Н. Причины, сущность и способы юридикации современных общественных отношений. Тула : ТПО, 2016. С. 25.

наибольшую актуальность получают проблемы формирования правосознания. Анализ глубинных духовно-культурных оснований правовой жизни позволяет выявить факторы эффективного развития правовой системы в плоскости позитивного права².

Проблема влияния религиозного сознания на формирование правосознания представляет интерес для отечественной теоретико-правовой науки и находит отражение в трудах западных исследователей права³. Существующие в науке подходы, находящиеся на пересечении интересов юридических и философских наук, предполагают обращение к вопросу о сущности права не только как нормы, но и затрагивают проблемы формирования его истоков и корней, а также правосознания. Исследование особенностей российского права позволяет обратить внимание на религиозные корни права, выявить взаимовлияние правовых и нравственно-религиозных ценностей, определить причины особенного понимания правовых явлений.

На формирование нравственного и правового сознания в современной России продолжают оказывать огромное влияние традиционные нравственные и религиозные ценности⁴. Религиозное сознание способствовало проникновению в право идей, идеалов, установок, характерных для других видов общественного сознания⁵, способствовало равновесию интересов общества и личности, устанавливало границы поведения личности.

Религиозные корни российского права находят отражение во взаимодействии права и православной религии в истории Российского государства⁶. В преамбуле к Федеральному закону от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»⁷ на уровне российского законодательства выделена взаимосвязь и влияние православия на становление Российского государства, развитие его духовности и культуры.

Давая характеристику религиозному сознанию, в первую очередь отмечают веру в сверхъестественное, что выходит за рамки научного понимания мира. Выделенный аспект не способствует пониманию взаимосвязи религии и права, так как право в первую очередь опирается на рациональное восприятие действительности. Выделяя несколько уровней религиозного сознания, можно отметить бытовой, обыденный уровень, который не всегда носит религиозный оттенок. При более узком понимании религиозного отношения к жизни можно выделить понятие светской религиозности, благоговения перед правом, святости его, поэтому можно принять точку зрения исследователя: «...скорее не право произошло от религии, а первоначальная форма духовного существования права — религия»⁸.

В правосознании воспроизводятся национальные архетипы, культурные представления о справедливости, свободе и равенстве. Для человека с ведущей формой религиозного сознания связь права и религии носит постоянный характер. Право культивирует религиозное содержание в форме установленного порядка. Говоря о роли религии в формировании правосознания, можно отметить и негативные сто-

² Зыкова С.В. Элементы религиозности в российском праве : монография. М. : Московский университет МВД России, 2008. С. 4–5.

³ Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М. : Ad Marginem, 1999. С. 7 ; Ван Хук М. Право как коммуникация. СПб. : Издательский дом СПбГУ, 2012. С. 20.

⁴ Общество в постнеклассической картине мира : курс лекций / С.Р. Аблеев, А.А. Васечко, Н.В. Галанина и др. ; под ред. Н.Ф. Медушевской, Н.В. Галаниной. Ижевск : Шелест, 2019. С. 12.

⁵ Малахов В.П. Философия права. Идеи и предположения. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 363.

⁶ Общество в постнеклассической картине мира. С. 129.

⁷ Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 7666–7678.

⁸ Малахов В.П. Указ. соч. С. 362.

роны, которые находят отражение в проявлениях противоправного религиозного поведения. Поэтому осмысление данного явления необходимо для изучения и профилактики религиозного экстремизма, представляющего угрозу насильственному изменению основ конституционного строя и целостности Российской Федерации⁹. Религиозное правосознание можно рассматривать как форму единения, в этом случае оно может быть связано с интегрирующей и легитимирующей функцией религии, а если оно разъединяет, тогда связь с религией негативная, может выражаться в деформированном правосознании и нести деструктивные последствия для личности и общества.

Определяя «сознание как понимание, осмысление определенных фактов, постановку определенных целей и подыскание средств для достижения этих целей»¹⁰, можно выделить слои сознания: «бытийное» (т.е. отношение в действительности) и «рефлексивное» (т.е. отношение к действительности)¹¹. Сознание не только отражает, но и творит, преобразует окружающее бытие, выступает не только в качестве пассивного отражения, но и творческой установкой на изменение, из индивидуального может становиться общественным сознанием, содержащим взгляды, убеждения, относящиеся к праву. Данный потенциал сознания (правового и религиозного) необходимо использовать для привития идей, направленных на изменение негативных правовых установок, формирования правовой психологии, ориентированной на уважение закона.

Правосознание, как и нравственное, политическое, религиозное, является формой общественного сознания,

отражающей в различных идеальных формах (мировоззрении, представлениях, чувствах и т.п.) материальную сторону бытия человека и общества. Взаимовлияние разных видов общественного сознания необходимо для эволюции права, в которые через правосознание внедряются наиболее оптимальные экономические, политические, моральные, религиозные нормы поведения.

К специфическим особенностям, влияющим на правосознание, можно отнести понимание законопослушного поведения в контексте религиозных правовых традиций, для которых характерно выделение праведного и только после этого законного. Идея правды, выражающая ценностную характеристику права, способствует более глубокому пониманию правильности поведения, связанную с отражением другой природы права, культурологической характеристикой.

Религиозные идеи и традиции помогают пониманию права как феномена культуры. Право, представляя собой систему ценностей (ценностных установок), выступает в качестве ориентированного правового поведения, законодательства, деятельности судов¹². В работе «Право как коммуникация» М. Ван Хук, характеризуя возможные признаки права, определяет, что «право предоставляет возможности для приемлемого человеческого поведения и ограничивает другие виды поведения»¹³, т.е. «выставляет рамки для человеческих действий, предлагает рамки для человеческой коммуникации»¹⁴, при этом религия объясняет появление этих рамок, опираясь на глубокую традицию, имеющую религиозное трактование.

Религиозное сознание, являясь исторически предшественником право-

⁹ Горохова В.В. Проблема религиозной безопасности в современной России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 1. С. 252.

¹⁰ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2001. С. 384.

¹¹ Там же. С. 385.

¹² Палазян А.С. Функциональная характеристика права: вопросы методологии : монография. М.: Московский ун-т МВД России, 2009. С. 142.

¹³ Ван Хук М. Указ. соч. С. 20.

¹⁴ Там же. С. 20.

вого, способствует восприятию элементов религиозности, которые со временем трансформируются в правовые идеи. В современном обществе данная проблема представляет интерес в случаях возникновения конфликта правовых норм и религиозных установок. Это свидетельствует о сильном влиянии религиозного сознания, сохранившегося в ментальных установках у части общества.

В современной России все возникающие ситуации, связанные с вопросами религии и религиозного сознания, решаются в правовом поле российского и международного законодательства, однако данный аспект влияния религиозного сознания на правосознание необходимо учитывать при разработке академической правовой науки, в законотворческой и правоприменительной деятельности.

При изучении влияния религии на правовое сознание можем наблюдать положительное воздействие, которое выражается в сформированном правовом и гражданском сознании, основанном на добровольности правозначимых действий, взаимности признания интересов и их уважении, доверии субъектов и индивидуальной пользе для каждого из них.

Однако констатируется противоположное явление, когда религиозное сознание личности не принимает

правовые установки, если это не укладывается в рамки религиозных представлений. Опасность для российского общества, сохранившего элементы традиционности у некоторой части общества, заключается в том, что данное явление может формировать негативное противоправное поведение и неприятие норм светского права.

Понимание значения религиозного сознания делает возможным использовать преобразующий потенциал религии через систему воспитания, в том числе и для формирования необходимого уровня правовой культуры. Это подразумевает осмысление духовности и выявление возможности ее выражения и реализации во всех сферах человеческого бытия, в том числе и в праве. Правовая культура демонстрирует правоформирующие факторы культуры и связь права с другими формами бытия — экономической, политической, моральной и рассматриваемой нами религиозной.

Проведенный анализ влияния религиозных ценностей на правосознание свидетельствует о том, что вопрос является сложным и затрагивает личные права человека, имеет глубокие исторические корни. Однако изучение проблемы может представлять интерес для развития правовой теории, находит отражение как в академической науке, так и в практической деятельности.

Литература

1. Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии / Г.Дж. Берман. Москва : Ad Marginem, 1999. 431 с.
2. Ван Хук М. Право как коммуникация / М. Ван Хук. Санкт-Петербург : Изд-й дом СПбГУ, 2012. 288 с.
3. Горохова В.В. Проблемы профилактики отклоняющегося поведения в религиозной сфере / В.В. Горохова // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 116–118.
4. Дубинина Е.Н. Причины, сущность и способы юридизации современных общественных отношений / Е.Н. Дубинина. Тула : ТППО, 2016. 160 с.

5. Зыкова С.В. Элементы религиозности в российском праве : монография / С.В. Зыкова. Москва : Московский ун-т МВД России, 2008. 114 с.
6. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / Д.А. Керимов. Москва : Аванта+, 2001. 560 с.
7. Малахов В.П. Философия права. Идеи и предположения / В.П. Малахов. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 392 с.
8. Общество в постнеклассической картине мира : курс лекций / С.Р. Аблеев, А.А. Васечко, Н.В. Галанина [и др.] ; под редакцией Н.Ф. Медушевской, Н.В. Галаниной. Ижевск : Шелест, 2019. 376 с.
9. Палазян А.С. Функциональная характеристика права: вопросы методологии : монография / А.С. Палазян. Москва : Московский ун-т МВД России, 2009. 232 с.

References

1. Berman H.J. Vera i zakon: primirenie prava i religii [Faith and Order: The Reconciliation of Law and Religion] / H.J. Berman. Moskva : Ad Marginem — Moscow : Ad Marginem, 1999. 431 s.
2. Van Hoescke M. Pravo kak kommunikatsiya [Law as Communication] / M. Van Hoescke. Sankt-Peterburg : Izd-y dom SPbGU — Saint Petersburg : Publishing house of the SPbSU, 2012. 288 s.
3. Gorokhova V.V. Problemy` profilaktiki otklonyayushegosya povedeniya v religioznoy sfere [Issues of Prevention of Deviant Behavior in the Religious Sphere] / V.V. Gorokhova // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii — Bulletin of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1. S. 116–118.
4. Dubinina E.N. Prichiny`, suschnost i sposoby` yuridizatsii sovremenny`kh obschestvenny`kh otnosheniy [The Reasons, Essence and Means of Juridification of Modern Social Relations] / E.N. Dubinina. Tula : TPPO — Tula : Tula Polygraphic Production Association, 2016. 160 s.
5. Zykova S.V. Elementy` religioznosti v rossiyskom prave : monografiya [Elements of Religiousness in the Russian Law : monograph] / S.V. Zykova. Moskva : Moskovskiy un-t MVD Rossii — Moscow : Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 114 s.
6. Kerimov D.A. Metodologiya prava (predmet, funktsii, problemy` filosofii prava) [Methodology of Law (the Subject, Functions, Issues of Philosophy of Law)] / D.A. Kerimov. Moskva : Avanta+ — Moscow : Avanta+, 2001. 560 s.
7. Malakhov V.P. Filosofiya prava. Idei i predpolozheniya [Philosophy of Law. Ideas and Assumptions] / V.P. Malakhov. Moskva : YUNITI-DANA — Moscow : UNITI-DANA, 2015. 392 s.
8. Obschestvo v postneklassicheskoy kartine mira : kurs lektsiy ; pod redaktsiei N.F. Medushevskoy, N.V. Galaninoy [The Society in the Postnonclassical Worldview : course of lectures ; edited by N.F. Medushevskaya, N.V. Galanina] / S.R. Ableev, A.A. Vasechko, N.V. Galanina [i dr.]. Izhevsk : Shelest — Izhevsk : Shelest, 2019. 376 s.
9. Palazyan A.S. Funktsionalnaya kharakteristika prava: voprosy` metodologii : monografiya [Functional Characteristics of Law: Issues of Methodology : monograph] / A.S. Palazyan. Moskva : Moskovskiy un-t MVD Rossii — Moscow : Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. 232 s.

Информационное правосознание как особый футуристический тип правосознания: теоретико-правовая характеристика

Гарашко Анна Юрьевна,
доцент кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
garashkoanna@rambler.ru

Данная статья посвящена анализу такого неклассического типа правосознания, как информационное правосознание. Исследование информационного правосознания позволило выделить его содержательные характеристики и констатировать, что позиционирующаяся в настоящее время как инструмент повышения эффективности юридической деятельности, способ оптимизации ее формы и компенсации пробелов тенденция инфотехнократизации способна в дальнейшем, при сохранении существующих трендов, перерасти в цель, выступающую содержанием правовой сферы, и в целом заменить собой ряд классических правовых ценностей и идеалов.

Ключевые слова: право, правосознание, система права, технократизация, цифровизация, информатизация, юридическая футурология, субъекты и объекты правосознания, информационное правосознание.

Information Legal Consciousness as a Specific Futuristic Type of Legal Consciousness: Theoretical and Legal Characteristics

Garashko Anna Yu.
Associate Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD (Law), Associate Professor

This article is devoted to the analysis of such non-classical type of legal awareness as informational legal awareness. The study of information awareness has allowed to identify its informative features, and to confirm that positioned in the present time as a tool to improve the effectiveness of legal activity, a method of optimizing the form, and compensation gaps, the trend of infotechnological in the future, if current trends into the goal, projecting contents of the legal sphere, and in general to substitute a number of classical legal values and ideals.

Keywords: law, legal consciousness, system of law, technocratization, digitalization, informatization, legal futurology, subjects and objects of legal consciousness, information legal consciousness.

Жизнь человека в XXI в. немыслима вне информационного поля, системы технических устройств и приспособлений, всеобщей цифровизации и компьютеризации, сетевого общения и нарастающего влияния средств массовой информации. Эти и другие признаки позволяют охарактеризовать современное общество как общество информационного типа, пришедшее на смену индустриальному обществу.

Доминирование информационных ресурсов и их носителей, а также достижений науки в технических сферах постепенно меняет ранее сложившиеся сферы социальной жизни, переводя их в виртуальную плоскость. Специфи-

ка данной новой области общественных отношений заключается во всеобъемлемости, привлекательности и массовости. Не является исключением и правовая система, испытывающая всевозрастающее воздействие технократизации. Все виды юридической деятельности компьютеризируются и диджитализируются. Распространяются системы электронного голосования, электронного правительства (сайт госуслуг), цифровых документооборота, подписей, правосудия, учета, контроля и изменения нормативной правовой базы, обсуждения законопроектов в сети «Интернет», программы-конструкторы договоров, смарт-контракты, фото- и видеофиксация правонарушений,

сопровождающиеся автоматическим принятием юридически значимых решений и актов, квалификацией нарушений права как деяний, не соответствующих заданным алгоритмам.

Возрастание процедуральности и бюрократизированности государственного управления и правоприменения ведет к росту значимости юридико-технических возможностей и перспектив в правовой сфере. Технические приспособления и приборы способствуют быстрому, эффективному и качественному раскрытию и расследованию преступлений, равному по информационной вооруженности ответу на кибер- и сетевые угрозы государству и праву, информационные агенты продуктивно воздействуют на правовую культуру и деятельность граждан, способствуя их правомерному поведению и правопорядку в целом.

Объективно изменению внешней окружающей среды трансформируется общественное сознание во всех своих формах, в том числе происходит деформация правосознания человека. Оно уже не способно ограничиваться своими традиционными разновидностями (индивидуальным, групповым, общественным и др.), каждая из которых испытывает влияние указанных трендов. Все они испытывают единую тенденцию, воспринимая ее и изменяясь, согласно ей, в индивидуальном порядке (с этим связано наращивание темпов перекалфикации и повышения квалификации лиц в целях востребованности на рынке труда, детерминированного цифровой составляющей). Кроме такой деформации информатизация и технократизация в дальнейшем способны привести и к появлению собирательного, принципиального нового, охватывающего все ранее выделяемые типы и при этом качественно отличающегося от них, наиболее адекватно отвечающего современной обстановке правосознания информационного правосознания.

Прогнозирование появления такого типа правосознания обуславливает необходимость определения его основных характеристик.

Так, субъектами информационного правосознания, прежде всего, станут люди, живущие в цифровой сетке коор-

динат, специалисты и служащие IT-сферы (блогеры, программисты, провайдеры, хакеры и прочие), кроме того, значимыми по численности и влиятельности будут представители государственного сектора, информатизация и цифровизация которого за счет провозглашения экономии, оптимальности, оперативности и продуктивности является мейнстримом государственной службы. Субъекты гражданско-правовой и криминальной сферы, хотя и в меньшей степени, но также активно осваивают возможности виртуального пространства и искусственного интеллекта, для достижения своих целей и удовлетворения потребностей, в том числе не соответствующих правовым нормам. Сетевая карта, имя, логин, криптовалюты, цифровые жизнь и смерть способны стать не только инструментами повышения качества, привлекательности и удобства жизни, но и совершения многочисленных правонарушений (dark net, киберпреступность), что связано со сложностью идентификации реальной личности и обстоятельств совершенных правонарушений в виртуальном пространстве.

Единственным исключением из сферы влияния цифровой парадигмы будут представители старшего поколения, в целом скептически относящиеся к нововведениям, и некоторые представители религиозной сферы, на плечи которых в основном и ляжет борьба с являющейся естественным следствием таких тенденций — дегуманизацией и деморализацией жизни общества, популяризация свободы воли и творческого начала, традиционных ценностей и ориентиров, компенсация законотворчества правотворчеством, а автоматизации правоприменения — свободой усмотрения правоприменителя. Сближаясь с технической сферой, право может потерять свою гуманистическую природу и духовные основы. Все это вызывает необходимость разработки особого комплекса этических норм обращения человека с искусственным интеллектом.

Юридическая футурология уже заставляет задумываться о вопросе придания (в той или иной ограниченной форме) статуса субъекта права обладателям искус-

ственного интеллекта, сложным для юридического разрешения видится вопрос привлечения к ответственности лиц, обладающих бионическими возможностями (например, людей-киборгов с руками-гаджетами), не сравнимыми по характеристикам с обычными человеческими умениями, навыками, лиц, объединяющих в себе ресурсы естественного и искусственного интеллектов, клонов и т.п.

Объектами информационного правосознания станут общественные отношения в сфере технологий, автоматизации и технократизации правовой сферы, источники права, закрепляющие нематериальные авторские, интеллектуальные и аналогичные права, свобода информационного обмена и хранения сведения, защита информации и сама информация, которая станет основным ресурсом человечества, превышающим по значимости все материальные и капитальные блага, трансформированная система права, основной и всеохватывающей отраслью которой станет информационное право.

Таким образом, позиционирующаяся в настоящее время как инструмент повышения эффективности юридической деятельности, способ оптимизации ее формы и компенсации пробелов тенденция инфотехнократизации способна в дальнейшем при сохранении существующей обстановки перерасти в цель, выступающую содержанием правовой сферы, и в целом заменить собой нынешние правовые ценности и идеалы.

Основными особенностями данного перспективного типа правосознания, многие из которых мы уже можем выявить в государственном типе правосознания и, соответственно, государственной форме права¹, будут являться следующие:

— формализованность — данный тип правосознания будет характеризоваться выхолащиванием содержательной составляющей правового восприятия и преобладанием общеобязательности, внешнего аспекта права, акцентуацией на соблюдении правил юридической тех-

ники, формальной логики и линейности развития правовой жизни;

— процедуральность — важное значение для права будущего будет занимать процессуальная сторона, связанная с постоянно протекающими динамическими аспектами правового регулирования и правовой жизни в целом, способностью информационного права приспосабливаться к смене ситуации в обществе, находиться в состоянии перманентной трансформации;

— технократичность — наибольшими правовыми привилегиями, свободами и властью смогут пользоваться представители технократической элиты (меритократии), подчинив процессам индустриализации и цифровизации, а также связанным с ними техническим средствам жизнь общества будущего, поставив машину выше интересов человека, духовности и творчества в праве; и то, что раньше выступало средством поддержания правопорядка, в частности различные приспособления и автоматы, в будущем может в сознании человека приобрести статус его цели;

— цикличность — информационное правосознание, подобно работе машины, будет зацикленным, то есть характеризоваться постоянным повторением, возвращением к исходному состоянию и началу всех обменных процессов заново; это создаст в человеческом мышлении представление о праве как о закономерном ряде каких-либо бесконечных явлений, которые невозможно прекратить;

— автоматизация — характерно, что вся правовая жизнь постепенно автоматизируется, а затем оцифруется, то есть абсолютно все процессы в праве можно будет технически измерить, с той или иной степенью вероятности предугадать, профилировать, пресекать и анализировать, что качественно изменит реализацию права во всех его формах. Интеллектуальному осмыслению права будет дана абсолютная свобода, подкрепленная возможностями использовать математические модели, алгоритмы, прогнозы, специальные технические приспособления и автоматы;

— массовость — внедрение идентичных технических приспособлений в конечном итоге приведет к универсализации

¹ Под государственным правом как формой права следует понимать систему общеобязательных формально определенных и охраняемых государством юридических правил поведения.

мышления, отсутствию индивидуализации и уникальности правовой личности, превращающейся в роботизированное биологическое существо, тем не менее легко поддающееся управлению и внушению; уже сейчас предпосылки массовости проявляются в клиповости и мозаичности мышления, нежелании осуществлять рефлексивную мыслительную деятельность;

— трансгуманистичность — подобно тому, как цифровизация не имеет государственно обусловленных юридических границ и зависит лишь от самого человека, его желаний, знаний, умений, навыков и технической оснащенности, цифровое правосознание будет лимитировано лишь виртуальным пространством, сетями, системами. Многие ценности, идеи, принципы и аксиомы, созданные в процессе цифровизации, станут общемировыми и сформируют цифровую правовую идеологию, предпосылкой которой в настоящее время можно рассматривать уже конвенционально признаваемый медиа-дискурс;

— системность — способность сознания воспринимать мир в целом, как единое явление, состоящее из взаимосвязанных структурных элементов; всеобъемлющая детерминированность, строгая формальная упорядоченность, организованность, алгоритмичность мышления, напоминающие свойства виртуального интеллекта и машинного представления об окружающем;

— динамичность — стремительность, активность развития, практическая направленность, умение быстро приспосабливаться, гибко подходить к решению проблем, трансформироваться согласно меняющимся условиям, адекватно реагировать на вызовы окружающей среды — это то, что будет отвечать свойству динамичности нового типа правосознания.

Представленные характеристики информационного правосознания, как крайне специфичного типа правосознания будущего, выступают как единый комплекс взаимообусловленных и когерентных свойств, существующих друг благодаря другу.

Таким образом, актуализирующиеся в настоящее время тенденции цифровизации при сохранении существующих темпов интенсификации и экстенсификации способны в будущем кардинально трансформировать образ человеческой жизнедеятельности, а затем повлиять и на сознание индивида, меняя устоявшиеся ценности и предлагая им альтернативные ориентиры и координаты поведения, наиболее значимой из которых представляется информационная составляющая. Изменению подвергнется и правосознание, обновленные черты и качества которого в силу сложившихся условий целесообразно будет объединить в новый перспективный тип — информационное правосознание.

Литература

1. Клименко А.И. Функционально-структурный анализ правовой идеологии в юридической теории: предпосылки и перспективы / А.И. Клименко // История государства и права. 2017. № 3. С. 24–28.
2. Малахов В.П. Характерные черты государственнического правосознания / В.П. Малахов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 3 (35). С. 8–17.
3. Сигалов К.Е. Пространство и время — формы бытия политико-правовой материи / К.Е. Сигалов // История государства и права. 2007. № 11. С. 12–15.

References

1. Klimenko A.I. Funktsionalno-strukturny'y analiz pravovoy ideologii v yuridicheskoy teorii: predposylki i perspektivy [A Functional and Structural Analysis of the Legal Ideology in the Legal Theory: Prerequisites and Prospects] / A.I. Klimenko // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 3. S. 24–28.
2. Malakhov V.P. Kharakterny'e cherty gosudarstvennicheskogo pravosoznaniya [Characteristic Traits of State Legal Consciousness] / V.P. Malakhov // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta — Bulletin of the Moscow City University. Series: Legal Sciences. 2019. № 3 (35). S. 8–17.
3. Sigalov K.E. Prostranstvo i vremya — formy by'tiya politiko-pravovoy materii [Space and Time: Forms of Existence of the Political Legal Matter] / K.E. Sigalov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2007. № 11. S. 12–15.

Влияние информационно-телекоммуникационных технологий на правосознание современного общества

Правкина Ирина Николаевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
pravkinairina@yandex.ru

Правкин Игорь Владимирович,
заместитель начальника кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
pravkin013@rambler.ru

Статья посвящена анализу влияния информационно-телекоммуникационных технологий на ценностно-правовые ориентации современного общества и массовое правосознание в целом. Обосновано, что особенности такого влияния определяются не столько характером самих технологий, сколько тем социально-политическим контекстом, в котором они находят свое применение, и, прежде всего, спецификой установившегося в конкретном обществе политического режима. Также установлены различия в степени и характере влияния информационно-телекоммуникационных технологий на научное и обыденное правосознание.

Ключевые слова: правосознание, информационно-телекоммуникационные технологии, политический режим, научное правосознание, обыденное правосознание.

The Influence of Information and Telecommunication Technologies on Legal Consciousness of the Modern Society

Pravkina Irina N.
Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
PhD (Law)

Pravkin Igor V.
Deputy Head of the Department of Theory of State and Law
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD (Law), Associate Professor

The article analyzes the impact of information and telecommunications technologies on the value and legal orientation of modern society and mass legal awareness in General. It is proved that the features of such influence are determined not so much by the nature of the technologies themselves as by the socio-political context in which they are used, and above all by the specifics of the political regime established in a particular society. There are also differences in the degree and nature of the impact of information and telecommunications technologies on scientific and everyday legal awareness.

Keywords: legal awareness, information and telecommunication technologies, political regime, scientific legal awareness, everyday legal awareness.

Правосознание является компонентом правовой системы, изменения которой могут быть связаны с непосредственным или опосредованным влиянием различного рода факторов. Среди таких факторов в настоящее время особую роль

играют информационно-телекоммуникационные технологии.

М.Л. Давыдова и В.О. Макаров справедливо указывают на то, что воздействие сети Интернет способно привести не столько к частным изменениям,

сколько к трансформации всей системы в целом, при этом «результаты такого воздействия обнаруживаются при рассмотрении каждого структурного элемента правовой системы»¹. И.С. Старшова и И.М. Дудник отмечают, что подрастающее поколение в силу несформированности и неустойчивости своего отношения к окружающей действительности в большей степени подвержено воздействию массмедиа и склонно «срисовывать» навязываемую СМИ модель поведения, сказанное относится в том числе и к поведению в правовой сфере².

Информационно-телекоммуникационные технологии способны оказывать существенное влияние на восприятие и осмысление правовых явлений, в значительной мере определять правовые представления и установки индивида, его правовые привычки, что в конечном итоге находит свое выражение в правозначимом поведении. В то же время, как ни парадоксально, характер влияния названных технологий на правосознание общества в значительной мере определяется социально-политическим контекстом и, прежде всего, спецификой установившегося в конкретном обществе политического режима.

В условиях демократического режима обеспечиваются и гарантируются идеологический и политический плюрализм, что обуславливает, в свою очередь, практически ничем не ограничиваемое разнообразие транслируемой посредством информационно-телекоммуникационных технологий информации. Названные технологии могут использоваться для распространения информации, оказывающей как позитивное, так и негативное влияние на правосознание. К сожалению, они способны превращаться и в инструмент манипулятивного воздействия на массовое сознание.

Позитивным является то, что в условиях демократии правовое инфор-

мирование, просвещение, а также неограниченный доступ к получению информации способствуют более быстрому формированию у граждан представлений о должном и сущем праве, навыка адекватно оценивать различные жизненные ситуации и принимать правозначимые решения, способности более чутко реагировать на те изменения, которые происходят в действующем праве. Информационно-телекоммуникационные технологии играют значимую роль в формировании ценностных ориентаций, лежащих в основе правомерного поведения, могут быть средством стимулирования активного использования возможностей, заложенных в предоставляемых гражданину правах.

Посредством информационно-телекоммуникационных технологий государство может влиять на формирование в массовом правосознании того или иного отношения к закону еще до его принятия. Информационно-телекоммуникационные технологии позволяют заранее сформировать позитивное отношение к правовой норме еще до того, как индивид столкнется с правовой ситуацией и необходимостью выбора того или иного варианта ее разрешения.

Деструктивное влияние информационно-телекоммуникационных технологий на правосознание определяется тем, что в условиях демократического режима избыточный поток информации не всегда может быть адекватно воспринят индивидом, прежде всего, в ситуации несформированности, незрелости правосознания и не критичности мышления. В результате «происходит искажение, ломка уже наличного правосознания и формирование правового нигилизма. Это приводит к тому, что ряды подростков с девиантным поведением бесконечно пополняются»³.

При недемократическом режиме информационно-телекоммуникационные технологии, как правило, используются для трансляции заранее «отобранной» информации, поступающей от власт-

¹ Давыдова М.Л., Макаров В.О. Трансформация правовой системы под влиянием сети Интернет // Вестник Волгоградского государственного университета. 2016. Т. 15. № 4 (33). С. 52.

² Старшова И.С., Дудник И.М. Влияние СМИ на правосознание молодежи // Наука и общество. 2016. № 1 (24). С. 77.

³ Долгова Е.А. Факторы, влияющие на формирование правосознания молодежи современной России // Право и образование. 2011. № 2. С. 136.

ных органов. Целостный, всеохватывающий контроль над всеми сферами жизнедеятельности общества, в том числе и над информационной сферой, чаще всего негативно сказывается на формировании правосознания.

В условиях существования общеобязательной официальной идеологии органам государственной власти, как правило, удается контролировать поток информации, поступающей к гражданам, что влияет на степень разнообразия, полноты и объективности той правозначимой информации, которой располагает индивид, а в конечном итоге на его поведение. Появляется возможность не просто манипулирования правовым сознанием, но и подмены правовых установок и ценностных ориентаций политическими.

Воздействие, осуществляемое при помощи информационно-телекоммуникационных технологий, нередко обуславливает укоренение в правосознании граждан идеи о «всеисцеляющей» силе права. Как правило, речь идет о правовом романтизме, который предполагает представление о том, что правовое регулирование разнообразного круга общественных отношений, а также наличие юридических норм способно разрешить все возникшие проблемы как правового, так и неправового характера. Однако поскольку в условиях отсутствия развитого гражданского общества в рамках недемократического политического режима отсутствуют рычаги воздействия на те государственно-властные институты, которые монополизируют применение информационно-телекоммуникационных технологий в своих интересах, романтизируемое право оказывается крайне политизированным. Правосознание оказывается дезориентированным и сталкивается со сложностями тогда, когда речь идет о дифференциации правового и политического, а значит, и с принятием правовых решений в ситуациях, требующих выхода за рамки идеологических установок государства.

Вместе с тем распространение преступной, аморальной информации посредством информационно-телекоммуникационных технологий в условиях

недемократического режима чаще всего сводится к минимуму, что, в свою очередь, оказывает позитивное воздействие на правосознание.

Роль информационно-телекоммуникационных технологий в формировании правосознания определяется не только факторами внешней среды, но и параметрами самого правосознания. В частности, можно с уверенностью говорить о том, что она изменяется в зависимости от уровня правовых знаний (степени глубины познания права).

Для научного правосознания в современных условиях характерна культивация новых стратегических ориентиров прогрессивного развития правовой системы. «Интернет создает новую предметную область изучения, объекты исследования, формирует новую картину правовой реальности, которая нуждается в научном осмыслении»⁴, и научное правосознание активно пользуется возникающими в этой связи возможностями освоения и осмысления правовой реальности.

В условиях информационного общества особенности отражения правовой действительности научным правосознанием уже не в той мере, как раньше, определяются сложившимися юридическими догмами и правовой доктриной государства. Научное правосознание все чаще обращается к поиску новой парадигмы юридического мышления и новых возможностей познания правовой действительности. В целом информационно-телекоммуникационные технологии создают условия, в которых научное правосознание может претерпеть существенные позитивные изменения как с точки зрения его содержания, так и в функциональном плане.

Влияние информационно-телекоммуникационных технологий на обыденное правосознание носит менее однозначный характер. С одной стороны, применение таких технологий способствует повышению уровня правовых знаний, а также степени глубины познания правовой реальности. В обыденном правосознании формируется более

⁴ Давыдова М.Л., Макаров В.О. Указ. соч. С. 54.

ясное представление о правовых ценностях, целях права, закономерностях его функционирования, что способствует более позитивному отношению к праву, к практике его применения, к действиям органов государственной власти и местного самоуправления, создает основу конструктивного взаимодействия государства и гражданского общества, а также более эффективного использования гражданами правовых средств для обеспечения и защиты своих интересов. С другой стороны, неконтролируемый поток информации может оказывать деструктивное влияние на обыденное правосознание, могут формироваться идеи и ценности, противоречащие истинным представлениям о правовом и справедливом.

Как правило, деструктивное информационное воздействие осуществляется с целью искажения представлений о позитивной роли права в жизни общества, о деятельности государственных органов, динамике противодействия преступной деятельности правоохранительными органами. Ложно понятые идеи и ценности в дальнейшем обнаруживают себя в противоправном поведении граждан и нежелании пользоваться предоставляемыми действующим законодательством инструментами реализации и защиты

прав и свобод, негативно влияют на степень политико-правовой активности граждан. В конечном итоге это приводит к тому, что люди в повседневной жизни начинают отдавать предпочтение неправовым методам и средствам достижения значимых для них целей.

Подведем итоги.

1. В условиях информационного общества изучение влияния информационно-телекоммуникационных технологий на правосознание приобретает чрезвычайно высокую значимость.

2. Характер и степень влияния информационно-телекоммуникационных технологий на правосознание граждан во многом определяется социально-политическим контекстом, в котором названные технологии находят свое применение. Так, влияние на массовое правосознание информационно-телекоммуникационных технологий оказывается разным в условиях демократического и недемократического общества.

3. Влияние информационно-телекоммуникационных технологий может быть разным и в зависимости от характеристик самого правосознания. В частности, такое влияние по-разному проявляется в научном и обыденном правосознании.

Литература

1. Давыдова М.Л. Трансформация правовой системы под влиянием сети Интернет / М.Л. Давыдова, В.О. Макаров // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2016. Т. 15. № 4 (33). С. 50–57.
2. Долгова Е.А. Факторы, влияющие на формирование правосознания молодежи современной России / Е.А. Долгова // Право и образование. 2011. № 2. С. 130–138.
3. Старшова И.С. Влияние СМИ на правосознание молодежи / И.С. Старшова, И.М. Дудник // Наука и общество. 2016. № 1 (24). С. 77–81.

References

1. Davydova M.L. Transformatsiya pravovoy sistemy` pod vliyaniem seti Internet [The Transformation of the Legal System under the Influence of the Internet] / M.L. Davydova, V.O. Makarov // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2016. Vol. 15. № 4 (33). S. 50–57.
2. Dolgova E.A. Faktory`, vliyayuschie na formirovanie pravosoznanie molodezhi sovremennoy Rossii [Factors Influencing the Establishment of Legal Consciousness of the Young in the Modern Russia] / E.A. Dolgova // Pravo i obrazovanie — Law and Education. 2011. № 2. S. 130–138.
3. Starshova I.S. Vliyanie SMI na pravosoznanie molodezhi [The Influence of Mass Media on the Legal Consciousness of the Young] / I.S. Starshova, I.M. Dudnik // Nauka i obschestvo — Science and Society. 2016. № 1 (24). S. 77–81.